

ISSN 2782-3067

RUSSIA & WORLD: SCIENTIFIC DIALOGUE

РОССИЯ И МИР

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

№ 1(3) | No. 1(3)
МАРТ | MARCH | 2022

НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ
РАЗВИТИЯ
КОММУНИКАЦИЙ

Наука, исследования,
аналитика

Консалтинг,
проекты

Цифровые технологии
и решения

Издательская
и медиадеятельность

Просвещение
и обучение

Гуманитарные
коммуникации

*Искусство диалога
и доверия*

📍 Москва, Коробейников переулок, 22, строение 1

☎ +7 (495) 252-67-88 🌐 www.nicrus.ru ✉ institut@nicrus.ru

ISSN 2782-3067

RUSSIA & WORLD: SCIENTIFIC DIALOGUE

РОССИЯ И МИР: НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

№ 1(3) | No. 1(3)
МАРТ | MARCH | 2022

Журнал «Россия и мир: научный диалог» предоставляет непосредственный открытый доступ к своему контенту, исходя из следующего принципа: свободный открытый доступ к результатам исследований способствует увеличению глобального обмена знаниями.

«Russia&World: Scientific Dialogue» journal provides direct access to its content based on the following principle: free open access to the results of research contributes to increased global knowledge sharing.

Издается 4 раза в год

Январь – март 2022

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-81013
от 17 мая 2021 г. выдано Федеральной
службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых
коммуникаций (Роскомнадзор)

ISSN 2782-3067

Архивация:
Российская государственная библиотека
Национальный электронно-
информационный консорциум

Издатель:
АНО «Национальный исследовательский
институт развития коммуникаций»

Адрес: 119034, г. Москва, пер. Коробейников,
д. 22, стр. 1.

ISSN 2782-3067

9 772782 306007 >

УДК: 327 ББК 66.4

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

НАУМКИН Виталий Вячеславович – доктор исторических наук, академик Российской академии наук (Москва, Россия).

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КОМЛЕВА Валентина Вячеславовна – доктор социологических наук (Москва, Россия).

ГАСУМЯНОВА Алина Владиславовна – кандидат юридических наук (Москва, Россия).

ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР

ЛЕТЯЕВ Валерий Алексеевич – доктор юридических наук, профессор кафедры международных отношений, мировой политики и дипломатии Казанского федерального университета (Казань, Россия).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

БЕГАЛИНОВА Калимаш Капсамаровна – доктор философских наук, профессор (Алматы, Казахстан).

ВОЛКОВ Владислав Викторович – доктор социологии (Рига, Латвия).

ЕГОРОВ Владимир Константинович – доктор философских наук, профессор, почётный доктор Института социологии Российской академии наук (Москва, Россия).

ЗАГРЕБИН Алексей Егорович – доктор исторических наук, профессор Российской академии наук (Ижевск – Москва, Россия).

ЛЕОН-ДАРДЕР Фидель – доктор экономики (Валенсия, Испания).

РАХИМОВ Мирзохид Акрамович – доктор исторических наук, профессор (Ташкент, Узбекистан).

РЯЗАНЦЕВ Сергей Васильевич – доктор экономических наук, член-корреспондент Российской академии наук (Москва, Россия).

ШАБРОВ Олег Федорович – доктор политических наук, профессор (Москва, Россия).

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ СОВЕТ

ФЕДОРОВ Александр Вячеславович – председатель Международного научного совета, кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Москва, Россия).

ГАСУМЯНОВ Владислав Иванович – заместитель председателя Международного научного совета, директор Национального исследовательского института развития коммуникаций, доктор экономических наук (Москва, Россия).

БЕЛОУСОВ Михаил Владимирович – кандидат социологических наук (Москва, Россия).

КАМАЛОВ Армаис Альбертович – доктор медицинских наук, профессор, академик Российской академии наук (Москва, Россия).

ХОДЬКО Вячеслав Трофимович – кандидат технических наук (Санкт-Петербург, Россия).

EDITOR-IN-CHIEF

Vitaly V. NAUMKIN – DSc (Hist.), professor, full member of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

DEPUTY CHIEF EDITORS

Valentina V. KOMLEVA – DSc (Soc.), head of the Analytics department of the National Research Institute for Communications Development (Moscow, Russia).

Alina V. GASUMYANOVA – CandSc (Law) (Moscow, Russia).

EXECUTIVE EDITOR

Valerii A. LETIAEV – DSc (Law), Professor, professor of the Department of International Relations, World Politics and Diplomacy of the Kazan Federal University (Kazan, Russia).

EDITORIAL BOARD

Kalimash K. BEGALINOVA – DSc (Philos.), professor (Almaty, Kazakhstan).

Vladislav V. VOLKOV – Doctor of Sociology (Riga, Latvia).

Vladimir K. EGOROV – DSc (Philos.), professor, Honorary Doctor of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Alexey E. ZAGREBIN – DSc (Hist.), Professor of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk – Moscow, Russia).

Fidel LEON-DARDER – Doctor of Economics (Valencia, Spain).

Mirzokhid A. RAKHIMOV – DSc (Hist.), professor (Tashkent, Uzbekistan).

Sergey V. RYAZANTSEV – DSc (Econ.), professor, corresponding member of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Oleg F. SHABROV – DSc (Polit.), professor (Moscow, Russia).

INTERNATIONAL SCIENTIFIC COUNCIL

Alexander V. FEDOROV, chairman of the International Scientific Council – CandSc (Law), professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation (Moscow, Russia).

Vladislav I. GASUMYANOV, deputy chairman of the International Scientific Council – DSc (Econ.), Director of the National Research Institute for Communications Development, (Moscow, Russia).

Mihail V. BELOUSOV – CandSc (Soc.) (Moscow, Russia).

Armais A. KAMALOV – DSc (Med.), professor, full member of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Vyacheslav T. KHODKO – CandSc (Tech.) (St. Petersburg, Russia).

Виталий Вячеславович НАУМКИН,
академик Российской академии наук,
главный редактор журнала
«Россия и мир: научный диалог»

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Уважаемые читатели!

Текущий номер нашего журнала посвящен преимущественно вопросам диалога цивилизаций, поиску субъектов и инструментов такого диалога.

Рубрику «Теория и методология» открывают материалы научной дискуссии о будущем, проведенной в Национальном исследовательском институте развития коммуникаций (НИИРК) Центром междисциплинарных исследований им. С.П. Курдюмова «СРЕТЕНСКИЙ КЛУБ» (Москва, Россия). Участники дискуссии обращают внимание читателей журнала на гуманитарный этос науки, что как никогда актуально именно сейчас, когда технологический прорыв последних десятилетий не смог привести к решению актуальных проблем развития человечества, не сделал человечество счастливее, свободнее, а его существование осмысленнее. Как считают участники дискуссии, «глобализация как проект и глобальный мир без границ, очевидно, оказались чересчур идеалистичной картинкой, своеобразной утопией. На Земле попросту недостаточно ресурсов, чтобы каждый человек получил все цивилизационные блага в достаточном количестве». Возникает острая необходимость «гуманитарного прорыва» по обсуждению смены парадигм, ключевыми темами которого должны стать «цивилизация», «Большой антропологический переход», «культурно-цивилизационная общность». С учетом этого должны создаваться основы концептуального, научного и философского фундамента нового мира как ответ на вызов, обращенный сегодня к гуманитаристике. Источниками для конструирования будущего для авторов стали междисциплинарные, кросс-дисциплинарные и трансдисциплинарные исследования, осуществляющиеся в рамках синергетики, акторно-сетевой теории и современной эпистемологии.

Продолжением обсуждения теоретической проблематики будущего стала статья Д.Е. Мартынова о цивилизационном развитии и месте в нем Запада и Китая. С этой целью автор обратился к восприятию западной цивилизации китайским философом второй половины XIX – начала XX века. Кан Ювэем, одним из первых конфуцианцев Китая, который длительное время прожил в Европе, посетил более тридцати государств и имел возможность длительного общения с носителями западной культуры. Д.Е. Мартынова привлекло очень современное понимание китайским мыслителем Кан Ювэем позитивного опыта Запада для возвращения Китаю высокого политического и геостратегического статуса. В контексте исследования творчества китайского мыслителя автор статьи размышляет о понимании и роли глобализма, синоцентризма, конфуцианства, идее «Великого единения» (Да тун). До настоящего времени Кан Ювэй (который позиционировал себя основателем новой глобальной религии) был мало известен в историографии. Осмысление его творчества только начинается, вызывая серьезные дискуссии. Выводы исследования Д.Е. Мартынова, использовавшего метод аналогии культурных ценностей

в сочетании с аксиологической компаративистикой, несомненно, вызовут интерес у читателя.

Теоретические вопросы диалога цивилизаций рассматриваются в статье Л.С. Колесовой, посвященной некоторым тенденциям в развитии цивилизаций в XXI веке. Автор делает вывод о том, что «мировая цивилизация вошла в Большой антропологический переход, в котором имеется тенденция цивилизационного угасания Запада и смещения очага цивилизации к Северу с регулирующей функцией Середины».

Под рубрикой «Региональные процессы» опубликованы материалы не только российских, но и иранских коллег. В статье Элахе Кулайи и Абед Норузи «Сотрудничество Ирана, России и Азербайджанской Республики в переходном процессе Север-Юг и его влияние на региональную безопасность» отмечается, что великие экономические планы Центрально-Евразийского региона коренятся в великих играх по завоеванию власти и обретению особого и стабильного положения в международной системе. Коридор «Север – Юг» – это экономический проект, призванный облегчить транспортировку и увеличить глобальную торговлю. Авторы представили результаты исследования того, какое влияние оказывает сотрудничество Исламской Республики Иран, Азербайджанской Республики и Российской Федерации на безопасность региона. Основная гипотеза авторов заключается в том, что сотрудничество Исламской Республики Иран, Азербайджанской Республики и Российской Федерации по международному транзитному маршруту «Север – Юг» путем облегчения перевозок повысит уровень отношений между всеми странами вдоль его маршрута, снизив региональные угрозы, усилив поддержку экономических интересов Исламской Республики Иран в регионе.

В.В. Комлевой рассмотрены факторы динамики китайской цивилизации, интерес к пониманию которых растет вместе с усилением экономического и политического значения Китая в системе международных отношений. Эта статья в некоторых аспектах перекликается с исследованием Д.Е. Мартынова, и акцентирует внимание не столько на исторических, сколько на политических и социальных факторах современной китайской цивилизации. Она подвергается анализу с точки зрения синтеза китайского и западного, что отражается на происходящих региональных процессах. Вместе с тем автор приходит к выводу о доминировании архетипов и культурных кодов китайской цивилизации. Стабилизирующими факторами становятся факторы локальностей, цивилизационных очагов, которые поддерживают и воспроизводят традиционные ценности китайской цивилизации и передачу базовых принципов китайской цивилизации – гармонии и согласия. Автор также отмечает большое значение, отводимое китайскими исследователями природным и климатическим условиям развития культуры и моделей отношений между народами.

С учетом происходящих в мире политических процессов приобретает актуальность статья В. Атаева о конвенциональной модели взаимодействия власти и общества в частично признанной Республике Южная Осетия. Югоосетинская конвенциональная модель взаимодействия власти и общества имеет ряд особенностей, ключевой из которых является очевидное видение будущего и поступательное движение к нему на основе общественного консенсуса. Автор раскрывает, что данная модель носит функцию регулятора общественных отношений, которая обеспечивает производство объяснения нынешней политической реальности, а также движения к новому политическому статусу, предусматривающему вхождение в состав России. В статье анализируется роль действующего президента Южной Осетии А.И. Бибилова в формировании и закреплении конвенциональной модели взаимодействия.

Рубрика «Историческая ретроспектива и современность» представлена двумя статьями: В.А. Кузнецов – «Племенной нарратив в политическом пространстве Сирии»; С.Б. Болелов – «Древний Хорезм в эпоху раннего железного века (модели формирования

социально-экономической структуры древних обществ на территории Южного Приаралья по археологическим данным)».

В статье В.А. Кузнецова привлечено внимание к формированию в Сирии специфического племенного нарратива, в котором известные политические события «переводятся» на язык племен и тем самым обретают «новую логику, которой и подчиняется поведение племенных лидеров». Автор отмечает, что кажущееся «непоследовательным, иррациональным или оппортунистическим извне, оно может оказываться единственно возможным в рамках созданного нарратива».

В статье о Древнем Хорезме ее автор С.Б. Болелов на основе данных археологических изысканий проанализировал модели формирования социально-экономической структуры древних обществ на территории Южного Приаралья. В этом контексте важную роль играет модель Хорезма, как одной из древнейших историко-культурных областей Средней Азии, которая упоминается уже в Авесте. Динамика этих процессов в значительной степени зависела от природной и гидрографической ситуации, складывавшейся в области дельты в обозначенный автором период.

В рубрике «Диалог культур и народов» представлены результаты научной дискуссии по межкультурному диалогу, состоявшейся в Национальном исследовательском институте развития коммуникаций. Авторы отмечают, что в последние годы ученые переосмысливают роль цивилизаций в международных процессах, внося вклад в поиск механизмов диалога цивилизаций. Научно-теоретическая и практическая значимость данной проблематики подтверждается наличием многочисленных специальных центров цивилизационных исследований в России и за рубежом. В представленном материале раскрыта многогранность проблемы, анализируется способность цивилизаций к диалогу, субъектности и роль субъектов межкультурного диалога в условиях, когда государства оказываются малоспособными к конструктивному диалогу, а иногда и провоцируют конфликты между цивилизациями. В дискуссии отмечается отсутствие общепринятого понятийно-категориального аппарата исследования цивилизаций.

Р.Д. Стамова обратила внимание на то, что учеными пока не удалось выработать общепринятого определения диалога цивилизаций. А сам такой диалог в каждую конкретную эпоху зависит от конкретных обстоятельств и поэтому менял свои формы. При этом автор обращает внимание на то, что его основа неизменна и обусловлена самой природой человека.

А.Л. Казин обратился к русской культуре как цивилизационному феномену в ценностном аспекте. Ее рефрен звучит так: «Русскому человеку необходима высокая культура и сильное государство не потому, что он “раб” (как полагают русофобы), а потому, что в глубине души он хочет служить чему-то более высокому, чем наслаждение и комфорт». Автор уверен в том, что Россия, как цивилизация, имеет особое место в многополярном мире.

Завершает дискуссионную часть в этой рубрике статья Л.В. Чекурина, посвященная комплексному анализу внутренних источников развития Русской цивилизации. Автор с этой целью обратился к анализу «культурного кода» одной из локальных цивилизаций – Окско-Донской, которую автор считает частью Русской.

В этом номере журнала представлен «Рейтинг дружественности страновых коммуникационных режимов 2021». Рейтинг является результатом большого исследования, проведенного Национальным исследовательским институтом развития коммуникаций в 2021 году. Материалы рейтинга подготовлены В.В. Комлевой, и Ю.Р. Шевелевой. Методика комплексной оценки дружественности страновых коммуникационных режимов разработана с учетом возможности получения достоверной информации, фиксации и группировки объективных фактов. Страновой коммуникационный режим оценивался в 2021 году в отношении следующих видов коммуникации: (1) статус России как государ-

ства-партнера (внешнеполитические коммуникации); (2) отношение к России, к русским (с русскими), идентификации русскоязычного населения; (3) коммуникации в сфере образования; (4) научная коммуникация на русском языке; (5) коммуникации экономических акторов; (6) свобода передвижения; (7) культурная коммуникация; (8) медиакоммуникация; (9) коммуникации НКО; (10) иные форматы коммуникации. Авторы представили выборку стран: Азербайджан, Армения, Белоруссия, Грузия, Казахстан, Киргизия, Латвия, Литва, Молдавия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Украина, Эстония. По результатам исследования авторы пришли к выводу о том, что по состоянию на конец 2021 года в пятерку самых дружественных коммуникационных режимов вошли: Казахстан, Белоруссия, Армения, Киргизия, Азербайджан. По состоянию на конец 2021 года в Литве, Латвии, Украине, Эстонии сформированы самые недружественные коммуникационные режимы. Институт продолжит свои исследования в 2022 году, к участию в которых мы приглашаем заинтересованных исследователей.

Уважаемые читатели!

Редакционная коллегия журнала выражает надежду на то, что материалы представляемого вам номера журнала вызовут у вас интерес и вы сами в дальнейшем войдете в число наших авторов.

EDITOR-IN-CHIEF FOREWORD

Dr Vitaly V. NAUMKIN,
Full Member of Russian Academy of Sciences,
“Russia & World: Scientific Dialogue” Editor-in-Chief

Dear readers!

This issue of our journal deals primarily with the issues of civilizations' dialogue, search for subjects and instruments for such dialogue.

“Theory and methodology” section opens with publishing the materials on the scientific discussion about future. The discussion held at the National Research Institute of Communications Development (NRICD) was initiated by the Centre of Interdisciplinary Studies named after Kurdumov S.P., SRETENSKY CLUB” (Moscow, Russia). Participants in the discussion draw the attention of the readers at the humanitarian ethos of science, and that is extremely topical exactly today as never before, when the technological breakthrough of the past decades could not lead to the solution of the topical problems of human development, it did not make the humankind happier, freer, nor its existence brighter. As the participants in the discussion believe, “globalization as a project and a global world without borders, evidently, turned out to be too idealistic picture, a certain utopia. On our Earth there is simply a shortage of resources in order to give every man all the civilizational benefits in the sufficient amount”. A sharp need in “humanitarian breakthrough” arises relative to a change of paradigms, and the key subjects for it will be “civilization”, “great anthropological transition”, “cultural civilizational community”. The fundamentals of conceptual, scientific and philosophical basics of the new world are to be created with due account of all this as a response to a challenge addressed to-day towards humanities. The interdisciplinary, cross disciplinary and trans disciplinary studies, which are being carried out within the framework of synergetics, actor-net theory and contemporary epistemology became the sources for constructing future for the authors.

D.E. Martynov's article on civilizational development and the place of the West and China in it, became the continuation of theoretical discussion on future problematics. With this aim the author appealed to the perception of the Western civilization by the Chinese philosopher of the second half of XIX – early XX centuries Kang Youwei, who was one of the first Confucian in China, who lived in Europe for quite a long time, visited more than thirty states and had the possibility of long communication with the bearers of the Western culture. Martynov D.E. was attracted by a very contemporary understanding of the positive experience of the West by the Chinese thinker Kang Youwei, he used it in his attempt to return a high political and geostrategic status to China.

Within the research context of the Chinese thinker creative endeavor, the author of the article ponders over understanding and a role of globalism, sin centism, Confucianism, the idea of “Great Unity” (Da Thun). Till the present time Kang Youwei (who positioned himself as a founder of the new global religion) has been little known in historiography. Comprehension of his creative endeavor has only started, it has aroused a significant interest, discussions. D.E. Martynov, who has used the method of analogy of cultural values in combination with axiological comparativistics, submits an interesting research to us, which will undoubtedly arise interest with a reader.

Theoretical issues of a dialogue of civilizations are considered in the article written by L.S. Kolesova, it is dedicated to some tendencies in civilizations development in XXI century. The author makes a conclusion that “the world civilization has entered the Great anthropological transition, where there is a tendency of civilizational declining of the West and shifting the kernel of civilization to the North with a regulating function of the Middle”.

The section “Regional processes” contains the materials written not only by Russian but Iranian colleagues as well. In the article of our Iranian partners Elahe Kulaii and Abed Noruzi

“Cooperation of I.R. of Iran, Russia, and the Republic of Azerbaijan in the North-South transition and its impact on the regional security” it was noted that the great economic plans of the Central Eurasian region are rooted deeply in great games of conquering power and acquisition of a special and stable position in the international system. North-South corridor is an economic project, called upon to facilitate transportation and expand global trade. The authors have submitted the research results pertaining to the influence of cooperation of Islamic Republic of Iran, Azerbaijan Republic and the Russian Federation on the security of the region. The main hypothesis of the authors lies in the fact that the cooperation of the Islamic Republic of Iran, Azerbaijan Republic and the Russian Federation on international transit route North-South by facilitating transportation will enhance the level of relations between all the countries along its route, having lowering down threats, having strengthened the support of the economic interests of the Islamic Republic of Iran in the region.

V.V. Komleva contemplates at the factors of dynamics of the Chinese civilization, the interest to understanding of these is growing alongside the intensification of economic and political significance of China in the system of international relations. In some aspects this article corresponds with the article, forwarded by D.E. Martynov to this issue and makes an accent on political and social factors of dynamics of the contemporary Chinese civilization development rather than on the historical ones. The contemporary Chinese civilization is considered from the point of view of synthesis of the Chinese and the Western origin, and that is reflected on the occurring regional processes. At the same time the author comes to the conclusion of domineering of archetypes and cultural codes of the Chinese civilization. Factors of localities, civilizational kernels, which uphold and reproduce traditional values of the Chinese civilization and transfer of the basic principle of the Chinese civilization – harmony and consent. The author also notes that nature and climatic conditions of the culture development and models of relations between peoples are of great significance for Chinese researchers.

A special topicality, with due account of on-going political processes which are under way, highlights the significance of the article by V. Ataev about the conventional model of interaction between the power and the society in the partially recognized Republic of Southern Ossetia. The South-Ossetia conventional model of interaction of the power and the society has a number of peculiarities, and the key one is the obvious vision of the future and the forward movement to it on the basis of social consensus. The author reveals that that model has the function of a regulator of public relations, which ensures the production of the present political reality explanation, as well as the movement towards a political status, providing the entry into Russia. The article analyses the role of the acting president of South Ossetia A.I. Bebelov in the process of formation and sealing of the conventional model of interaction.

Historical retrospective and modernity section is presented by two articles: V.A. Kuznetsov – “Tribal narrative in the Syrian political universe”; S.B. Bolelov – “Ancient Khorezm in the era of the early iron age” (Models of the formation of the social economic structure of ancient societies on the territory of the Southern Aral Sea region according to archaeological data).

The article written by V.A. Kuznetsov focuses our attention on the formation in Syria a specific tribal narrative, in which the well known political events are “translated” into the language of tribes, and so they acquire a “new logic, which becomes the subject of subjugation of the tribes leaders’ behavior. The author notes that “seemingly inconsistent, irrational, or opportunistic from outside, it may turn out to be the only possible one within the framework of the set up narrative”.

In his article about ancient Khorezm, its author S.B. Bolelov on the basis of archeological data considered the models of formation of the social economic structure of the ancient societies on the territory of the Southern Aral Sea region using the archeological data. In this context, one of the ancient historical cultural regions of the Middle Asia, the model of Khorezm was mentioned already in Avest. The dynamics of these processes in the large measure depended on the natural and hydrographic situation, shaping in the area of the delta in the period, indicated by the author.

“Dialogue of cultures and peoples” section contains the scientific discussion results on intercivilizational dialogue, which took place at the National Research Institute for Communications Development. The authors note, that over the past years scholars have been reconsidering, the role of civilizations in international processes, they are in the search for mechanisms of civilizations’ dialogue. Scientific theoretical and practical significance of this problem is confirmed by the presence of multiple special centers of civilizational studies in Russia and abroad. The offered material reveals the multi-faceted type of the problem, analyses the potential of the civilizations for a dialogue, subjectivity and role of the subjects of inter civilizational dialogue under the conditions when states turned out to be little capable of constructive dialogue, and sometimes the provoked conflicts of civilizations. The discussion does not contain generally accepted conceptual apparatus of civilizations study.

R.D. Stamova paid attention to the fact that there is still no consent in the science what is a dialogue of civilizations. And the dialogue itself in each particular epoch depended on concrete circumstances and that is why it changed its forms. Alongside the author pays attention to the fact that its basis is unchangeable and is stipulated by a man’s nature proper.

A.L. Kazin applied to the Russian literature as to a civilizational phenomenon in the aspect of values. Its refrain is: “The Russian man needs a lofty culture and powerful state not because that he is a “slave” (as Russophobes believe), but because that deep in his heart he wants to serve something higher, than pleasure and comfort”. The author is sure that Russia as civilization, has a special place in multi polar world.

The discussion of this part in the section is completed by the article of L.V. Tchekurin, which is dedicated to the complex analysis of inner sources of the Russian civilization development. The author addressed the analysis of the “cultural code” of one of the local civilizations with this aim – the Oka-Don civilization, which the author considers as being part of the Russian.

This issue of the journal presents the “rating of amicable attitude of the countries communicative regimes 2021”. The rating is the result of the substantial research conducted by the National research institute of Communications Development in 2021. The materials of the rating have been prepared by V.V. Komleva and Y.R. Sheveleva. The method of comprehensive evaluation of amicable attitude in the countries communicative regimes have been elaborated with due account of obtaining the reliable information, fixing and grouping of objective factors. The countries communicative regime was evaluated in 2021 relative to the following types of communication: (1) status of Russia as a state-partner (external political communications; (2) attitude to Russia, to Russians (with Russians), identification of the Russian language population; (3) communication in the sphere of education; (4) scientific communication in the Russian language; (5) communication of economic actors; (6) freedom of movement; (7) cultural communication; (8) media communication; (9) communication of NGOs; (10) other formats of communication.

The authors presented the selected countries: Azerbaijan, Armenia, Belorussia, Georgia, Kazakhstan, Kirgizia, Latvia, Lithuania, Moldavia, Tajikistan, Turkmenistan, Uzbekistan, Ukraine, Estonia. According to the results of the research the authors came to the conclusion, that as for the end of 2021 the five most amicable communicative regimes are Kazakhstan, Belorussia, Armenia, Kirgizia, Azerbaijan. As for the end of 2021 the most unfriendly communicative regimes have been shaped in Lithuania, Latvia, Ukraine, Estonia. The Institute will continue its research in 2022 and invites the interested parties.

Dear readers!

The members of the Editorial Board of our journal express their hope that the materials of the current issue will arise interest with you and you will become our authors further on.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Буданов В.Г., Колесова Л.А., Лобачёв Н.Ю., Олескин А.В., Румянцев В.Ю., Шохов А.С., Щербачев А.В. Будущее: научная дискуссия.....	16
Мартынов Д.Е. Кан Ювэй об истоках цивилизации Запада.....	36
Колесова Л.А. Заземление, одухотворение и гуманность (о некоторых тенденциях в развитии цивилизаций в XXI веке)	53

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Элахе Кулайи, Абед Норузи Сотрудничество Исламской Республики Иран, России и Азербайджанской Республики в транзите Север-Юг и его влияние на региональную безопасность.....	72
Комлева В.В. Китайская цивилизация: факторы динамики.....	84
Атаев А.В. Конвенциональная модель взаимодействия власти и общества в Республике Южная Осетия	92

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННОСТЬ

Кузнецов В.А. Племенной нарратив в политическом пространстве Сирии.....	110
Болелов С.Б. Древний Хорезм в эпоху раннего железного века (Модели формирования социально-экономической структуры древних обществ на территории Южного Приаралья по археологическим данным)	124

ДИАЛОГ КУЛЬТУР И НАРОДОВ

Буданов В.Г., Кучуков М.М., Барахвостов П.А., Санакоев И.Б., Дзугаев К.Г., Шохов А.С. Межцивилизационный диалог: возможности локальных цивилизаций.....	142
Стамова Р.Д. Некоторые особенности современного диалога цивилизаций.....	160
Казин А.Л. Русская культура как цивилизационный феномен: ценностный аспект.....	175
Чекурин Л.В. Культурные коды Рязанской речной цивилизации и русское аканье.....	190

АНАЛИТИКА И ИНФОГРАФИКА

Тихонов Ю. П. Аналитика	212
Комлева В.В., Шевелева Ю.Р. Рейтинг дружелюбности страновых коммуникационных режимов - 2021.....	216

CONTENTS

THEORY AND METHODOLOGY

Vladimir G. Budanov, Larisa A. Kolesova, Nikita Yu. Lobachev, Alexander V. Oleskin, Vladimir Yu. Rumyantsev, Alexander S. Shokhov, Andrey V. Shcherbakov. Future: scientific discussion	16
Dmitry E. Martynov Kang Yuwei on the origins of Western Civilisation.....	36
Larisa A. Kolesova Earthing, Inspiration, Humanity (on some tendencies in civilisations development in the XXI century)	53

REGIONAL PROCESSES

Elaheh Koolae, Abed Norouzi Cooperation of I.R. of Iran, Russia and the Republic of Azerbaijan in the North-South transition and its impact on the regional security.....	72
Valentina V. Komleva Chinese civilization: dynamics factor.....	84
Artur V. Ataev Conventional model of interaction between government and society in the Republic of South Ossetia.....	92

HISTORICAL RETROSPECTIVE AND MODERNITY

Vasily A. Kuznetsov Tribal narrative in the Syrian political universe.....	110
Sergey B. Bolelov Ancient Khorezm in the era of the Early Iron age. (Models of the formation of the socio-economic structure of ancient societies on the territory of the Southern Aral Sea region according to the archeological data)	124

DIALOGUE OF CULTURES AND PEOPLES

Vladimir G. Budanov, Magomed M. Kuchukov, Pavel A. Barakhvostov, Inal B. Sanakov, Kosta G. Dzugaev, Aleksander S. Shokhov Intercivilizational dialogue: The possibilities of local civilisations.....	142
Rakhat D. Stamova Some features of the modern dialogue of civilizations.....	160
Alexander L. Kazin Russian culture as a civilizational phenomenon: aspect of values	175
Leonid V. Chekurin Cultural codes of Ryazan of river navigation civilization and Russian “akan’e”	190

ANALITICS AND INFOGRAPHICS

Yury P. Tikhonov Analytics	212
Valentina V. Komleva, Yulia R. Sheveleva Rating of amicable attitude of the countries communicative regimes 2021	216

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

«Те страны, откуда люди будут уезжать, не будут иметь потенциала для развития. Люди будут выбирать для жизни и работы те страны, в которых реализованы наиболее гармоничные концепции социально-экономического развития и в которых отношения между государством и жителями строятся на доверии и взаимоуважении, а не на мелочном контроле и унижении. Россия может быть населена не менее чем одним миллиардом жителей к концу XXI века, если развитие страны будет организовано эффективно».

**Буданов В.Г., Колесова Л.А., Лобачев Н.Ю.,
Олескин А.В., Румянцев В.Ю., Шохов А.С., Щербаков А.В.**

Будущее: научная дискуссия

«Изучение интеллектуального наследия Кан Ювэя чрезвычайно важно для нашей современности, переживающей процесс цивилизационного изменения. Мыслитель воспитывался в русле традиционной синоцентрической парадигмы, в соответствии с которой Китай занимал центральное место в Поднебесной, тогда как все остальные государства и культуры занимали периферийное, подчиненное положение. Подобная “архитектура мироздания” пронизывала всё мышление Кан Ювэя, определяя даже сакральную географию Датун шу, согласно которой все связующие материки Земли горные хребты – Гималаи, Кордильеры, Анды – являются лишь ответвлениями срединного Кунь-Луны... Это свидетельствовало о том, что, пережив множество жизненных и политических катастроф, Кан Ювэй сохранил ощущение неразрывного единства мира: то, что пригодно для развития Китая, пригодно и для остального человечества».

Мартынов Д.Е.

Кан Ювэй об истоках цивилизации Запада

«Мировая цивилизация вошла в Большой антропологический переход, в котором имеется тенденция цивилизационного угасания Запада и смещения очага цивилизации к Северу с регулирующей функцией Середины. Для предотвращения катастрофического течения этого перехода для мировой цивилизации крайне важно найти опору в ноосфере как воплощении Середины, в создании общемировой среды нового глобального мышления, насыщенного осмыслением и осознанием».

Колесова Л.С.

Заземление, одухотворение и гуманность
(о некоторых тенденциях в развитии цивилизаций в XXI веке)

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

DOI: 10.53658/RW2022-2-1(3)-16-35

УДК: 165.168.314:327.5:327.8

Будущее: научная дискуссия

Буданов В.Г.

Институт философии РАН (Москва, Россия),
Центр междисциплинарных исследований им. С.П. Курдюмова
«СРЕТЕНСКИЙ КЛУБ» (Москва, Россия)

Колесова Л.А.

Государственный академический университет гуманитарных наук
(Москва, Россия), Центр междисциплинарных исследований
им. С.П. Курдюмова «СРЕТЕНСКИЙ КЛУБ» (Москва, Россия)

Лобачев Н.Ю.

Московский авиационный институт (национальный
исследовательский университет) (Москва, Россия),
Центр междисциплинарных исследований им. С.П. Курдюмова
«СРЕТЕНСКИЙ КЛУБ» (Москва, Россия)

Олескин А.В.

МГУ им. М.В. Ломоносова, (Москва, Россия),
Центр междисциплинарных исследований им. С.П. Курдюмова
«СРЕТЕНСКИЙ КЛУБ» (Москва, Россия)

Румянцев В.Ю.

Фонд «Цифровые платформы» (Москва, Россия),
Центр междисциплинарных исследований им. С.П. Курдюмова
«СРЕТЕНСКИЙ КЛУБ» (Москва, Россия)

Шохов А.С.

ООО «Центр реализации стратегических проектов» (Москва, Россия),
Центр междисциплинарных исследований им. С.П. Курдюмова
«СРЕТЕНСКИЙ КЛУБ» (Москва, Россия)

Щербаков А.В.

Институт социально-экономического прогнозирования
им. Д.И. Менделеева

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы будущего и «гуманитарного прорыва», актуальность которых возрастает в связи с тем, что технологический прорыв, свидетелями которого мы стали в течение последних десятилетий, не сделал человека счастливее, свободнее, не сделал его жизнь и деятельность более осмысленной и не привел к тому, что с помощью технологического прогресса начали решаться актуальные задачи развития человечества. Становится все более очевидным, что дальнейшее развитие планетарной цивилизации может продумываться и проектироваться только на междисциплинарном уровне, в условиях конвергенции философии, точных, естественных, гуманитарных наук и технологий. «Гуманитарный прорыв» означает, что естественные, точные науки, инженерные и технические дисциплины находят в гуманитаристике источник новых смыслов и идей и благодаря этому перестают быть просто средством достижения чьих-либо частных целей, а начинают работать для создания концептуального, научного и философского фундамента нового мира, – так можно охарактеризовать актуальный сегодня гуманитарный этос науки. Статья содержит материалы научной дискуссии по докладам Сретенского клуба «Дискуссия: будущее», состоявшейся в Национальном исследовательском институте развития коммуникаций.

Ключевые слова: цивилизация, будущее, гуманитарный прорыв, большой антропологический переход, культурно-цивилизационная общность

Об авторах:

БУДАНОВ Владимир Григорьевич. Кандидат физико-математических наук. Доктор философских наук. Главный научный сотрудник, руководитель сектора междисциплинарных проблем научно-технического развития Института философии РАН, эксперт Сретенского клуба, ORCID: 0000-0003-2371-8659. Адрес: 109240, Россия, г. Москва, Гончарная ул., 12, стр. 1. bvg55@yandex.ru.

КОЛЕСОВА Лариса Александровна. Кандидат философских наук, доцент, психолог, востоковед, модератор Сретенского клуба. ORCID: 0000-0001-6243-9818. Адрес: 119049, Россия, г. Москва, Мароновский пер., 26, Государственный академический университет гуманитарных наук, кафедра философии и политологии. kolesovalarisa@gmail.com.

ЛОБАЧЕВ Никита Юрьевич. Эксперт Сретенского клуба, Адрес: mr.NikitaYurievich@mail.ru.

ОЛЕСКИН Александр Владимирович. Доктор биологических наук. Профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, эксперт Сретенского клуба, ORCID: 0000-0002-6816-1615. Адрес: 119192, Россия, г. Москва, ул. Колмогорова, 1, стр. 73. Oleskiny@yandex.ru.

РУМЯНЦЕВ Владимир Юрьевич. Генеральный директор фонда «Цифровые платформы», эксперт Сретенского клуба. ORCID: 0000-0002-7142-4412. Адрес: 117218, Россия, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 24, корп. 2, кв. 284. rv@fidp.ru.

ШОХОВ Александр Сергеевич. Кандидат философских наук. Генеральный директор ООО «Центр реализации стратегических проектов», <https://центрреализациистратегическихпроектов.рф>, эксперт Сретенского клуба, ORCID: 0000-0002-2982-3479. Адрес: 109028, Россия, г. Москва, Покровский бульвар, д. 8, стр. 2а, этаж 5, офис 2, каб. 1. shokhov@gmail.com.

ЩЕРБАКОВ Андрей Владимирович. Кандидат экономических наук. Директор Института социально-экономического прогнозирования им. Д.И. Менделеева, эксперт Сретенского клуба, ORCID: 0000-0002-5856-295X. Адрес: 141700, Россия, Московская область, г. Долгопрудный, Лихачевский проезд, 26, <http://mendelev-center.ru/>. andrey-iron1@yandex.ru.

Введение

Современная гуманитаристика сосредоточена на поиске возможных путей развития человеческой цивилизации. В последние десятилетия много говорилось о глобализации как об универсальном пути развития. Глобализация понималась как движение к глобальному миру, как процесс всеобщей интеграции и унификации цивилизационных трендов, как главный вектор прогресса. Приближаясь к глобальному миру (без границ), каждый человек на планете Земля получает шанс на достойное существование, свободу передвижения и самовыражения, возможность пользоваться последними достижениями науки и техники для создания максимально комфортной жизни, для управления своими активами и удовлетворения разнообразных желаний и потребностей. Однако глобализация как проект и глобальный мир без границ, очевидно, оказались чересчур идеалистичной картинкой, своеобразной утопией. На Земле попросту недостаточно ресурсов, чтобы каждый человек получил все цивилизационные блага в достаточном количестве. Об этом, в частности, писал Брюно Латур (Латур Б. 2016). Он также констатировал, что возвращение в исходную точку (к «исконной почве») не может служить привлекательной альтернативной целью: глобальный мир оказался недостижим, а возврат к «исконной почве» никого не вдохновляет. Где же расположен третий вариант цели развития? Этот вопрос с каждым годом становится все более и более актуальным.

Можно предположить, что намечающийся сегодня, в период большого антропологического перехода, гуманитарный прорыв приведет человечество к цели развития, которая намного в большей степени будет связана с этикой и культурой, чем с цивилизационными трендами, прогрессом и научным развитием. Сконструировать стратегии мышления, жизни и деятельности в мире, в котором многообразие культур, мировоззрений, религий, убеждений, концепций, парадигм, позиций, целей, намерений, мотивов, ценностей сплетается в плотную сеть решений, связей, действий, отношений, проектов и результатов, и при этом не потерять идею человека в самом себе, – это и есть вызов, который принимает сегодняшняя гуманитаристика.

Источники и методы исследования

Источниками для конструирования будущего являются различные междисциплинарные, кросс-дисциплинарные и трансдисциплинарные исследования, осуществляющиеся в рамках синергетики, акторно-сетевой теории и современной эпистемологии.

Большой антропологический переход – это период, когда все существовавшие ранее тренды радикально меняются, что существенно ограничивает возможности инерционного линейного прогнозирования социально-экономических процессов.

Конструирование будущего – это подход, существенно отличный от прогнозирования.

Главнейшее отличие состоит в том, что, конструируя будущее, актор находится не в пассивной, а в активной позиции, он не стремится предвидеть, что произойдет по неким объективным причинам, а ищет возможности и шансы для достижения желаемого будущего.

Закрывание проекта глобализации и признание недостижимости глобального мира без границ приводит к идее развития на планете нескольких культурно-цивилизационных общностей, которые вступают в конкуренцию друг с другом за население, влияние, ресурсы, стремятся как можно эффективнее использовать достижения современной науки и технологии в собственных интересах. В этом новом мире Россия может претендовать на то, чтобы стать центром одной из формирующихся культурно-цивилизационных общностей. Интеллектуальная элита России сегодня вовлечена в конструирование такого будущего, которое обеспечит культурно-цивилизационной общности с центром в России выигрышные позиции и перспективу успешного развития на столетия вперед.

Результаты исследования

О методологических подходах в докладе «Будущее: дискуссия» (Лобачев Н.Ю.)

Состояние антропологического перехода (Аршинов, Буданов 2021) порождает волны критики глобализма, капитализма и решений, принимаемых руководителями государств. Отдельными интеллектуалами предлагаются разные решения существующих проблем и образы будущего. Сретенский клуб использует неинерционные методы формирования образа будущего, эксперты клуба мыслят в духе планетарного проекта («мир для всех и все для мира»). Построение прогнозов и принятие решений в духе планетарной концепции может основываться на ключевой диалектической паре «мира явленного и мира невидимого в информационно-энергетическом балансе».

Перспективным представляется развитие сферного подхода, который обеспечивает полноту и целостность образа будущего. Идея сферного подхода (Летуновский, Зимненко и др. 2021) развивает принцип равновесия Нэша. Ключевая особенность его состоит в том, что изменение одного из аспектов ситуации с необходимостью требует, чтобы остальные аспекты также согласованно изменялись, иначе в ситуации неизбежен разрыв, конфликт и кризис. При сферном подходе каждый из аспектов ситуации ранжируется, что естественным образом задает многослойность сети аспектов. К числу аспектов, которые необходимо учитывать, можно отнести: социальные, экономические, управленческие, связанные с развитием и безопасностью, экологией и средой обитания.

Для планетарного подхода (планетаризма) духовное начало оказывается первичным, а материальные цели, интересы, намерения, выгоды акторов оказываются вторичными. Сети играют в формировании будущего ведущую роль, поскольку ма-

трикс сетей является смысловым и этическим ядром для всех сетевых взаимодействий.

В формирующемся сегодня будущем хрематистика (термин Аристотеля) должна уступить место разумному хозяйствованию. Роль анализа (как метода мышления) в формировании образа будущего представляется служебной по отношению к методу междисциплинарного синтеза.

Ноосфера, глубинные (архаичные) слои коллективного бессознательного и их роль в Большом антропологическом переходе (Колесова Л.А.)

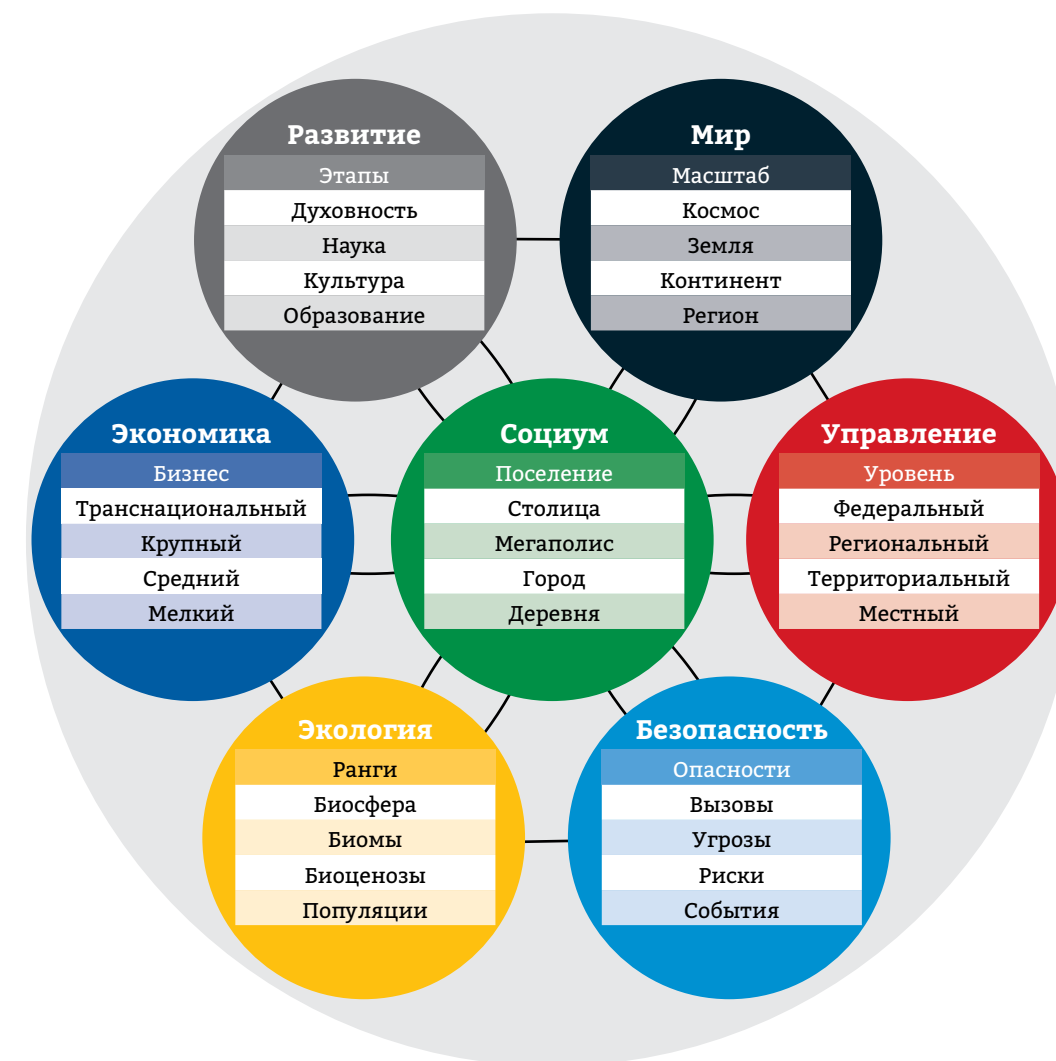
В эпоху Большого антропологического перехода (Колесова 2020; Апрельские тезисы 2020), который протекает в ярко выраженной горизонтально-сетевой форме, будут всплывать глубинные, даже архаичные, общинно-сетевые слои коллективного бессознательного и почвенные мировоззренческие комплексы. На этом фоне неизбежно возникает феномен сверхинтенсивной коммуникации и глубинного обмена любого этнического, социо-культурного и межличностного генеза, усиливаются проявления низовой активности, подъема масс и даже целых регионов, вплоть до героизма и бесстрашия, а следовательно, и пассионарности.

Сретенский клуб длительное время занимается изучением именно сетей и их новой пассионарности как важнейшего фактора возникновения многообразных и разносторонних векторов конструирования и выстраивания будущего (Летуновский, Зимненко и др. 2021). В ходе исследований выяснилось, что благодаря этому сетевому многообразию и разным вариантам футурологической ментальности будущее может восприниматься совершенно по-разному. Оно может быть осязаемым и близким (человек как бы ощущает будущее, перед тем как вступить в него), он начинает просчитывать возможности пути. Это – техническое и технократическое будущее. Далее, будущее может быть совершенно неизвестным, испытывающим силу духа и силу воли, и тогда корни глубоко уходят в пассионарные энергии, это будущее пассионариев. Но оно может быть, в-третьих, желанным, вожденным, одухотворенным и манящим, и тогда речь идет о Ноосфере как сфере «сердечного разума», гуманности и культурного подъема.

В зависимости от этих мировоззренческих акцентов люди совершенно по-разному к нему относятся. Будущее может быть разворачивающимся независимо от человека или в той или иной мере конструироваться им, но в любом случае оно так или иначе отражает его глубинные интересы и намерения, и тогда оно воспринимается легко, спонтанно и образно.

В то же время человек может оказаться мишенью тех иррациональных манипуляций, которые используют глобалисты для установления тоталитарного контроля над сознанием, включая видение будущего, примеров этого достаточно (Schwab, Malleret 2020; Schwab, Vanham 2021). Но нарастающее сопротивление глобалистам повсеместно в мире отчетливо выявляет и противоположный вектор – новое но-

Рисунок 1. Иллюстрация сферного подхода (Летуновский, Зимненко и др. 2021)

осферное и пассионарное, протестное мировоззрение, которое смело, бесстрашно и рационально-критично относится к тоталитарной иррациональности, отвергая и высмеивая абсурд их решений и действий. Это новая пассионарность XXI века, окно в Ноосферу, о возникновении которой было множество футурологических предвидений.

Так или иначе, но мир движется в сторону новой, именно ноосферной, разумности, если угодно, к новому Возрождению, потому что ресурсы человеческого разума, его глобальная гуманитарная миссия не завершены, а тоталитарные опыты глобали-

Платформизация экономики и квантовые вычисления (Румянцев В.Ю.)

Россия сегодня проигрывает Китаю в скорости и качестве процессов цифровизации экономики, и одна из причин этого – в игнорировании возможностей сетевого устройства (Рисунок 2). Отраслевые цифровые платформы, которые созданы в Китае, позволили им синхронизировать и на порядок ускорить взаимозависимые процессы в экономике, в разы сократив себестоимость выпуска продукции и оказания услуг. Это открыло новые возможности для реализации мегапроектов (строительство новых городов, супермостов, высокоскоростных железных дорог и т.д.). В настоящее время Китай уверенно вырывается в лидеры квантовых вычислений. Благодаря этому в середине XXI века Китай может выйти на принципиально иной технологический уровень, который мы, вполне возможно, даже не сможем понять. Когда роботизированные производственные процессы в Китае начнут производить столько материальных благ, сколько достаточно для любого количества людей, по ценам, с которыми не сможет конкурировать никто в мире, что будет делать Россия? В России все еще достаточно специалистов, чтобы исправить некоторые ошибки в процессе цифровой трансформации и качественно изменить контур стратегического управления развитием (Шохов, Румянцев 2022).

В конце XXI века государства будут конкурировать друг с другом не за ресурсы и территории, а за население (Шохов А.С.)

Человечество находится в состоянии Большого антропологического перехода (Аршинов, Буданов 2021). Он проявляется в первую очередь демографически (в ожидаемой стабилизации численности населения земного шара в конце XXI века) – модель была рассчитана С.П. Капицей в тесном сотрудничестве с С.П. Курдюмовым и Г.Г. Малинецким, опубликована в 1999 году (Капица 1999). Сегодня демография становится важнейшим фактором политики и государственного управления, поскольку если люди не захотят жить в какой-либо стране и свяжут свои жизни и жизни своих детей с другими странами, то страна без населения, очевидно, проиграет более густонаселенным странам и в темпах своего развития, и в степени своего влияния на будущее. При стабильной численности людей на планете демографическое соревнование между государствами и культурно-цивилизационными центрами приобретает яркую этическую и концептуальную окраску. Если концепция развития данной страны и этика, в которой живет ее население, окажется привлекательной для людей, то ее население будет расти.

Россия в течение XXI века может стать центром культурно-цивилизационной общности, основанной на принципиально ином этическом фундаменте, отличном от предложенного Клаусом Швабом (Schwab, Malleret 2020; Schwab, Vanham 2021) инклюзивного капитализма и от китайского варианта общества, основанного на социальном рейтинге.

В 2021 году в России проживает 2% населения земного шара. В конце XXI века, если будут правильно объединены и направлены усилия, если людям Земли будет предложена концепция развития и этика, которая их привлечет и увлечет, в российской культурно-цивилизационной общности стран (русском мире) может жить не менее 1 млрд жителей (9–10% от будущего мирового населения).

Ключевым фактором в этом процессе является коммуникация, поскольку в правильно построенной коммуникации могут идти процессы моделирования, проектирования и конструирования будущего. Если в коммуникации возникают постоянные помехи, происходит искажение информации, воцаряются иррациональность и неспособность связывать причины и следствия, происходит недопонимание сторон и осуществляются манипуляции, – в такой коммуникации будущее перестает быть «большим общим делом» и становится планом немногих по контролю за мышлением и мнениями всех остальных. Поэтому деятельность НИИ развития коммуникаций крайне важна в период антропологического перехода. Одним из направлений социально-технологических и научных исследований НИИ развития коммуникаций являются «страновые коммуникационные режимы» (Комлева 2021). Важность этой темы трудно переоценить, учитывая, что право устанавливать темы коммуникаций является одним из видов власти (часто ее называют «властью дискурса»).

Не секрет, что один и тот же сюжет можно рассказать по-разному, и именно от рассказчика зависит, как расставить смысловые акценты, как задать этические доминанты, как определить добро и зло, как представить мысли, намерения и действия героев повествования. Коммуникативные войны, происходящие сегодня в информационном пространстве, – это войны за право быть автором нарратива, поскольку тот, кто рассказывает, получает власть над умами читателей / слушателей / зрителей. Для автора (рассказчика) важна возможность быть услышанным и понятым, только в этом случае его коммуникативная власть устанавливается и может усиливаться. В сегодняшнем мире реальная власть принадлежит тем персонам, которые определяют темы коммуникации, сюжеты новостей, смысловое содержание публикаций. Россия не сможет развиваться и раскрывать имеющийся у ее многонационального народа потенциал, находясь в сконфигурированном внешними манипуляторами коммуникативном пространстве. Российская интеллектуальная элита активно разрабатывает русскую коммуникативную повестку для всего человечества. Жизненно важно, чтобы в коммуникации различных ветвей интеллектуальных элит царили взаимопонимание, взаимоуважение, сотрудничество, здоровое отношение к критике и умение прощать друг другу заблуждения. Главным содержанием русской коммуникативной повестки для человечества в ближайшие годы станут: этика, направления развития человечества, планетарная культурно-цивилизационная общность, управление экологией планеты и климатом, различные междисциплинарные и кросс-дисциплинарные научные исследования.

Эксперты Сретенского клуба называют новую этическую систему по-разному: «интегральная этика», «этика софийного всеединства» (Буданов 2021), «этика волево-человечивания» (Шохов, Румянцев 2022), «этика сетевого общества», – все эти термины

характеризуют эпоху антропологического перехода в первую очередь как выбор отношения к прошлому, будущему, настоящему, к миру, к себе, к высшему началу, к другому человеку, к государству, к своему делу. В этом многомерном выборе (как во Вселенной Хью Эверетта) реализуются все возможные исходы, но для понимания того, каким может стать будущее, важно соотнесение добра и зла во всех возможных ветках реальности. Этическая система, о которой идет речь, лежит в фундаменте большинства этических, духовных и религиозных учений, поэтому она может служить той основой, на которой вырастет мультикультурное, полиэтническое планетарное общество будущего.

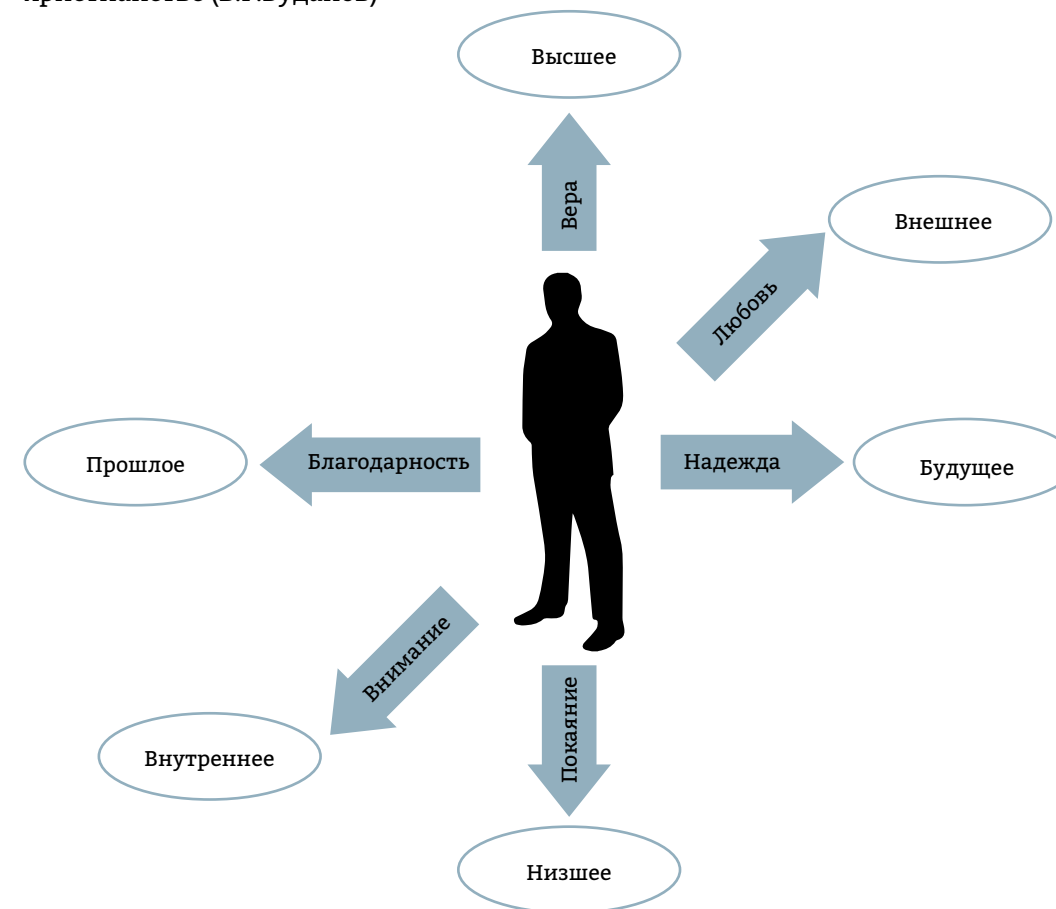
Русская культура такова, что она не стремится подчинить себе другие культуры, она впитывает их, присоединяет к себе, сопрягает их с собой и благодаря этому получает новый импульс для собственного развития. Даже «борьба с супостатом», столь часто в ходе истории пробуждавшая в русских людях стремление к подвигу, – это не борьба на уничтожение. Супостат в русской традиции – это человек, не понимающий правды и справедливости, не ведающий подлинного устройства мира, делающий зло по недомыслию. Борьба с супостатами, как правило, не имеет целью их истребление, скорее речь идет о том, чтобы их усмирить, успокоить, перевоспитать, чтобы они начали вести себя по правде и справедливости, поняли, что они творят и дали сами себе адекватную этическую оценку.

Интегральная этика и духовные основания Большого антропологического перехода (Буданов В.Г.)

В условиях цивилизационного кризиса глобальной мир-системы происходит хаотизация всех сфер человеческой жизни, и наши времена характеризуются его небывалыми масштабами и информационными синхрониями, которые принято называть Большим антропологическим переходом (Аршинов, Буданов 2021). Происходит распад и столкновение огромного числа ценностных матриц, этик и идентичностей, создавая травматичный внутренний мир миллионов людей, обреченных долгое время быть в состоянии перманентной неопределенности жизни.

Напомним, что человек живет одновременно в двух взаимосвязанных мирах – внешнем и внутреннем. В любом случае кризис во внешнем мире проходит оптимально при благополучии внутреннего мира. В наиболее острой стадии кризиса в состоянии хаоса находится как внешняя реальность, так и внутренняя, и в длительной ситуации кризиса изменить внешний мир можно, только начав со стабилизации внутреннего мира людей. В первую очередь – с культивирования гармоничных стабильно-позитивных состояний надежды и понимания метафизической сущности происходящего. Стабилизация внутреннего мира людей становится крайне важной задачей, которая решается переосмыслением и обновлением этических норм, определяющих взаимоотношения с миром и людьми. Во все времена эти регулятивные функции выполняла этика, позволяя противостоять хаосу внешнего, стабилизируя внутреннее (Буданов 2021).

Рисунок 3. Символическое представление базовых отношений в православном христианстве (В.Г.Буданов)

Далее, мы используем максимум протоиерея Михаила Афонина, в которой, конечно, Нагорная проповедь Христа и его заповеди любви к Богу и ближнему остаются основным этическим кодексом. Но дополнительно предложен собирательный образ ключа к пониманию духовного пути и удержания целостности внутреннего мира человека. Это своеобразная памятка человеку на пути вечности – как православному христианину следует относиться к базовым категориям жизни в любых обстоятельствах: к высшему – с верой, к будущему – с надеждой, к прошлому – с благодарностью, к низшему – с покаянием, к своей душе (внутреннему) – со вниманием, к миру (внешнему) – с любовью. Его объемное символическое изображение дано на Рисунке 3.

Поскольку эта сборка-ключ этических отношений к базовым категориям должна осуществляться не механистически, но самосогласованно и гармонично, то есть мудро, «софийно» (тем более что в этой сборке уже наличествуют категории «вера», «надежда» и «любовь»), то можно было бы назвать эту сборку «софийным ключом

этики». В православии синергия названных категорий глубоко проработана, и можно было бы говорить вообще о софийной этике христианства, но, как мы покажем ниже, «софийный ключ» наиболее полон и может открывать понимание других этических и мировоззренческих систем.

Итак, мы имеем шесть базовых категорий (БК) – высшее, низшее, будущее, прошедшее, душа, мир – и шесть соответствующих им форм категориальных отношений (КО): вера, надежда, благодарность, покаяние, внимание, любовь. Сразу отметим, что любая этика задается отображением шести базовых категорий (БК), общих для всех возможных этик, с помощью шести категориальных отношений к ним (КО), которые специфичны для каждой конкретной этики. В притчах Евангелия мы находим прямые указания, какими должны быть эти категориальные отношения в христианстве. Однако существует множество других форм духовного понимания реальности, выбор категориальных отношений определяется культурой, задает тип этики и тип ключа этики, уже не обязательно софийного. Например, поставив в христианской этике антонимы в категориальных отношениях, получим полную манифестацию антихристианской этики, хотя достаточно уже и одного антонима, чтобы нарушить «софийный ключ»; древние греки или китайцы боялись будущего, а революционеры презирали прошлое. Близость или родство этик разных народов нами предлагается определять по разным основаниям, например по общности одного из шести КО или нескольких их комбинаций. Можно также ранжировать КО в каждой этике, вводя относительные веса категориальных отношений, создавая тем самым профили конкретных этик и т.д.

Подчеркнем также, что жизнь в наступающей цифровой реальности порождает экзистенциальные антропологические риски. Она все больше провоцирует этическую деградацию, хотя бы потому, что долговременная память выносится в Google, а это означает неявное перемещение туда базовых культурных ценностей, парадигмальных примеров и смыслов, в то время как духовная жизнь предполагает постоянное соотношение себя с ними. Эмпатия, являющаяся основой любви к миру и людям, все в меньшей степени характерна для современных межчеловеческих отношений. Кроме того, клиповое сознание в быстрых потоках информации не способствует рефлексии и логическому мышлению, необходимому для самооценки, и мы все больше доверяем свои жизни искусственному интеллекту, уменьшая роль собственного, естественного интеллекта.

Говоря об интегральной этике в социальных сетях, нельзя не вспомнить, что практики братского единства и служения ближнему были характерны для первых христиан. Перед лицом тотальной неопределенности и разобщенности, современного кризиса, эпидемических форм изоляции людей они становятся все больше востребованными через сетевые социальные информационные технологии. Сетевой уклад не отторгает окончательно предыдущие уклады, скорее позволяет интегрировать их, иногда сети активируют коллективные формы духовной жизни совершенно неожиданным образом, например, благодаря сетям развиваются различные волонтерские движения. Для России этот синтез наиболее естественен, так как в нашей социальной памяти еще живут все формы предыдущих укладов. Идеалы духовного единства в память тех, кто «отдал жизнь за други своя», манифестируются в многомиллионных

шествиях «Бессмертного полка» 9 мая, который стал сетевым вселенским праздником памяти для России и мира, – это возрождение архетипов общинного строительства жизни по Сергию Радонежскому. Идея соборности и синергии – сотворчества человека и Бога – должна стать основой софийной идеологии России.

Конец глобализации и новые принципы мироустройства (Щербаков А.В.)

Проект «глобализация» фактически перестал быть актуальным, исчез из повестки дня. Сегодня мир находится в состоянии, которое можно сравнить с состоянием СССР в период 1992–1995 гг. Гигантская экономика с глобальным разделением труда превратилась в отдельные локусы, хозяйственные связи между которыми начали разрушаться. Глобальная экономическая система очень инерционна, она продолжает функционировать, но при этом проявляется все больше сбоев и нестыковок.

Так или иначе, о глобальном международном разделении труда придется на долгое время забыть. Мир разделяется на 4–6 макрорегионов, внутри которых будет действовать хозяйственная автаркия. Обмениваться макрорегионы между собой будут только самым необходимым, то есть будут импортировать то, что не производят в силу географических и/или исторических причин (Россия-2112: Анализ современного этапа развития человечества (к формированию новой концепции Русской цивилизации) 2017).

Уже сегодня можно сказать, что с большой долей вероятности свои макрорегионы образуют США, Китай и Индия.

На образование макрорегионов претендует Россия, а также Германия с Францией (как основа «старой» Европы), но для этого им всем нужно выйти из-под англосаксонского экономического управления.

Англия попытается сколотить себе макрорегион из осколков Европы (после развала ЕС), но у нее, скорее всего, не хватит для этого экономической и военной мощи. Даже ее гипотетический союз с Турцией не позволит создать устойчивую экономическую конструкцию. Придется англичанам довольствоваться ролью младших партнеров при США.

Турция уже активно занимается сбором под своими знаменами туркоязычного мира, но здесь все будет зависеть от того, как поведет себя Россия. Если Русский мир сформирует вокруг себя экономическую и, главное, идеологическую и культурную конструкцию, то туркам придется либо стать ее частью, либо в перспективе утратить государственность. В противном случае государственности может лишиться русский народ.

В остальной части мира, которая не войдет в так называемые макрорегионы, начнется соперничество за зоны влияния (их можно назвать «серые земли»). В «серых землях» (в базовом сценарии) предполагается «война всех против всех». Но это не обязательно. Если Русский мир сможет сформировать свою идеологическую и культурную альтернативу, то человечество пойдет по совершенно иному пути. Этот путь – единство разнообразия, когда каждому человеку, каждой нации, каждому народу

находится на Земле свое место, связанное с его культурными и историческими особенностями. Русский мир никому не навязывает свои культурные традиции и никого не пытается переделать под себя. Наоборот, он исходит из того, что этническое и ментальное разнообразие – залог процветания человеческой цивилизации, так же как разнообразие живых видов – залог процветания животного и растительного мира на планете Земля (Летуновский, Зимненко и др. 2021).

Последние несколько тысяч лет основным принципом управления человечеством был принцип «разделяй и властвуй». Людей делили на «своих» и «чужих» по цвету кожи, форме носа, по принадлежности к той или иной религиозной конфессии или приверженности к какой-либо идеологической конструкции. К счастью, этот морок начинает проходить. Все большее число людей начинает понимать, что власть, основанная на разделении людей, – это путь в никуда, что мы ходим по одному и тому же кругу, борясь то с еретиками, то с врагами народа, то с коммунистами, то с либералами – и так до бесконечности. Единственный путь – это искать не то, что нас разъединяет, а то, что нас объединяет. Все мы пассажиры на нашей планете, которая летит в безжизненном космическом пространстве, и у каждого из нас есть своя миссия, свое предназначение на Земле.

Когда Юрий Гагарин полетел в космос, у человечества был краткий миг, когда оно почувствовало свое единство. Весь мир возликовал в едином порыве: «Мы – человечество, мы сделали это – преодолели земное притяжение и вышли во Вселенную!». К сожалению, это был лишь краткий миг единения. Дальше все опять вернулось на круги своя – соперничество, раздоры, войны и т.д.

Давайте посмотрим, как нами манипулируют. В нас постоянно пытаются вызвать низменные инстинкты: страх, гнев и уныние, и чем больше мы испытываем негативные эмоции, тем большую власть манипуляторы имеют над нами. Вот как это работает: любая негативная эмоция требует канализации, то есть должна быть направлена на объект своего воздействия. И нам постоянно подсовывают то внешних, то внутренних врагов, а затем заставляют с этими врагами бороться. В результате этой борьбы мы все оказываемся в проигрыше. Мы разрушаем себя и окружающий мир. Ненависть, страх и уныние не способны ничего создать, они способны только уничтожить уже созданное. Созидает только любовь. Поэтому все, что человек и человечество делает, может делаться исключительно с любовью.

Нам много рассказывали о том, что человек – это коллективное существо и что труд сделал из обезьяны человека. Но в природе есть примеры куда более совершенных социальных систем, в основе которых лежит труд каждого члена – это муравейник и пчелиный рой. Человека отличают от животного только две вещи – это безусловная любовь ко всему сущему и способность к творческому преобразованию себя и окружающего мира. Любовь и творчество – вот истинное наше отличие от животного мира. И если человек не знает, что такое любовь, и не занимается творчеством (в широком смысле этого слова), то он не может считаться полноценным человеком.

Согласно закону подобия («что наверху, то и внизу»), человек – это отражение Бога на Земле, то есть в каждом из нас живет искра Божья, и у каждого она своя. Задача

человека – открыть в себе эту искру и стать творцом в широком смысле этого слова. То есть, прежде всего, смысл жизни человека заключается в раскрытии своего предназначения, а именно: найти в себе тот самый божественный дар, что есть у каждого, реализовать его во благо других людей и стать подлинным творцом своей судьбы, а также сотворцом этого мира, согласно божественному замыслу. Здесь надо понимать, что под «творчеством» мы понимаем не только написание картин и сочинение стихов. Творчество есть в любой деятельности человека. Главное в творчестве – это создание чего-то нового, которое, с одной стороны, приносит пользу другим людям и этому миру в целом, а с другой – приносит удовлетворение самому творцу. Творить можно, выращивая сельскохозяйственную культуру, работая с металлом или деревом, подметая улицу, в конце концов. Особая творческая задача лежит на воспитателях и учителях – именно они имеют возможность рассмотреть в каждом ребенке ту самую искру Божью и помочь раскрыть ее на благо другим людям и самому человеку.

Говоря о Большом антропологическом переходе (Аршинов, Буданов 2021), мы должны понимать, какие перемены он принесет на бытовом, человеческом уровне. До сих пор человек жил в основном исходя из повседневных физиологических потребностей. Вся его жизнь была чередой преодоления различных трудностей для получения простых материальных благ. По мере совершенствования технологий и все большего удовлетворения первичных потребностей человека эти трудности перемещались в сферу межличностных и межчеловеческих отношений. Вся современная истерия по поводу заканчивающихся ресурсов планеты, демографической сингулярности и т.д. связана только с одним фактором: Большой антропологический переход неизбежно приведет к вочеловечиванию общества. То есть главными для людей станут не животные, а человеческие потребности. Основными целями в жизни людей станут творчество и любовь. А значит, старые манипуляции людскими массами, замешанные на страхе, перестанут работать. Именно это и есть главный вызов для человечества – прежние элиты теряют власть над людьми, а им этого очень не хочется. Они не знают, как управлять по-другому, без страха и манипуляций.

Почему мы считаем Большой антропологический переход неизбежным? Дело в том, что до недавнего времени наша человеческая цивилизация развивалась исключительно как сугубо материалистическая. Однако дальнейшее развитие невозможно, если остаться на чисто материалистических позициях. На сегодняшний день мы достигли своего «потолка» развития, и дальнейшее наше движение возможно только с использованием духовных знаний.

Выводы

1. В эпоху Большого антропологического перехода формируются культурно-цивилизационные общности. Россия может стать центром одной из них.
2. Демографические тенденции показывают, что в конце XXI века численность человечества стабилизируется, страны мира начнут конкурировать друг с другом за

население. Те страны, откуда люди будут уезжать, не будут иметь потенциала для развития. Люди будут выбирать для жизни и работы те страны, в которых реализованы наиболее гармоничные концепции социально-экономического развития и в которых отношения между государством и жителями строятся на доверии и взаимопонимании, а не на мелочном контроле и унижении. Россия может быть населена не менее чем одним миллиардом жителей к концу XXI века, если развитие страны будет организовано эффективно.

3. Россия может имплементировать в ткань общественных отношений внутри страны (между общественными институтами, гражданами и государством) этику заботы о человечестве, основанную на «софийном ключе» этики. Россия в состоянии предложить человечеству альтернативу, противопоставив свой этический дискурс различным вариантам этики расчеловечивания, которая практикуется формируемыми сегодня культурно-цивилизационными общностями (Юго-Восточная Азия, Европа, США).

4. Важнейшей составляющей современного цивилизационного и экономического развития России является разработка отраслевых цифровых платформ. Успехи Китая в платформизации экономики, в квантовых вычислениях и в генерации термоядерной энергии создают условия, при которых России необходимо максимизировать использование имеющегося у населения страны интеллектуального и творческого потенциала, чтобы не отстать в этой цивилизационной гонке от Поднебесной. Для этого необходимо правильно организовать и направить имеющийся в стране научный потенциал, интеллектуальные клубы (в частности, Сретенский) являются одной из форм такой организации.

5. Гуманитарный прорыв в общечеловеческие смыслы, в котором сегодня участвует интеллектуальная элита России, неотделим от распространения и развития сетевых структур и сетевых коммуникаций, которые в том числе позволяют использовать и трансформировать энергию глубинных (архаичных) слоев коллективного бессознательного, а тем самым способствовать эволюции человечества в направлении ноосферной разумности.

Источники

- Апрельские тезисы 2020 [April theses] / под ред. Буданова В.Г., Колесовой Л.А., Щербакова А.В. URL: <https://spkurdyumov.ru/future/aprelskie-tezisy-2020-priglasenie-k-shirokoj-diskussii/>. (In Russian) Аршинов, В.И., Буданов, В.Г. (2021), Сетевые информационные революции и большой антропологический переход: эволюционный аспект [Networked information revolutions and the great anthropological transition: an evolutionary aspect. 2021. Source]. URL: <http://mendelev-center.ru/articles/article-0187.html>.
- Буданов, В.Г. (2011), "О возможности интегральной этики Большого антропологического перехода" [On the possibility of integral ethics of a Large anthropological transition], *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент*. Том 11, № 6, с. 260-269.
- Капица, С.П. (1999), *Общая теория роста человечества* [General theory of human growth], Москва: Наука.
- Колесова, Л.А. (2020), Стихия и агенты Перехода (гуманитарный очерк) [Element and agents of the Transition (humanitarian essay)]. URL: <http://mendelev-center.ru/articles/article-0130.html>.

- Комлева, В.В. (2021), "Страновой коммуникационный режим как социально-политический феномен" [Country communication regime as a socio-political phenomenon], *Россия и мир: научный диалог*, Том 1, № 1, июль – сентябрь, с. 13-26. doi: 10.53658/RW2021-1-1-13-26.
- Латур, Б. (2016), О возможной триангуляции некоторых современных политических позиций. «Глобальный мир», которого нет. Земля и новое политическое сознание [About the possible triangulation of some contemporary political positions. «Global world», which is not exist. Earth and the new political consciousness]. URL: <http://gefter.ru/archive/19588>.
- Летуновский, В.В., Щербаков, А.В., Колесова, Л.А., Буданов, В.Г., Малков, С.Ю., Олескин, А.В., Алтунин, А.А., Костенко, Б.И., Курдюмов, В.С., Белотелов, Н.В., Рыжов, В.А., Лобачев, Н.Ю., Белоусов, П.В. (2021), «Будущее: дискуссия» [«The Future: discussion»]. Институт социально-экономического прогнозирования им. Д.И. Менделеева, Сретенский клуб им. С.П. Курдюмова. Москва: Грифон.
- Олескин, А.В. (2021), Децентрализованная сетевая организация научного сообщества. Перспективы и проблемы [Decentralized network organization of the scientific community. Prospects and problems]. Москва: Ленанд.
- Россия-2112. Анализ современного этапа развития человечества (к формированию новой концепции Русской цивилизации) [Analysis of the current stage of human development (toward the formation of a new concept of Russian civilization)] / Центр социально-экономического прогнозирования им. Д.И. Менделеева, Сретенский клуб им. С.П. Курдюмова; А.И. Агеев, В.Г. Буданов, О.А. Булыгин, Л.А. Колесова, В.С. Курдюмов, А.В. Олескин, Д.С. Чернавский, А.В. Щербаков; под ред. А.В. Щербакова. М.: Грифон, 2017.
- Шохов, А.С., Румянцев, В.Ю. (2022), Россия 2100-3000: книга для управленцев-шаперонов и акторов-конструкторов. URL: <https://www.shokhov.com/Russia21003000.pdf>.
- Kapitza, S.P. (2007), *Global Population Blow up and After. The demographic revolution and information society. A Report to the Club of Rome*. Moscow; Hamburg: Tolleranza.
- Klaus Schwab, Thierry Malleret (2020), "Covid-19: The Great Reset". Forum Publishing.
- Shwab, K., Vanham, P. (2021), *Stakeholder Capitalism: A Global Economy that Works for Progress, People and Planet*. Wiley.

DOI: 10.53658/RW2022-2-1(3)-16-35

УДК: 165.168.314:327.5:327.8

Round table «Future: discussion»

Vladimir G. Budanov

institute of Philosophy RAS (Moscow, Russia), Centre of Interdisciplinary Studies named after Kurdyumov S.P. «SRETENSKY CLUB» (Moscow, Russia)

Larisa A. Kolesova

State Academic University of the Humanities (Moscow, Russia), Centre of Interdisciplinary Studies named after Kurdyumov S.P. «SRETENSKY CLUB» (Moscow, Russia)

Nikita Yu. Lobachev

company «Radiofizika» (Moscow, Russia), Centre of Interdisciplinary Studies named after Kurdyumov S.P. «SRETENSKY CLUB» (Moscow, Russia)

Alexander V. Oleskin

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia),
Centre of Interdisciplinary Studies named after Kurdumov S.P.
«SRETENSKY CLUB» (Moscow, Russia)

Vladimir Yu. Rummyantsev

Fund «Digital Platforms» (Moscow, Russia), Centre of Interdisciplinary Studies
named after Kurdumov S.P. «SRETENSKY CLUB» (Moscow, Russia)

Alexander S. Shokhov

LLC «Center for Strategic Projects Implementation» (Moscow, Russia),
Centre of Interdisciplinary Studies named after Kurdumov S.P.
«SRETENSKY CLUB» (Moscow, Russia)

Andrey V. Shcherbakov

Institute for Socio-Economic Forecasting named after D.I. Mendeleev

Abstract. The article focuses on future problems and on «humanitarian breakthrough»; the relevance of the above is mounting due to the fact that technological breakthrough, which we have witnessed over the past decades, has made a personality neither happier, nor freer, nor has made his life and activity more meaningful. Urgent problems of human development have not been solved because of the technological progress. It is becoming more and more obvious that the further development of planetary civilization can be considered and designed at an interdisciplinary level only, under the conditions of convergence of philosophy, exact, natural sciences, humanitarian disciplines and technology. «Humanitarian breakthrough» means that the natural, exact sciences, engineering disciplines find a source of new meanings and ideas in the humanities, and, thanks to this, they cease to be just a means of achieving someone's private goals, and begin to create a conceptual, scientific and the philosophical foundation of the new world – this is how the current humanitarian ethos of science can be characterized.

Keywords: humanitarian breakthrough, great anthropological transition, cultural-civilizational unit

About the authors:

BUDANOV Vladimir Grigorievich. Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Doctor of Philosophy. Chief Researcher, Head of the Sector for Interdisciplinary Problems of Scientific and Technological Development of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, expert of the Sretensky Club, ORCID: 0000-0003-2371-8659. Address: 109240, Russia, Moscow, Goncharnaya str., 12 b. 1. bvg55@yandex.ru.

KOLESOVA Larisa Aleksandrovna. Candidate of philosophical sciences. associate professor, psychologist, orientalist, moderator of the Sretensky Club, ORCID: 0000-0001-6243-9818. Address: 119049, Russia, Moscow, Maronovsky lane, 26, State Academic University for the Humanities, Department of Philosophy and Political Science. kolesovalarisa@gmail.com.

LOBACHEV Nikita Yurievich – Sretensky Club expert. Address: mr.NikitaYurievich@mail.ru.

OLESKIN Alexander Vladimirovich. Doctor of Biological Sciences. Professor of Lomonosov Moscow State University, expert of the Sretensky Club, ORCID: 0000-0002-6816-1615 Address: 119192, Russia, Moscow, st. Kolmogorova, 1, b. 73. Oleskin@yandex.ru.

RUMYANTSEV Vladimir Yurievich, General Director of the Digital Platforms Foundation, expert of the Sretensky Club. ORCID: 0000-0002-7142-4412. Address: 117218, Russia, Moscow, st. Novocheremushkinskaya house 24, b. 2, apartment 284. rv@fidp.ru.

SHOKHOV Alexander Sergeevich. Candidate of philosophical sciences General Director of LLC «Center for Strategic Projects Implementation», expert of the Sretensky Club. ORCID: 0000-0002-2982-3479. Address: 109028, Russia, Moscow, Pokrovsky Boulevard, 8, building 2a, floor 5, office 2, room 1. <https://shokhov.com>, shokhov@gmail.com.

SHCHERBAKOV Andrey Vladimirovich. Ph.D. (Economic Sciences). Director of the Institute for Social and Economic Forecasting named after D.I. Mendeleev, expert of the Sretensky Club, ORCID: 0000-0002-5856-295X, Address: 141700, Russia, Moscow region, Dolgoprudny, Likhachevsky proezd, 26, <http://mendelev-center.ru/>. andrey-iron1@yandex.ru.

References

- April theses [Aprelskii tezisy] (2020). Edited by Budanov V.G., Kolesova L.A., Shcherbakov A.V. URL: <https://spkurdyumov.ru/future/aprelskie-tezisy-2020-priglasenie-k-shirokoj-diskussii/>. (in Russian)
- Arshinov, V.I., Budanov, V.G. (2021), Networked information revolutions and the great anthropological transition: an evolutionary aspect [Setevyi informatsionnyi revolutsii e bolshoi antropologicheskoy perekhod: evolyutsionnyy aspekt]. 2021. Source. URL: <http://mendelev-center.ru/articles/article-0187.html>. (in Russian)
- Budanov, V.G. (2021), "On the possibility of integral ethics of a Large anthropological transition," [O vozmozhnosti integralnoi etiki Bolshogo antropologicheskogo perekhoda] *Proceedings of the South-Western State University. Series: Economy. Sociology. Management*. Vol. 11, No. 6, pp. 260-269. (in Russian)
- Kapitsa, S.P. (1999), General theory of human growth [Obshchaya teoriya rosta chelovechestva]. Moscow. Nauka. (in Russian)
- Kapitza, S.P. (2007), Global Population Blow up and After. The demographic revolution and information society. A Report to the Club of Rome. Moscow; Hamburg: Tolleranza.
- Kolesova, L.A. (2020), Element and agents of the Transition (humanitarian essay) [Stikhiya i agenty perekhoda]. URL: <http://mendelev-center.ru/articles/article-0130.html>. (in Russian)
- Komleva, V.V. (2021), "Country communication regime as a socio-political phenomenon [Stranovoy kommunikatsionnyy regim kak sotsialno politicheskoy fenomen]," *Russia and the World: Scientific Dialogue*, Volume 1, No. 1, July – September, pp. 13-26. doi: 10.53658 / RW2021-1-1-13-26. (in Russian)
- Latour Bruno (2016). About the possible triangulation of some contemporary political positions. «Global world», which is not exist. Earth and the new political consciousness [O vozmozhnoy triangulatsii nekotorykh sovremennykh politicheskikh pozitsiy]. Globalyaya mir kotorogo net. Zemlya i novoye politicheskoye soznanie. 2016. URL: <http://gefter.ru/archive/19588>. (in Russian)
- Letunovsky, V.V., Shcherbakov, A.V., Kolesov, L.A., Budanov, V.G., Malkov, S.Yu., Oleskin, A.V., Altunin, A.A., Kostenko, B.I., Kurdyumov, V.S., Belotelov, N.V., Ryzhov, V.A., Lobachev, N.Yu., Belousov, P.V. (2021), «Future: Discussion» [Bugushchee: diskussiya]. Institute of Socio-Economic Forecasting named after D.I. Mendeleev, Sretensky club named after S.P. Kurdyumov. Moscow: Griffon. (in Russian)
- Oleskin, A.V. (2021), Decentralized network organization of the scientific community. Prospects and problems [Detsentralizovannaya setevaya organizatsiya nauchnogo jbshtva. Perspektivy i problemy]. Moscow: Lenand. (in Russian)
- Russia-2112. (2017), Analysis of the current stage of human development (toward the formation of a new concept of Russian civilization) [Detsentralizovannaya setevaya organizatsiya nauchnogo jbshtva. Perspektivy i problemy] / Center for Socio-Economic Forecasting. D.I. Mendeleev, Sretensky Club. S.P. Kurdyumov; A.I. Ageev, V.G. Budanov, O.A. Bulygin, L.A. Kolesova, V.S. Kurdyumov, A.V. Oleskin, D.S. Chernavsky, A.V. Shcherbakov; ed. A.V. Shcherbakov. Moscow: Griffon.
- Schwab Klaus, Malleret Thierry (2020), "Covid-19: The Great Reset". Forum Publishing.
- Shokhov, A.S., Rummyantsev, V.Yu. (2022), Russia 2100-3000: a book for managers and actors-constructors. URL: <https://www.shokhov.com/Russia21003000.pdf>.
- Shwab, K., Vanham, P. (2021), Stakeholder Capitalism: A Global Economy that Works for Progress, People and Planet. Wiley.

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

DOI: 10.53658/RW2022-2-1(3)-36-52

УДК: 94(510)+316.722

Кан Ювэй об истоках цивилизации Запада

Мартынов Д.Е.

Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань, Россия)

Аннотация. Статья посвящена вопросу о формировании концепции цивилизационного развития Кан Ювэя (1858–1927). На материале «Путешествия в Италию» (1904) рассмотрено видение западной цивилизации с точки зрения конфуцианского мыслителя. Кан Ювэй утверждал, что единение является основным законом истории. С его точки зрения, Римская империя была примером государства, создание которого отвечало законам эволюционного развития природы и общества. Современная ему Италия рассматривалась как молодое государство, которое еще не преодолело последствий «родовой травмы». Формируясь в синоцентрической парадигме, Кан Ювэй рассматривал мировую цивилизацию как единый эволюционный процесс восхождения от варварства к вершинам культуры. Соответственно, позитивный опыт Запада можно использовать для исправления недостатков Китая и возвращения стране высокого политического и геостратегического статуса.

Ключевые слова: Кан Ювэй, цивилизация, глобализм, синоцентризм, конфуцианство, Великое единение (Да тун)

Об авторе: МАРТЫНОВ Дмитрий Евгеньевич. Доктор исторических наук. Профессор кафедры алтаистики и китаеведения Института международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета. ORCID 0000-0001-5385-1915. Адрес: 420111, Российская Федерация, Казань, ул. Пушкина, 1/55. dmitrymartynov80@mail.ru.

Введение

Наше исследование посвящено проблеме осмысления сущности западной цивилизации выдающимся китайским мыслителем и реформатором Кан Ювэем (康有为, 1858–1927). Важнейшей особенностью его социокультурного и интеллектуального опыта является длительное пребывание за пределами Китая (в 1898–1914 годах), возможность непосредственного ознакомления с жизнью более тридцати государств тогдашнего мира. Интерпретация его впечатлений от образа жизни Запада только начинается и вызывает в национальных синологиях Европы и США, России и восточных государств, включая Китайскую Народную Республику, существенные разногласия. В статье мы излагаем наши воззрения на интеллектуальные достижения Кан Ювэя, который воспринимал себя пророком – основателем новой глобальной религии. Соответственно, в его глобализаторской исторической доктрине опыт западной цивилизации занимал немалое место.

Основной задачей данного исследования является разрешение вопроса о трансформации конфуцианского сознания, носителем которого является выдающийся мыслитель, получивший традиционное китайское воспитание. Обретенный внешний опыт выражается в теоретической саморефлексии философа относительно данного опыта. Кан Ювэй был одним из первых конфуцианцев Китая, которые имели возможность длительного общения с носителями западной культуры, не будучи скованными служебными ограничениями или необходимостью выражения ангажированной государством точки зрения.

Материалы и методы

Методология исследования интеллектуальных перемен в Китае на рубеже XIX–XX веков была отрефлексирована выдающимся китайским философом Лян Цичао (1873–1929). Он предложил так называемый метод аналогии культурных ценностей, который и сделался основной базой сопоставления западной и китайской интеллектуальной истории с функционалистской точки зрения. С позиции метода аналогии Лян Цичао обозначал своего учителя Кан Ювэя как «Мартина Лютера конфуцианства» (Мартынов 2010, с. 35). Метод аналогии был неотделим и от аксиологической компаративистики, которая широко применялась множеством китайских мыслителей, включая Лю Жэньхана (1884–1938), и позднейшими исследователями. При множестве ограничений данный метод остается базовым в современной синологии, хотя при его некритическом использовании превращает интеллектуальную историю в «ухудшенную версию истории философии». Базовый набор персоналий при этом восходит к тезаурусу все того же Лян Цичао (Elman 2010, p. 376).

Основными источниками являются сборник путевых впечатлений Кан Ювэя «Путешествие в Италию» (1904)¹, а также базовый философский трактат мыслителя «Книга о Великом единении» (впервые издан в 1935 году)².

Результаты исследования

Интеллектуальный фундамент учения Кан Ювэя

Вся философская система Кан Ювэя основана на эволюционном учении. Одним из наиболее сложных для его биографов вопросов является время усвоения мыслите-

1 Кан Ювэй (康有为). Идали юцзи (Путешествие в Италию, 意大利游记) // Цюаньцзи (Полное собрание соч., 康有为全集); Гл. ред. Цзян Ихуа, Чжан Жунхуа (姜义华, 张荣华编校). Т. 7. Пекин: Чжунго жэньминь дасюэ чубаньшэ, 2007. С. 347–406. [Kang Youwei. Yidali youju. Quanji, Jiang Yihua, Zhang Ronghua bianjiao. Di 7 ji. Beijing: Zhongguo renmin daxue chubanshe]. Далее цитируется как: «Кан Ювэй, 2007».

2 Кан Ювэй (康有为). Датун шу (Книга о Великом единении, 大同书) / Ред. и предисловие Тан Чжицзюня (汤志钧导读). Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 2005. 18, 292 с. [Kang Youwei. Datong shu / Tang Zhijun daodu. Shanghai: Shanghai guji chubanshe, 2005]. Далее цитируется как: «Кан Ювэй, 2005».

лем эволюционистских взглядов. Еще младшие современники мыслителя обращали внимание на то, что Кан Ювэй датировал свои новейшие работы задним числом, чтобы оправдать миф о том, что по вдохновлению Неба создал все свои работы до достижения тридцатилетнего возраста (Мартынов 2010, с. 27–28) (Alitto, Liang Shuming 2010, p. 156). Это стало основой теории Тан Чжицзюня о позднем формировании философии истории Кан Ювэя. В предисловии к изданию «Датун шу» Тан утверждал, что это произошло не ранее отъезда Кана в эмиграцию, то есть не ранее 1899 года, где он познакомился с трактатом Томаса Гексли «Эволюция и этика», переведенным выдающимся философом Янь Фу (1854–1921) под названием «Теория природного развития»³.

Принципиальной инновацией Кан Ювэя – философа был синтез конфуцианской доктрины с понятием изменений (как в природе, так и в человеческих установлениях), что выразилось в учении о «Трех эрах» (сань ши). Концепция «Трех эр» в различных модификациях существовала в китайской мысли от времени Конфуция и была существенно развита в эпоху Хань (III век до н.э. – III век н.э.), но последовательное ее изложение предложил только Кан Ювэй. Традиционное китайское мировоззрение рассматривает мир как пространственно-временной континуум; учение о Трех эрах предполагало корреляцию стадийных изменений как во времени, так и в пространстве. Иными словами, концепция трех эпох / эр имела для Кан Ювэя общеметодологический смысл. Если до Кана концепция была инволюционной – от идеального состояния Поднебесной в глубокой древности, которое сменяется «затмением Дао-пути», то новаторством Кан Ювэя стала трансформация временной последовательности в эволюционную. Первая эпоха, в которую живет и сам Кан Ювэй, это Эра хаоса (цзюй луань ши). Далее последует эпоха Рождающегося мира (или Подъема к равновесию, шэн пин ши), к которой, по мысли Кана, уже близки некоторые страны современной ему Европы и Америки. Далее, в неопределенно далеком будущем, настанет эпоха Великого равновесия, или Великого мира (тай пин ши), в которую во всем мире будет реализовано Великое единение (да тун). С каждой эпохой соотносится эволюция общественного и социального строя: самодержавие и патриархальная семья в Эру хаоса; конституционная монархия и нуклеарная семья с равноправием полов в Эру рождающегося мира; демократическая республика и коммунизм (с полным устранением всех границ, включая государственные, социальные, половые и даже межвидовые) Великого единения. В каждой из эпох выделялась троичная структура, что должно было в философско-методологическом смысле показать неограниченность развития даже после наступления Великого единения (Куан Болин 1980, с. 91; Кобзев 2002, с. 467–468).

Концепция Кан Ювэя являлась конфуцианской по своим глубинным философским основаниям. Это связано как с понятием жэнь-гуманности, которую Кан Ювэй провозгласил вселенской константой, так и с тем, что под «развитием» мыслитель понимал нравственный прогресс и лишь затем – материальный. Каждая последующая эра является более прогрессивной и цивилизованной по сравнению с предше-

ственным; Великое единение – это истинный рай на земле, в котором каждое живое существо освободится от страданий и достигнет состояния Будды⁴. Человеческое общество (не суть важно, западное или восточное) обязательно проходит через Три эры, поскольку они имеют значение всеобщего закона исторического развития. Развитие при этом происходит постепенно, точные временные границы этого процесса не могут быть установлены, однако очередность смены эр не может быть нарушена (Куан Болин 1980, с. 91).

Современный итальянский синолог Федерико Брусаделли, рассматривая интеллектуальную эволюцию Кан Ювэя, впервые попытался поставить китайского мыслителя в контекст интеллектуальной истории, цитируя Р. Козеллека и М. Фуко (Brusadelli 2020, p. 2, 4). Собственно, и А.И. Кобзев рассматривал учение о Великом единении (которое единогласно объявляется главным теоретическим достижением Кан Ювэя) в терминологии «унификаторского глобализма» и «экуменизма» (Кобзев 2002, с. 469). Ф. Брусаделли также рассматривал деятельность мыслителя в религиозном ключе, обозначая учение, изложенное в «Датун шу», не как философию истории, а как ее телеологию. Собственно, именно в этом контексте он напоминает о М. Фуко, так как Кан Ювэй не признавал «разрыва времени», и его теория является не аллегорией о несбыточных мирах, а вполне позитивистским описанием действия и исполнения объективных законов общества и истории (Brusadelli 2020, p. 5). Ф. Брусаделли истолковывает Датун шу как «глобальную историю», написанную с позиции ее завершения в неопределенном, но не слишком отдаленном будущем.

Трактат «Путешествие в Италию»

«Путешествие в Италию» было опубликовано в Шанхае в 1905 году в составе сборника «Путешествий по одиннадцати странам Европы»⁵. По форме это эклектическое сочинение в традиционном жанре, которое сочетает дневниковые записи (изложение начинается с полуслова: от начала путешествия в Европу, датированного 6 днем второй луны 30-го года эры Гуансуй)⁶, разнообразные суждения, поэтические вставки и мини-эссе, которые в совокупности образуют философский комментарий. Перечислим структурные части, выделяемые автором (в оригинале заголовки не нумеруются):

1. «Путь по Южно-Китайскому морю и Индийскому океану».
2. «От Адена по Красному морю».
3. «От Суэцкого канала до Порт-Саида».
4. «Средиземное море».
5. «Песнь о Средиземном море» (поэма).

⁴ Кан Ювэй 2005, с. 290–292.

⁵ Кан Ювэй 2007, с. 406. Отдельно обозначено, что это наборное, а не ксилографическое издание.

⁶ То есть 22 марта 1904 года.

³ Кан Ювэй 2005, с. 9, 17.

6. «Путешествие в Италию».
7. «Мои ощущения, когда я высадился в Европе после морского путешествия» (открывается стихотворением, далее текст прозаический)⁷.
8. «Созерцаю море и весь Неаполь из кабачка у подножья Везувия» (открывается стихотворением, далее текст прозаический).
9. «Восемь отрывочных стансов о Рафаэле» (прозаический текст с многочисленными поэтическими вставками).

Внутри разделов 8–9 содержатся обширные вставные рассуждения, представляющие собой самостоятельные эссе. Китайский социолог Ван Минмин выделил 11 внутритекстовых комментариев (Ван Минмин 2019, с. 3):

1. «О том, что римские дворцы не столь велики и изысканны, как китайские династий Цинь и Хань».
2. «Китайцам следует сохранять свои культурные реликвии, чтобы не отстать от европейцев».
3. «Четыре сотни храмов Рима уступают Собору Св. Петра».
4. «О том, почему парламентаризм как система возник на Западе, а не на Востоке».
5. «Удачи и неудачи в ходе исторического развития Рима».
6. «История Италии»⁸.
7. «Гражданская политика Италии».
8. «Римско-католическая доктрина (с приложенным рассуждением, что учение Иисуса произошло от буддизма)».
9. «О древнеримской диалектике».
10. «Сравнение Древнего Рима и китайской империи Хань; пять причин, по которым Рим не уступал Китаю».
11. «Об истоках цивилизации пяти морей и трех континентов».

Ван Минмин говорит о двойственности подходов к рассуждениям Кан Ювэя. С одной стороны, Кан Ювэй представал в роли этнографа, оказавшегося в ситуации первого контакта с Другим (Ван Минмин 2019, с. 4). Разумеется, он не имел ни малейшего понятия об этнографии, однако, поставив целью «стать мудрецом, перечитав все книги еще до того, как мне исполнится тридцать лет»⁹ (Мартынов 2010, с. 103), прекрасно знал о сборниках бицзи, в которых было множество записей о разнообразных заморских диковинах¹⁰. Иными словами, традиционная китайская

7 В этом разделе помещено описание помпейских руин.

8 В заголовках 5 и 6 использован термин яньгэ, то есть «эволюция, процесс последовательных изменений», а не лиш (собственно, «прошлое, ход событий»).

9 Так Кан Ювэй аттестовал себя в «Автобиографии» (второй год Гуансуй, 1876).

10 Специфический жанр китайской авторской прозы, по преимуществу создаваемый государственными чиновниками. Единственным конструирующим законом жанра была авторская воля, однако произведения в жанре бицзи включали «рассказы об удивительном», бессюжетные заметки и зарисовки, стихотворные вставки и рассуждения на самые разные темы. Хватает и авторов, которые занимались изысканиями в разных областях знания – от лингвистики и антиквариата до музыки и астрономии (Алимов, Кравцова, 2014, с. 1244-1256).

ученость располагала необходимым тезаурусом и формами выражения впечатлений от разнообразия не-китайского Иного; поэтому Кан Ювэй не был в этом отношении оригинален и не сделался образцом для подражания (Ван Минмин 2019, с. 4)¹¹; «Путешествие в Италию» не было первым описанием западной цивилизации со стороны образованного китайца (Findeisen 2000, p. 91).

Если рассматривать «Путешествие в Италию» как документ, который свидетельствует не об описываемой реальности, а о личности самого Кан Ювэя, тогда его значение существенно возрастает. Для иллюстрации приведем перевод двух заключительных абзацев трактата Кан Ювэя (собственно, из рассуждения «Об истоках цивилизации пяти морей и трех континентов»):

Полагаю, что носители цивилизации Европы – сыновья Рима и внуки Греции. Прародители земель пяти морей и трех континентов произошли оттуда; прародительницы их – из Аравии. Новая же цивилизация Америки – суть отпрыск, который совсем недавно захлестнул Индию и Японию и сотрясает нашу страну. Европа сравнительно молода, ее культура произросла из древних Египта и Вавилона, которые являются ее семенем; неужели это не удивительно?! Император Данте¹² основал столицу столь блистательную и величественную, что она простояла тысячу лет, великолепием и прочностью превосходя все, известное на земле, хотя вызов ей бросали турки и мусульмане¹³. Магомет основал новое государство в Мекке, объединив владения множества правителей от Испании на западе до Индии на востоке, севера Африки на юге и Каспийского моря на севере. Арабская цивилизация раскинулась на протяжении 20 000 вёрст-ли¹⁴, пересекая моря и континенты; и так появилась великая держава, которая торговала с Римом и Китаем, и была устроена совершенно по-новому. Халифат охватил все земли Индии, Персии, Рима и Китая, создав новое правление и новую религию. Однако турки и персы разделились на два царства, имеющих каждый свою религию¹⁵, и в свою очередь покатались волной завоеваний. Европа была потеряна для арабов со времен крестовых походов, и с тех пор европейская цивилизация стала распространяться по всей земле. Поистине, страны пяти морей и трех континентов чрезвычайно сильны и культурны, и поразительно быстро развиваются¹⁶.

Ныне весь мир переживает цикл великих перемен. Среди стран пяти морей и трех континентов владения ислама самые бедные и застойные, государства Ту и Бо¹⁷ самые

11 Напротив, Чжу Цзыцин (1898–1948) свидетельствовал, что в молодости был заворочен литературой о путешествиях и в особенности «Путешествием в Италию» Кан Ювэя. Во время посещения Италии в 1932 г. он пользовался сочинением Кан Ювэя как своего рода путеводителем и «камертоном наблюдателя» (Findeisen 2000, p. 90).

12 Так в оригинале.

13 Вероятно, Кан Ювэй имел в виду Константинополь-Стамбул и Багдад. В Стамбуле он побывал в дни Младотурецкой революции 1908 г.

14 Китайская верста (ли) во времена Кан Ювэя примерно равнялась 571,5 м., в современном Китае приравнена к 500 м.

15 Так Кан Ювэй истолковал разделение последователей ислама на суннитов и шиитов.

16 Кан Ювэй использует двусмысленное сочетание гуайи (怪异), которое означает как «странный, диковинный, чудесный; фантастический; чудовищный, невероятный», так и «чрезвычайно изменчивый».

17 Тубо – название Тибета в эпоху Тан (VII–IX вв.).

закрытые и ретроградные. Но разве бывает, чтобы дух земли был истощён без остатка?! Бывает и так, что первопроходец отстанет, и круговорот Дао начнется заново. Поистине, через далекое время все без исключения страны изменятся, тогда как турки и персы, оставшись неизменными, едва ли смогут уцелеть. Европа – географический центр стран пяти морей и трех континентов, и непременно должна сделаться образцом и центром притяжения всемирной цивилизации. Не исчезнет ли она в противном случае? <...> Кавказская раса своим упорством известна по всему свету, подданные императора Данте очень белые и отличаются огромными носами. Я не добрался до пределов всех пяти морей и трех континентов, и лишь мысленно побывал на Чёрном и Каспийском море и в Персидском заливе¹⁸. На эти земли мои соотечественники должны обратить внимание (Кан Ювэй 2007, с. 405–406).

Эмигрантский период жизни Кан Ювэя между 1899 и 1913 годами может рассматриваться как «изгнание», хотя Сяо Гунцюань утверждал, что сам мыслитель воспринимал свою жизнь после провала реформаторского движения «как радостный отдых после тяжких трудов, время, когда можно без ограничений странствовать по свету и удовлетворять давно осознанную тягу к перемене мест» (Hsiao 1975, р. 28). Данный подход справедлив, но должен ныне рассматриваться как поверхностный. Мы сами в свое время посвятили отдельную работу самоуподоблению Кан Ювэя Конфуцию. В рамках искренней веры Кан Ювэя в то, что он является современным Конфуцием, его путевые записки приобретают совершенно иное звучание. Параллели изгнанничества были таковы: и Конфуций, и Кан Ювэй были вынуждены оставить родину в результате провала всеобъемлющего политического плана; оба формулировали основные положения своего учения в изгнании; осознали в этой обстановке несбыточность собственной миссии; продолжительность эмиграции в обоих случаях составила 14 лет¹⁹ (Мартынов 2014, с. 297, табл. на с. 305–306).

Европейский опыт Кан Ювэя имел свои особенности, проанализированные тайваньским исследователем Ван Юнцзу. Согласно его мнению, именно путешествие в Европу (1904) окончательно убедило Кан Ювэя в том, что материальная цивилизация в основе своей космополитична, не может быть ни китайской, ни западной, что стало причиной осознания универсальности общественной и цивилизационной эволюции, этапы которой одинаковы для всех (Мартынов 2014, с. 296). Впрочем, не следует забывать, что вызревание доктрины Кан Ювэя было чрезвычайно длительным, поскольку еще в юности, после первого посещения Гонконга в 1879 году, он убедился, что англичан нельзя считать «варварами» (Мартынов 2010, с. 109). В силу конфуцианских мировоззренческих установок Кан Ювэй больше был обращен к древности, а не к современности. Вдобавок, не владея европейскими языками, он не осознавал глубины межнациональных противоречий, рассматри-

18 Далее ошибочно перечислено и Красное море, описанное в этом же трактате.

19 «Четырнадцатилетнее» изгнание следует понимать как метафору, сознательную подгонку жизненных обстоятельств Кан Ювэя к биографии Первоучителя. В действительности эмиграция Кан Ювэя продлилась 16 лет (Ван Минмин 2019, с. 12), как и будет показано в следующей секции.

вая многообразие Европы по аналогии с разными провинциями Китая, которым были свойственны этнонациональные различия и разные диалекты. Поскольку Запад для Кан Ювэя был «ящиком Пандоры», таившим как вероятную гибель Цинской империи, так и секрет ее спасения, мыслитель в первую очередь обращал внимание на детали обстановки, которые были доступны на поверхностном уровне. Отсюда подмеченные им «хутуны Неаполя». В этом плане Ван Юнцзу был прав, когда утверждал, что путешествие Кан Ювэя по Италии только лишь укрепило уже созданную в его сознании умозрительную конструкцию, а увиденное служило только для обоснования априори выстроенных конструкций (Мартынов 2014, с. 299). Но Ван Юнцзу, как нам кажется, преувеличивал простоту построений Кан Ювэя; напротив, Ван Минмин подчеркивал, что «Путешествие в Италию» является одним из наиболее теоретичных и систематизированных текстов, созданных носителями традиционного китайского сознания, оказавшихся в инокультурном окружении (Ван Минмин 2019, с. 5).

Контекст: Кан Ювэй – путешественник²⁰

После бегства из Китая в сентябре 1898 года семейство Кан Ювэя длительное время не имело постоянного пристанища. 25 октября 1898 года по приглашению японского правительства мыслитель отправился в Токио; все расходы оплачивались из государственного бюджета. После смены правительства Кан Ювэй решил отправиться за океан в поисках поддержки императору Гуанской (1875–1908), оказавшемуся под домашним арестом. 7 апреля 1899 года Кан Ювэй прибыл в Канаду, и 10 мая в Оттаве был принят генерал-губернатором британского доминиона – сэром У. Лорье. Заручившись поддержкой официальных лиц, 31 мая 1899 года мыслитель прибыл в Великобританию. В Лондоне он квартировал у бывшего лорда Адмиралтейства адмирала Бересфорда, с которым был знаком еще до государственного переворота. Однако рассмотрение вопроса о давлении на императрицу Цыси с целью установления конституционного строя в Палате общин (9 июня 1899 года) полностью провалилось. Во второй половине года Кан Ювэй пребывал в Канаде, основав Общество защиты императора, которое стало первой китайской политической партией глобального масштаба. В самом конце года мыслитель вернулся в Гонконг, при этом цинский двор объявил Кан Ювэя в международный розыск и организовал на него «охоту» со стороны спецслужб.

После попытки покушения Кан Ювэй отбыл в Сингапур, куда высадился 1 февраля 1900 года. Уже в день высадки на мыслителя было совершено нападение; в дальнейшем произошло еще несколько покушений, и с 23 февраля Кан Ювэй жил под охраной индийских солдат, назначенных губернатором колонии. После начала Ихэтуаньского восстания Кан Ювэй и Лян Цичао начали подготовку вооруженного выступления, намеченного на август; Кан руководил из Сингапура пропагандистской кампанией. Поскольку на остров были посланы наемные убийцы, с 26 июля по

20 В этой секции все подробности приведены по сводке внука Кан Ювэя – профессора Ло Жунбана (сына дочери Ювэя – Кан Тунби) в нашем переводе (Мартынов 2010, с. 231–287).

9 августа 1900 года Кан Ювэй жил под охраной в резиденции губернатора, а затем ему было предложено переселиться в Пинанг, в колонии Малайя. Проведя в Пинанге почти полтора года, в декабре 1901 года Кан Ювэй выехал в Северную Индию, где был мягкий горный климат. В январе 1902 года мыслитель обосновался в Дарджилинге, в котором прожил до весны 1903 года, занимаясь писательским трудом.

Период с четвертого по девятый лунный месяц 1903 года Кан Ювэй провел в путешествии по Бирме, Таиланду, Вьетнаму и Индонезии, откуда перебрался в Гонконг. В 1904 году в британской колонии прошел всемирный съезд отделений Общества спасения императора. После оформления глобальной политической и экономической организации Кан Ювэй отправился в европейское турне. Он отплыл из Гонконга 22 марта 1904 года. Посетив Бангкок, Малакку и Пинанг, китайский мыслитель продолжил путь через Цейлон, Красное море и Суэцкий канал. 16 июня он прибыл в Бриндизи. Обозрев за три дня Неаполь, Помпеи и Геркуланум, Кан Ювэй 19 июня прибыл в Рим; в Вечном городе он пробыл неделю. 26 июня через Флоренцию и Милан Кан Ювэй отбыл в Париж, где также пробыл три дня. Далее его маршрут включал Швейцарию, Австрию и Венгрию. Полмесяца в июле – августе заняло пребывание в Великобритании, затем последовал вояж в Данию. В Копенгагене Кан Ювэй был принят министром иностранных дел, который одновременно занимал должность премьер-министра. Пребывание в Осло (Норвегия) заняло один день, надолго Кан Ювэй задержался в Швеции, где 24 августа был принят министром иностранных дел. 23 сентября китайский мыслитель отправился в Бельгию и Голландию, обозрел поле Ватерлоо и домик царя Петра I. С 29 сентября до 3 ноября Кан Ювэй изучал промышленные предприятия Великобритании, после чего отбыл в Монреаль. В Канаде он оформил текст «Путешествия по одиннадцати странам Европы».

После тяжелой болезни 12 февраля 1906 года Кан Ювэй выехал в США. Из-за нездоровья он останавливался на месяц в Сизтле и на два месяца в Лос-Анджелесе. Приехав в Вашингтон, 16 июня 1905 года он побывал на заседании Палаты представителей и посетил с экскурсией мемориал Дж. Вашингтона в Маунт-Верноне. 24 июня 1905 года мыслитель был приглашен в Белый дом на неофициальный обед с президентом Т. Рузвельтом, с которым обсуждал отмену законов, дискриминирующих китайцев в США. Далее, много времени заняли поездки по штатам Новой Англии и Среднего Запада. 2 декабря 1905 года Кан Ювэй пересек границу Мексики. Посетив Мехико, штаты Идальго, Оахака и Юкатан, в августе 1906 года китайский философ отбыл в Милан. Через Флоренцию он отправился в Германию, а на восьмом лунном месяце обосновался в Швеции, где приобрел недвижимость. 4 января 1907 года Кан Ювэй вернулся в Берлин, далее обозрел Рейнскую область и через Брюссель и Париж прибыл в Монте-Карло. 29 января 1907 года Кан уже находился в Мадриде, в феврале добрался до Кордовы и Гранады. Далее он пересек Гибралтар, побывав в Танжере и Фесе, где даже удостоился аудиенции короля Марокко. В феврале – марте 1907 года Кан Ювэй побывал в Португалии, Франции и Великобритании, откуда двинулся в США. В пятый лунный месяц он вновь посетил Мек-

сику. Собираясь он поехать и в Россию, однако царское правительство выпустило постановление о немедленном аресте и депортации в Пекин, и планы пришлось отменить.

После банкротства американских и мексиканских предприятий Общества защиты императора Кан Ювэй в апреле 1908 года отправился в Германию, 5 мая он присутствовал на праздновании 60-летия правления императора Франца-Иосифа в Вене. В мае – июне 1908 года Кан Ювэй жил в Швеции и Норвегии, а далее решил вернуться в Гонконг. Путь был кружным: 21 июля мыслитель прибыл в Белград, далее побывал в Софии, а 27 июля в Стамбуле оказался свидетелем победы Младотурецкой революции и установления конституции. Побывав в Афинах, Кан Ювэй отправился в Швейцарию и из Италии отплыл на Цейлон. После прибытия в Пинанг мыслитель получил известия о кончине императора Гуансуй (14 ноября 1908 года). Оправившись, весной 1909 года он отправился в Египет, обозрел Каир, Луксор и Асуан. Далее он проехал в Палестину, посетил Иерусалим и побывал на Мертвом море. Через Швейцарию и Францию он проехал в Британию, посетив Бат и Хэмптон-Корт. Посетив Канаду, летом 1909 года Кан Ювэй прожил месяц в Потсдаме и вернулся 16 августа в Пинанг. Далее неутомимый путешественник отправился обозревать святыни Южной Индии, посетил Мадрас и Бомбей, а далее – вновь задержался в буддийских храмах Цейлона.

Весной 1910 года Кан Ювэй обосновался в Сингапуре, проведя четыре месяца в Гонконге у матери. Повторив поездку в Гонконг в мае 1911 года, в июне мыслитель отправился в Японию, где приобрел дом по соседству со своим учеником Лян Цичао, обитавшим в стране постоянно. Здесь он получил известия, что Цинское правительство сняло с мыслителя все обвинения и отменило указы об аресте и казни. Начало Синьхайской революции и установление республиканского строя не позволило Кану вернуться в Китай. Он оставался в Японии, общался с бывшим министром Инукаи Цуёси, подолгу жил в Осаке и Никко, побывал в Хаконэ, Киото и Хиросиме. В начале 1913 года в Токио ему была прооперирована язва желудка, 9 августа того же года скончалась его мать. По нездоровью Кан Ювэй не смог побывать на ее похоронах в Гонконге и погрузился в положенный конфуцианским ритуалом годичный траур. Лишь в 1914 году, получив три приглашения от президента Юань Шикая, Кан Ювэй вернулся в Китай после шестнадцатилетнего перерыва. Все его многочисленное семейство воссоединилось на китайский Новый год – 14 февраля 1915 года.

Итальянские впечатления Кан Ювэя

По замечанию Ван Минмина, «Путешествие в Италию» было выдержано в традиционном стиле «рассказов об удивительном» (Ван Минмин 2019, с. 13). Дневниковые записи перечисляют многочисленные военные объекты Британской империи²¹. Это сразу задавало общий тон повествования, но, по мнению Ван

21 Кан Ювэй 2007, с. 346–348.

Минмина, проистекало из ожиданий потенциальной читательской аудитории Кан Ювэя. Великобритания для Китая начала XX века была ведущей империалистической державой и одновременно образцом для подражания; соответственно, Италия и Франция рассматривались в одном ряду с ней, что сразу ориентировало читателей.

Те, кто не ездил в Европу, полагают, что эти места напоминают обитель небожителей, сплошь населенную мудрецами и бессмертными; откуда же им знать о непролазной грязи и неустрашимом беспорядке, и о том, что повсюду воры и мошенники! Поэтому, как говорится, “сто раз услышанное не превосходит единожды виденного”. Когда я прежде странствовал по Европе и Америке, и самой Англии, увиденное было очень далеко от того, что я привык представлять, когда учился, и это порождало разочарование. Поэтому, сходя на берег, достигнув цели, испытываешь великую растерянность

(Кан Ювэй 2007, с. 351).

По мнению Ван Минмина, эта сентенция обращена к молодому поколению китайцев, которые привыкли представлять страны Запада как своего рода будущее Китая. Поэтому в путевых записках постоянно идет сопоставление (Ван Минмин 2019, с. 14). По пути из Бриндизи в Неаполь Кан Ювэй сообщает противоречащие друг другу сведения. Так, он описывает, как его обманули при расчете стоимости провоза багажа, и заявляет, что «итальянцы самые бедные и самые лживые, воров много»; описывая окрестности Везувия, он упоминал толпы нищих и заключал, что картина «ничем не отличается от Индии». Здесь же он пытается объяснить эту ситуацию, дабы не отпугнуть своих читателей. Объяснение таково: существующее королевство Италия было создано «на одиннадцатом году правления под девизом Сяньфэн²², четвертом году моей жизни». То есть Италия – молодое государство, порядки в котором еще не успели устояться. Далее, описывая сельские пейзажи, Кан Ювэй проводил параллели с Китаем, уточняя, что крестьянские хижины здесь напоминают египетские или индийские («стены их грубы и не обработаны, весьма некрасивы»), а «склоны гор так же возделаны, как на острове Ява». Ландшафт и почва напоминают таковые в Цзянсу и Чжэцзяне, а деревенские проулки подобны трущобам Гуанчжоу. Из этого делается вывод, что образ жизни всех древних цивилизаций единообразен, поэтому, созерцая дома и поля Италии и Китая, «можно узнать следствия эволюции». Уровень развития их существенно уступает странам Северной Европы. Однако бедные кварталы всего мира одинаковы: заваленные конским навозом и гниющими отбросами переулки Неаполя, в которых телеги выбили в уличном покрытии колеи, «подобны пекинским хутунам». Это происходит оттого, что «исправление порядков в древнем государстве подобно сносу старого дома, то есть чрезвычайно затруднительно». Тем не менее китайцы способны извлечь уроки из образа жизни Запада²³.

22 Сяньфэн – девиз правления цинского императора Ичжу (в 1850–1861 гг.). Одиннадцатый год Сяньфэн соответствует 1860 г. по западному исчислению.

23 Кан Ювэй 2007, с. 351–353.

Цивилизация Древнего Рима и уроки для Китая

Если обобщать концепцию, выраженную в философских эссе Кан Ювэя, выяснится, что он именовал первопричиной отсталости Италии («самой слабо развитой из больших европейских стран») распад Римской империи и феодализацию средневековой Европы. Воссоздав в 1860 году единое государство, Италия была вынуждена тратить значительные средства для содержания армии и флота, что и создавало разрыв с более процветающими странами к северу от Альп. Все это расписано в заключительной секции «Путешествия по Италии», где Кан Ювэй рассматривает устройство местного самоуправления в Италии, ее транспорта, экономики, налоговой системы и так далее, вплоть до устройства национального банка и системы коммерческих банков²⁴.

Описание Неаполя открывается поэмой о Камилло Кавуре, вдохновленной его бронзовым памятником, в которой герой Италии сравнивается с Чжугэ Ляном²⁵. Это ключ к его методу универсальных аналогий, поскольку мыслитель объявил, что изучающий эволюцию мировой цивилизации должен сначала рассмотреть эволюцию Европы, «а кто захочет познать эволюцию Западной Европы, должны начать с руин Древнего Рима»²⁶. Собственно, главной целью итальянского турне Кан Ювэя и была древнеримская история. Именно на руинах Помпей он изрек сентенцию, которая была процитирована Сяо Гунцюанем (Hsiao 1975, p. 28):

Некогда произошло катастрофическое извержение вулкана, ныне мы, живущие, способны исследовать старину непосредственно. Если бы не вулкан, как бы мы соприкоснулись с людьми Древнего Рима? И как бы мы судили об империи Цинь, если бы не было Великой стены? Под Небесами сменяют друг друга потери и прибыли, в природе всё взаимно дополняет друг друга. Поэтому тот, кто рассуждает о Дао, не может не понимать смены Инь и Ян. Поэтому вулкан, причинивший великое зло [людям древности], в какой-то степени облагодетельствовал последующие поколения; как же можно не восхищаться таким порядком вещей?! Мыслители невеликого ума, видящие лишь одну сторону явлений, как могут они рассуждать о Дао?!

(Кан Ювэй 2007, с. 354).

Посещение исторических памятников Помпей и Римского форума, а также Ватиканских музеев подвигло Кан Ювэя на рассуждение о сохранении исторических реликвий в Китае. В рассуждении «Китайцам следует сохранять свои культурные реликвии, чтобы не отстать от европейцев» Кан Ювэй перечисляет императорские дворцы разных династий, уничтоженные в гражданских конфликтах, начиная от великого дворца Афан, сожженного Сян Юем²⁷. Эти примеры служат доказательством

24 Кан Ювэй 2007, с. 393–396.

25 Кан Ювэй 2007, с. 353. Чжугэ Лян (181–234) – государственный и военный деятель эпохи Восточной Хань и Троецарствия. Сделался персонажем фольклора и классической китайской литературы, как олицетворение стратегических талантов, великой мудрости и изобретательности, личного бескорыстия и служения сюзерену.

26 Кан Ювэй 2007, с. 354.

27 Афан – главная резиденция Цинь Шихуана (238–209 годы до н.э.), объединителя Китая.

того, что китайцы намного уступают итальянцам в плане сохранения культурных реликвий. Кан Ювэй выделял две причины: императоры древности «не любили старое и воздвигали новое», а последующие династии уничтожали наследие предшественников. В обычном для него стиле Кан Ювэй приводит в пример земляков-гуандунцев, у которых принято разбивать прекрасные сады, погибающие после того, как семейство основателей разоряется, да так, что и следов не остается. Он сурово заключает: «Если народ не умеет чтить героев и сохранять древности – то это варвары». Китайцы сохранили память о былых достижениях в литературе, но не имеют материальных памятников старины. Впрочем, одной из причин недолговечности материальной стороны китайской культуры является то, что с древнейших времен постройки были деревянными, за исключением немногих пагод. Поэтому китайцы должны овладеть искусством каменного строительства и научиться сохранять материальные культурные ценности²⁸.

В тексте «Путешествия в Италию» Кан Ювэй часто использовал понятие «цивилизация» (вэньмин, 文明). Мыслитель раскрывал его через бинарные противопоставления: примеры высокого или низкого цивилизационного развития. Неслучайно использование им термина «диалектика» (не существующей в традиционной китайской философии): Кан Ювэй, прекрасно осознавая наличие материальной и нематериальной цивилизации, подчинял эти стороны политике. Несмотря на то, что Кан Ювэй рассматривал Европу как целостное цивилизационное поле, он отлично видел различия стран. При этом он полагал, что с точки зрения материальной цивилизации Италия не уступала ни Англии, ни Германии, ни даже Китаю. С точки зрения духовной культуры точек соприкосновения между Китаем и Западом намного больше, чем в сфере материального, поскольку цивилизация – это процесс, а не состояние (Ван Минмин 2019, с. 17-18). Цивилизация – это универсальное выражение прогресса от «варварства» к «культурности». При этом Кан – конфуцианец, в Датун шу он утверждал, что человек единотелесен всем живым существам, в том числе лишенным разума животным и низшим из насекомых, и должен всемерно помогать им освободиться от страданий и смерти²⁹, но это не относилось к цивилизованному и нецивилизованному состоянию человечества. Иными словами, некультурность типологически может выражать как низшее положение по эволюционной лестнице (и такие общества надлежит спасать, то есть «подвергать эволюции»), так и регресс, остановку в развитии, вырождение. Эволюционный взгляд на борьбу с хаосом позволял Кан Ювэю пропагандировать единство человеческой цивилизации и призывать своих соотечественников рас-

смаживать людей Запада как венец эволюции, которые во всем превосходят китайцев. Китайский народ, будучи порождением и наследником китайской цивилизации, несет ответственность за достижения прошлого во имя будущего (Ван Минмин 2019, с. 18-19).

В «Книге о Великом единении» мыслитель максимально широко трактовал «цивилизационную эмпатию», призывая даже изучать цивилизации, зародившиеся на других небесных телах, «разделяя их радости и печали»³⁰. Цивилизация при этом является составной частью и диагностическим признаком эволюционной эры. Основным законом эволюции является стремление разумных существ к единению и ликвидации конкуренции. Множество мелких вожеств образовывали государства, соперничающие между собой, как уделы древнего Китая, Египет, Элладу, Вавилон, Персию. С течением веков государства увеличиваются и явно демонстрируют тенденцию к объединению в глобальном масштабе³¹. Однако Кан Ювэй был далек от признания гомогенности исторического времени и утверждал, что дикость и цивилизованность вполне могут сосуществовать. Более того, он пришел к выводу, что жестокость проявлений войны прямо пропорциональна степени развития материальной цивилизации³², но это не ведет к осуждению цивилизации, ибо ценностные ориентации носят относительный характер. Кан Ювэй не использовал понятие цивилизации для описания исторических фактов, которые существуют для него сами по себе и моральных уроков сами по себе не несут. Не связывал он цивилизацию и с любой формой организованной религии. Подобного рода теоретические выкладки прекрасно прослеживаются по тексту «Путешествия в Италию», например, в описании Колизея и деяний Юлия Цезаря и Октавиана Августа³³. При этом Римская империя представляла в описании Кан Ювэя как государство, возникшее естественным образом в соответствии с законом эволюции³⁴.

Выводы

Изучение интеллектуального наследия Кан Ювэя чрезвычайно важно для нашей современности, переживающей процесс цивилизационного изменения. Мыслитель воспитывался в русле традиционной синоцентрической парадигмы, в соответствии с которой Китай занимал центральное место в Поднебесной, тогда как все остальные государства и культуры занимали периферийное, подчиненное положение. Подобная «архитектура мироздания» пронизывала все мышление Кан Ювэя, определяя даже сакральную географию Датун шу, согласно которой все связующие материки Земли горные хребты – Гималаи, Кордильеры, Анды – являются лишь от-

Сян Юй (232–202 годы до н.э.) – мятежный полководец царства Чу, уничтоживший династию Цинь и ее столицу. Проиграл в борьбе с основателем династии Хань Лю Баном и покончил жизнь самоубийством.

²⁸ Кан Ювэй 2007, с. 370-371. Кан Ювэй писал это до эпохальных археологических открытий первой трети XX века, когда были найдены материальные следы китайской цивилизации вплоть до эпохи неолита. Историко-архитектурные экспедиции Лян Сычэна (сына ученика Кана Лян Цичао) и его жены Линь Хуэйинь в 1932–1937 годы позволили открыть полностью сохранившиеся деревянные постройки IX–X веков.

²⁹ Кан Ювэй 2005, с. 4.

³⁰ Там же.
³¹ Там же, с. 56.
³² Там же, с. 68.
³³ Кан Ювэй 2007, с. 365–366.
³⁴ Там же, с. 367.

ветвлениями срединного Кунь-Луны³⁵ (Мартынов 2017, с. 273). Это свидетельствовало о том, что, пережив множество жизненных и политических катастроф, Кан Ювэй сохранил ощущение неразрывного единства мира: то, что пригодно для развития Китая, пригодно и для остального человечества (там же). Ван Минмин описывал изменение его мировоззрения в категориях смены «модели данничества» на «модель паломничества», что в известной степени определяло риторический стиль. Кан Ювэй был любознательным изгнанником, а не носителем империалистического «бремени» (Ван Минмин 2019, с. 29). Впрочем, учитывая его религиозное мировоззрение, можно истолковать деятельность Кан Ювэя как миссию по спасению императора Гуансюй. Масштабы мира неимоверно расширяются, но при этом Кан совершенно сознательно соотносил все увиденные и познанные сущности с традиционным летоисчислением и событийной канвой истории Китая (Рим был основан в семнадцатом году правления чжоуского Пин-вана), используя григорианские даты лишь тогда, когда не мог подобрать им китайского аналога. В известном смысле это превращенная модель «данничества».

Модель цивилизации, построенная Кан Ювэем, в тексте «Путешествия в Италию» еще не успела оформиться до конца, но при этом хорошо соотносится с логикой изложения в итоговом философском тексте «Книги о Великом единении». Задачей Кана в «Путешествии» было развенчание представления о Западе как буддийском рае «Чистой Земли». Для этого он использовал не только прямые сопоставления из опыта настоящего и прошлого Запады и Китая, но и увязывал различия со стадиями цивилизационного развития. В «Путешествии в Италию» еще нет утверждения из «Датун шу», что Швейцария, США и скандинавские страны почти подошли к порогу перехода в следующую эру цивилизационного развития. В свою очередь, длинные описания римского прошлого призваны проиллюстрировать разные варианты действия основного закона истории – закона единства: объединения в исторически краткие сроки с последующим распадом (Рим), долгого объединения с замедлением темпов развития (Китай). Исторически для Кан Ювэя эти государства были равнозначны и равноценны, поскольку становление Римской империи происходило одновременно с утверждением империй Цинь и Западная Хань.

³⁵ Кан Ювэй имел в виду Кунь-Лунь даосско-буддийской китайской мифологии: священная гора, скрывающая Западный рай, место, где соединяются Небо и Земля.

Источники

- Алимов, И.А., Кравцова, М.Е. (2014), История классической китайской литературы с древности и до XIII в.: поэзия, проза [The history of Classical Chinese literature from the antiquity to 13th c.: Poetry. Prose]. СПб.: Петербургское востоковедение.
- Ван Минмин (王铭铭) (2019), «Шэньпин чжи цзин: цун «Идали юэци» кань Кан Ювэй Оуя вэньмин лунь» («Предел Рождающегося мира: взгляд Кан Ювэя на европейскую цивилизацию» в [трактате] «Путешествие в Италию» [The Ambit of Flourishing Peace: Kang Youwei's Perspective of Eurasian Civilizations as Seen in "The Travelogue of Italy"]», 升平之境：从《意大利游记》看康有为欧亚文明论), Шэхуй цзачжи, Т. 39, № 3, с. 1–56.
- Кобзев, А.И. (2002), Философия китайского неоконфуцианства [Philosophy of Chinese Neo-Confucianism]. Москва: Восточ. лит.
- Куан Болин (邱柏林) (1980), Кан Ювэй дэ чжэсюэ сысян (Философские идеи Кан Ю-вэя, Конфуцианские идеи Кан Ю-вэя). Пекин: Чжунго шэхуй кэсюэ чубаньшэ.
- Мартынов, Д.Е. (2010), Кан Ю-вэй: Жизнеописание [Kang Youwei: A Biography]. Казань: Ин-т истории АН РТ им. Ш. Марджани.
- Мартынов, Д.Е. (2014) «Путешествия Кан Ю-вэя, западная цивилизация и модернизация Китая» [Travels of Kang Youwei, Western civilization and modernization of China], В пути за Китайскую стену. К 60-летию А.И. Кобзева. Ученые записки Отдела Китая, Вып. 12. Москва, с. 296–306.
- Мартынов, Д.Е. (2017), Идея Великого единения (Да тун) в истории китайской общественной мысли рубежа XIX–XX вв. и Кан Ю-вэй [The Idea of Great Unity (Datong) in the History of Chinese Social Thought at the Turn of the 19th – 20th Cent. and Kang Youwei]. Казань: Изд-во Академии наук РТ.
- Alitto, G.S., Liang Shuming (2010), Has Man a Future?: Dialogues with the Last Confucian. Beijing: Foreign Languages Teaching and Research Press.
- Brusadelli, F. (2020), Confucian concord: reform, utopia and global teleology in Kang Youwei's Datong Shu. Leiden – Boston: Brill.
- Elman, B.A. (2010), "The Failures of Contemporary Chinese Intellectual History," Eighteenth-Century Studies, Vol. 43, No. 3, pp. 371–391.
- Findeisen, R.D. (2000), "In the hutong of Naples. From Chinese Travelogues of the Republican Era," Cina, No. 28, pp. 89–106.
- Hsiao Kung-ch'üan (1975), A modern China and a New World: K'ang Yu-wei, Reformer and Utopian, 1858–1927. Seattle, L.: University of Washington Press.

DOI: 10.53658/RW2022-2-1(3)-36-52

УДК: 94(510)+316.722

Kang Youwei on the origins of western civilization

Dmitry E. Martynov

Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russia)

Abstract. The article is devoted to the research in the shaping of concept of civilizational development made by the prominent Chinese philosopher Kang Youwei (1858–1927). The vision of Western civilization from the point of view of a Confucian thinker is considered on the basis of the material "Travels to Italy" (1904). Kang Youwei argued that Unity is the basic law of history. From Kang's point of view, the Roman Empire was an example of a state, which was founded according to the laws of the evolutionary development of nature and society. 19th century Italy was seen as a young state that which had not yet overcome the consequences of the "birth trauma". Shaping his views within the Sino centric paradigm, Kang Youwei considered the world civilization as a single evolutionary process of ascending from barbarism to the heights of culture, respectively, the positive experience of the West can be used to correct China's shortcomings and return a high political and geostrategic status to the country.

Keywords: Kang Youwei, Civilization, Globalism, Sinocentrism, Confucianism, Great Unity (Da tong)

About the author: DMITRY E. MARTYNOV – Dr.Sci. (History), Professor of the Department of Altai and Chinese Studies, Kazan (Volga Region) Federal University. ORCID 0000-0001-5385-1915. Address: 420111, Russia, Kazan, Pushkin st., 1/55. dmitrymartynov80@mail.ru.

References

- Alimov, I.A., Kravtsova, M.E. (2014) The history of Classical Chinese literature from the antiquity to 13th century: Poetry. Prose. [Istoriya klassicheskoi kitaiskoi literatury s drevnosti i do XIII c.: poesiya, proza.] Saint-Petersburg: St. Petersburg Center for Oriental Studies Publ. (In Russian)
- Alitto, G.S., Liang Shuming (2010). Has Man a Future?: Dialogues with the Last Confucian. Beijing: Foreign Languages Teaching and Research Press.
- Brusadelli, F. (2020) Confucian concord: reform, utopia and global teleology in Kang Youwei's Datong Shu. Leiden – Boston: Brill.
- Elman, B.A. (2010), "The Failures of Contemporary Chinese Intellectual History," Eighteenth-Century Studies. Vol. 43, No. 3, pp. 371-391.
- Findeisen, R.D. (2000) "In the hutong of Naples. From Chinese Travelogues of the Republican Era," Cina, No. 28, p. 89-106.
- Hsiao Kung-ch'uan. (1975) A modern China and a New World: K'ang Yu-wei, Reformer and Utopian, 1858-1927. Seattle, London: University of Washington Press.
- Kobzev, A.I. (2002), Philosophy of Chinese Neo-Confucianism [Filosofiya kitaiskogo neokonfutsianstva]. Moscow: Vostochnaya literatura. (In Russian)
- Kuang Bolin (1980), Kang Youwei de zhixue sixiang [Kang Youwei's Philosophical Thought]. Beijing: Zhongguo shehui kexue chubanshe. (In Chinese)
- Martynov, D.E. (2010), Kang Youwei: A Biography [Kan Youwei: Zhizneopisanie . Kang Youwei: Biografiya]. Kazan: Institut Istorii Akademii Nauk Respubliki Tatarstan imeni Sh. Mardzhani. (In Russian)
- Martynov, D.E. (2014), "Travels of Kang Youwei, Western civilization and modernization of China ["Puteshestvie Kan Youweiya, zapadnaya tsivilizatsiya i modernizatsiya Kitaiya"] V puti za kitaiskuyu stenu. K 60-letiyu A.I. Kobzeva. Uchenyi zapiski otdela Kitaiya," On the way to the Chinese wall. To the 60th anniversary of A.I. Kobzev. Moscow: Institut vostokovedeniya Rossiyskoy Akademii nauk, pp. 296-306. (In Russian)
- Martynov, D.E. (2017), The Idea of Great Unity (Datong) in the History of Chinese Social Thought at the Turn of the 19th – 20th Cent. and Kang Youwei [Ideya velikogo edineniya. (Da tun) v istorii kitaiskoi obshchestvennoi mysli rubezha XIX – XX vv. I Kan You Wei]. Kazan: Izdatel'stvo Akademii Nauk Respubliki Tatarstan. (In Russian)
- Wang Mingming (2019), "The Ambit of Flourishing Peace: Kang Youwei's Perspective of Eurasian Civilizations as Seen in "The Travelogue of Italy," Chinese Journal of Sociology, Vol. 39, No. 3, pp. 1-56. (In Chinese)

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

DOI: 10.53658/RW2022-2-1(3)-53-69

УДК: 572.9, 008, 519.711.7, 330

Заземление, одухотворение и гуманность (о некоторых тенденциях в эволюции цивилизаций в XXI веке)

Колесова Л.А.

Государственный академический университет гуманитарных наук (Москва, Россия)

Аннотация. Статья посвящена актуальным тенденциям в эволюции цивилизаций в XXI веке. Показывается, что в основании феномена цивилизаций лежат сетевые процессы разностороннего и разноуровневого антропоного обмена, которые формируют как общемировую цивилизацию, так и ее локальные проявления. Показывается также, что центральным фактором этого процесса выступает социокультурный матрикс (инвариант, гомеорезис), состоящий, в свою очередь, из нескольких кодирующих слоев и элементов. Расшифровка кодирующих слоев различных цивилизационных очагов позволила создать карту движения общемировой эволюционной волны цивилизаций в XXI веке, которая приводится в статье. Этот материал дает представление об антропоном векторе данной волны при циклическом повороте от Запада к Северу, с регулирующим цивилизационным звеном Середины. Данные этой карты в совокупности с другими разделами статьи могут быть полезны при исследованиях текущего Большого антропологического перехода XX–XXI веков.

Ключевые слова: цивилизация сети, социокультурный матрикс, Большой антропологический переход

Об авторе: КОЛЕСОВА Лариса Александровна. Кандидат философских наук. Доцент. Государственный университет гуманитарных наук, ORCID: 0000-0001-6243-9818. Адрес: 119049, Россия, Москва, Маро́новский пер. 26. kolesovalarisa@gmail.com.

Введение

Есть множество недавно распространившихся самых разнообразных апокалиптических суждений о судьбах мировой цивилизации в целом и отдельных цивилизационных очагов в частности. Очевидно при этом, что все они, несмотря на масштабный концептуальный и языковой разброс авторов, исходят исключительно из западноцентричного (мессиански-парциального) взгляда на происходящие процессы и явления, который зиждется на принципе расщепления и гегемонии и потому не предполагает отход от иерархического доминирования «цивилизаций» над «варварством», отвергая в принципе все то, что может выйти за рамки этой жесткой дихотомии и ее разнообразных интерпретаций. Между тем то, что действительно происходит

и будет неизбежно происходить в пространстве цивилизаций в ближайшие десятилетия и даже столетия, предсказуемо и может коренным образом изменить именно стадияльно-иерархизированные представления: дикость – варварство – цивилизация (Фергюсон 2000, с. 83-216). Поэтому крайне важно проследить генезис этих изменений, которые уже выливаются в глобальную цивилизационную трансформацию и Большой антропологический переход XXI века, обнаружить их тенденции и социокультурные формы, способные изменить облик всей цивилизации до неузнаваемости – вот центральная задача и цель настоящего исследования, которое указывает, что в основании этой глобальной трансформации лежат несколько важнейших факторов.

Материалы и методы

Статья основана на комплексных междисциплинарных исследованиях сети как центрального антропного понятия, с применением кросс-культурного, культурно-семантического анализа феноменов переходности, пассионарности и сетевых процессов в современных цивилизациях, а также на применении синергетических методик для исследования сетевых фракталов в культуре. Отдельные результаты применения этих синергетических методик, их исторические источники, оригинальные методики работы с этими материалами опубликованы в авторских работах.

Результаты исследования

«Срединность» и смысл

Сама по себе «цивилизация» как понятие было разработано в среде элит Запада XIX–XX веков, отстаивавших доктрину линейного (стадияльного и нелокального) прогресса с ее кульминацией в космополитической идее Ясперса (Ясперс 1994, с. 40-60). Где центральной идеей было представление о средоточии всех высших ценностей культуры именно в трансцендентности цивилизации, в отличие от традиционных (низших, почвенных) культур. В отличие от Запада Восток воспринимал «цивилизацию» иначе, вне привязки к космополитическому и внеисторическому началу в понимании «civil», то есть понятия упорядоченности, которое изначально, еще в Древнем Риме, означало жизнеустройство городской общинности и гражданства. На Востоке и в России в понимании «civil» у оседлых или кочевых народов, в более или менее урбанизованных очагах развития государственности (империй) преобладали идеи «возделанной почвы», то есть обособления нескольких корневых культурно-исторических типов с самобытной природой и «срединными» типами общественной самоорганизации, мышления, художественного и гуманитарно-духовного уклада.

Более того, имеется длительная историософская традиция противопоставления «культуры» как природно-сакрального начала «цивилизации», то есть ее же, культуры,

«обездушенной» и оторванной от корней части – в мировоззрении славянофилов, Данилевского (Данилевский, 1991, с. 123-130), Бердяева (Бердяев 1990, с. 249-269, Бердяев 1998), Шпенглера (Шпенглер, 1998, ч. 8-15), которые указывали, что в «цивилизации» происходит подмена и «смерть духа культуры», подмена смысла и цели жизни ее технологиями, средствами и орудиями. Эта выявленная «подменная» суть цивилизации в ее западном понимании и западном мировоззрении сохраняется и сегодня, и именно эта сердцевина западнотцентричного мироустройства и техномышления будет неизбежно трансформирована.

Потому что технократическая, ее элиты, подошли в собственном развитии к пределу понимания самих себя как цивилизации, причем в двух важнейших ее основах – в понимании «человека в мире» и в цивилизованном способе мышления, а именно – в **осмыслении** происходящего в мире, предлагая взамен осмысления исключительно иррационально выстроенные концепции безусловного доминирования, включая доминирование техногенное.

Сеть и матрикс

Стремительная цивилизационная деградация Запада, его разрушительный милитаризм и откровенная тоталитарная глобалистская немощь есть четкая фиксация именно указанной ментальной патологии – подмены элементарного разумного осмысления и осознания манипулятивными доктринами, направленными на консервацию власти западных ТНК и их доминирования над незападными цивилизациями любой ценой. Телеологическое и мессианское технизированное мировоззрение западных элит не принимает ни осмысления, ни значения мудрости, диалога и универсальной безоценочности, веками культивируемых в мировоззрениях Востока и Евразии, воспринимая это по-прежнему сугубо негативно-прагматически. Данный негативный прагматизм, однако, в действительности оборачивается исключительно агрессивным поиском вариантов доминирующего выгодополучения, манипулятивного торга, тем самым указывая на то, что Запад «выпадает» из разворачивающегося сегодня глобального перехода к общемировой цивилизации сети, которую воспринимают как постиндустриальную, но которая уже становится самостоятельным цивилизационным феноменом.

Сеть как историческое явление есть форма выравнивающей социокультурной самоорганизации в периоды перехода и переходности, пограничья и трансграничья, смешения, обмена, промежуточности и перелома, сопровождая все без исключения фазы развертывания антропной пассионарности (Гумилев 2006, с. 293-355, Гумилев 1993). Эта мощь, возникавшая, например, при всех пассионарных толчках этногенеза или при зарождении культов и религий, включая так называемые социальные культы от глубочайшей древности до наших дней, несла с собой и сохранила «выравнивающие идеи» – идеи и ценности справедливости во всех ее исторических формах, возрождения, свободы (воли), правды, равенства, миротворчества, умиротворения, взаимности, нестяжательства и др.

Сеть всегда создавала как множество «выравнивающих» мифов, так и «выравнивающие» социум и возвышающие человека экзистенциальные мировоззренческие

течения, этот экзистенциальный подъем легко обнаруживается в протекающем в XXI веке Большом антропологическом переходе, который представляет собой одну из важнейших подобных переходных фаз, имеющих четко выраженную сетевую форму и сетевое уравнивающее, умиротворяющее и балансирующее содержание, стремительно поглощающее иные социокультурные структуры и течения.

Сеть есть состояние взаимосвязанности и открытости, она возникает всегда при всех информационно-коммуникативных и социально-технологических революциях, особо отчетливо проявляясь в зоне либо пространственно-фазового пограничья, либо ментального пограничья, то есть середины (точки, паузы, пустоты). Сеть поэтому легко обнаруживает себя именно в начальной, серединной и завершающей, переходной, фазах любого антропного процесса, оттесняя иерархии, приобретая различные природоподобные очертания – это общины и семьи любого генеза, братства (сестричества), экосистемы, лабиринты, цепочки, течения, стаи, рои, пучки, мицелий (грибница), сетка, клан, конгломерат, россыпь, скопление, касты, диаспоры, нейросети и др., причем как в технологически-цифровом виде, так и в живом общественном и природном обмене, где связность ячеек, звеньев, элементов, узлов сети децентрализована, но обладает при этом высокой степенью устойчивости и плотности, синхронности и диахронии одновременно, поскольку вырабатывает **особую программу целостности – матрикс**. Ее суть – самовыстраивание, самоподдержание, непрерывное самовозрождение, субъективное самоопределение всех сторон антропного фактора – общего, особенного и личностно-единичного (Колесова 2019, ч. 1-2, Олескин 2012, с. 112-140).

Эта программа – матрикс, вырабатываемая сетью, как и сама сеть, – природоподобна и имеет множество аналогов в представлениях о гомеорезисе – иначе **развивающейся целостности**: инвариант, монада, нейроматрикс, биоматрикс, биопленки, каркас, корень, традиция, стержень, характер, древо, аутопоэзис, скрепы, дух народа и др. Сама цивилизация – тоже сетевая форма целостного, устойчивого, самовоспроизводящегося, «срединного» сожительства как оседлых и урбанизованных, так и кочевых (мигрирующих) народов, отображенная в **единстве разнообразия**, которое поддерживает вонне гибкую границу открытой встречи и слабого сетевого обмена с Другим (фронтир), а внутри – сетевой обмен сверхвысокой плотности и сложности, подобно мутуализму, где элементы находятся в режиме сильного взаимного притяжения (как в грибнице или нуклеарной семье). Таким образом, цивилизационный матрикс оформляется путем непрерывного баланса «своего» и «чужого», образуя форму гетерархического (орбитального, сочетающего принцип сети и принцип иерархии) «склеивания» множества социокультурных элементов и важнейших доминант. К ним относятся (последовательно):

1. Язык и ментальность (внешняя орбита – знаковая система «склеивания»)

■ Внутренний язык (код) сети в целом и ее отдельных узлов – живые языки (информационно-природный взаимообмен, обновление, оживление и самоподдержание), языково-интеллектуальное самораспознавание (кодификация языкового родства, язы-

ковое чувство Родины), устойчивые паттерны языкового соседского, общинного, диалогового и кланово-группового поведения и их кодификация, высокий (смысловой) язык мышления и ментальности, языковая этническая и этноцивилизационная субъектность;

■ языки и технологии массовой коммуникации и информационного реагирования, кодификация общественных прямых и обратных связей;

■ языки «самоподдерживающих, мудрых» мировоззрений, «земных» смыслов, осознания, кодификация смыслов в мировоззрении, в культурно-интеллектуальных проектах.

2. Природа, культура и культы (вторая орбита – кодификация «склеивания природно-культурного общего»)

■ Так называемые универсализирующие общинные и соборные культуры – «культуры и ценности сбережения общего» – родной земли, Родины, дела, мечты, интереса, беды, судьбы (доли), веры, жизненной цели, непрерывной связки «предки – потомки» и др.; к ним относятся, в частности, культуры «возделывания почвы» (воспитания, образования), «предпочтения» (добродетели), смеховая культура «общего», все инициатические системы нравственности (локально-низовые и универсальные) и семейно-этические кодексы, соседская выравнивающая этика;

■ пассионарные духоподъемные культуры-корни (инициатические и добровольческие движения, почвенная культура братства и сестричества, отцовства и материнства, мужества и женственности, культурный аутопоэзис – инициатическая культура личностного самосовершенствования);

■ паттерны пассионарной демографической саморегуляции, устойчивые паттерны самоподдержания в системе отношений «общество – человек – природа»;

■ пассионарный социокультурный «склеивающий» код (формирование элитных групп, создающих кодификацию самовосприятия общества, образа общества о самом себе, самоназвания, самоидентификации и самораспознавания) и традиции социокультурной «склеивающей» ментальности, культурно-духовная субъектность;

■ пассионарные профетические культы и автохтонные, традиционные религии и их смыслы.

3. «Склеивающее» управление и власть (третья орбита – меритократия, общественные авторитет, влияние и государственная власть). Традиции и способы регулирования природно-общественно-материального «целого» – согласия и договора

■ Политические медиаторы и наладчики общественного поведения, политической жизнедеятельности и культуры, государства и управления, пассионарные политические и социальные лифты;

- устойчивые паттерны достижения и удержания легитимности власти;
- паттерны властно-политического равновесия и согласия (устойчивые паттерны властного и межэлитного консенсуса, самоподдерживающей потестарности и политической культуры), политическая субъектность;
- устойчивые пассионарные традиционные паттерны и ценности наладки «целого» – хозяйствования и хозяйственных отношений (экономическая культура самовосстановления, кооперации, взаимопомощи и сотрудничества, формирования поля консенсуса и преодоления противоречий);
- устойчивые паттерны в технокультуре «целого» (обновляющих техномедиаторах, смене технологических укладов).

4. Доверие как общественное, межкультурное и межличностное «склеивание». Традиции инициативных культур возрождения, ответственности, эмпатии, творчества и «здорового смысла» (целостности, равновесия и доверия, личностного совершенствования)

- Социокультурные пассионарные мифы, архетипы и ритуалы, поддерживающие среду доверия, «умного сердца», близости и доверия (притяжения / отталкивания, «свой» / «чужие»), эмпатии, понимания, взаимности и сочувствия / отвращения;
- традиции культивирования и возвращения ответственности, включая полоролевые паттерны;
- традиции и паттерны социокультурной пассионарности (посредничества, солидарности, состязательности, взаимности, общественной медиации);
- «высокая» культура общественного доверия и личностного совершенствования – аутопознания и агональности (подлинность искусства, оздоровления, спорта как агонального состязания, самосовершенствования как разновидности агона (Колесова 2020, с. 3-8);
- наука как высокое пассионарное сетевое искусство медиации;
- народные искусства и народная (этническая) мифология как пассионарный язык общности (соборности).

5. Ядро матрикса. Память, культуры и мифы «общего героического жертвенного прошлого», позволяющие поддерживать жертвенную любовь, патриотизм и общественно-личный высокий болевой порог

- Устойчивые агональные и жертвенные паттерны любви – к Родине, ближнему, себе, бесстрашия, единоборства и противоборства, защиты Родины, оборонительных войн и братания (примирения), равной состязательности, героические общественные и политические движения «цепочечного» типа, эстафетные способы передачи героического мифа;

- устойчивые стресс-паттерны («хаос-паттерны»), паттерны возвращения доброй воли, паттерны выносливости и опоры на себя (добровольцы, первооткрыватели, подвижники, спасатели, защитники Родины);
- героическая память о личностях-пассионариях, патриотах, харизматиках, «достойных людях», «отцах общества», «царях-освободителях», «победителях», молитвенниках, святых, духовидцах, самородках;
- героические мифы об общих героических деяниях и подвигах, включая выживание, стойкость, возрождение, самопожертвование, идеи и открытия, несущие спасение человеку и человечеству;
- историко-ценностные мифы и паттерны инициаций самосовершенствования и аскезы человека, героические мифы «золотого века».

Матрикс в общественной сфере «склеивает» целостность природы, общества и культуры, делая их симбионтами, формируя плотную сеть – «цивилизацию», причем как на локальном, так и на универсальном уровне. Матрикс «держит» сквозной межпоколенческий пассионарный накал и обеспечивает непрерывное возрождение с каждым новым витком истории и каждым поколением, передачу наследия и социо-гуманитарной целостности, жизнеспособного социально-личностного отбора, сохранность и безотказность в деятельности как государства, так и собственно общества как с точки зрения структуры (наиболее изменяющейся его части), так и с точки зрения ментальности (наиболее инертной его части) (Колесова 2021, ч. 2).

«Выпадение» каких-либо звеньев и элементов матрикса, их деструкция или искажение их «выравнивающей» и гармонизирующей сути означает прерывание **жизнеспособности любой цивилизации и цивилизованности вообще**, вплоть до ее распада и исчезновения или вплоть до поглощения цивилизации варварством, разрушением пары «цивилизация – варварство». Поскольку сегодня доказано, что сама по себе цивилизационная сторона в любом антропном явлении неизбежно имеет не только «возделывающую», но и варварскую («хаотизирующую») сторону в самых разнообразных ее вариантах: горизонтальное, вертикальное, латентное варварство (Буданова 2000, с. 20-90, Буданова 2019, с. 187-190, Курбанов 2006, с. 120-122, Малашенко, Нисневич, Рябов 2019, с. 125-195, Социально-экономический бюллетень 2021, с. 62-70).

Горизонтальные варварские проявления, равно как и иные сетевые горизонтальные обменные процессы, этнические особенно, – один из важнейших факторов «детства» и «юности» этногенеза и пассионарности (особенно в ее нулевой стадии), составляя фактор природной «подпитки» цивилизации. А вертикальное – подавляющее и иерархизированное варварство (шовинизм, ксенофобия, тоталитаризм, нацизм, фашизм, мессианство, национализм, терроризм и пр.) – процесс субпассионарный, типичный прежде всего для «старости» и даже «дряхлости» в истории и развитии как этноса, так и цивилизации. Запад как цивилизационный очаг являет собой сегодня ярко выраженный процесс именно вертикально-варварского угасания, вплоть до элементов дикости, отойдя в эпоху западно ориентированной глобализации даже от собственно гуманитарно-горизонтального космополитизма.

Рисунок 1. Карта пассионарных и субпассионарных культурно-идейно-смысловых векторов (Социально-экономический бюллетень 2021, с. 65)

Сре́тенский клуб
консультант С. П. Курдюмова

**Карта пассионарных
и субпассионарных культурно-
идейно-смысловых векторов
ПАССИОНАРНЫЕ КУЛЬТУРЫ – ТОЛЧОК
И ПЕРЕГРЕВ**

1. Север – Путь, Зарождение, сфера «быть»
Маскулинные культуры, стоическая доминанта,
- техно-сетевая форма («семья») – однородная
растущая агентная цепочка, в том числе прорывные
продуктивные цепные реакции, продуктивность

**Лингво-рациональные (разумные) культуры,
сфера «бытия Слова», скептическая доминанта,**
- техно-сетевая форма («семья») – многоагентная
растущая языковая сеть, предусмотрительность

2. Восток – Становление, сфера «выстраивания»
Созерцательно-преобразующие культуры, эмпи-
рическая доминанта
- древовидная техно-сетевая форма, гармоничность

**УМЕРЕННО-ПАССИОНАРНЫЕ КУЛЬТУРЫ –
НАДЛОМ, ИНЕРЦИЯ, ОБСКУРЦИЯ**

3. Юг – Дело, сфера «иметь»
Феминные культуры, гедонистическая доминанта
- пирамидальная техно-сетевая форма, «экологиче-
ские пирамиды», расчётливость,

**Промысел, сфера «владеть мыслью» – элит-
но-иррациональные культуры, эпикурейская
доминанта,**
- растущая нейросеть, пирамидно-путевая тех-
но-сетевая форма, стремление к успеху, в том
числе через контроль и устранение конкурентов.

4. Середина – (Земля) – сфера Замысла
Точка сборки, сфера «владеть смыслом» –
патрилинейные культуры, сократовская понимаю-
щая доминанта,
- техно-сетевая «мицелиальная» экспансивная форма
(«семья»), осторожность

**СУБПАССИОНАРНЫЕ КУЛЬТУРЫ – РЕГЕНЕРАЦИЯ
И РЕЛИКТ**

5. Запад – Освоение, сфера «саморазличения»
Матрилинейные культуры, аскетическая доминанта
- техно-сетевая многоклеточная (многоячейная)
форма («клеточные семьи»), обращенная к самосо-
хранению и рождению потомства,

**Цель, сфера «различения цели, призванности» –
эвристические культуры, техне-доминанта,**
- техно-сетевая форма – спонтанно-подвижная
семья на локальной территории, стремление
к независимости

**Сотериологические культуры – жертвенная доми-
нанта и Спасение (зонтная духовная сфера)**

В локальных цивилизационных очагах сегодня процесс оформления матрикса и, следовательно, субъектного самовыстраивания идет очень бурно. Его стимулирует растущее сопротивление глобалистско-гегемонистским планам цифрового, эколого-социального и геополитического порабощения, которые маскируются под общецивилизационную повестку. Но нарождающаяся мировая цивилизация, которая только начинает свое оформление в сетевой, переходной форме, в новом сетевом космополитизме, уже показывает, что фактически мир начинает переходить к новой сетевой субъектности и в планетарном масштабе.

Суть ее состоит в превалировании **горизонтальных и открытых обменных сетевых процессов над вертикальными**, то есть в возрождении непосредственно «почвы» и обменно-согласительных «почвенных» факторов – возвышения субъектности народов и их взаимодействия. Происходит возвышение этнической ментальности и духовной культуры, национальных государств и национально-локальных ценностей, исторических цивилизационных очагов (в виде новых сетевых империй), также межэтнической сетевой цивилизационной консолидации, возвышение значимости семьи и человеческой личности во всех антропно-общественных сферах.

Именно этим «почвенным» и почвенно-космополитическим процессам глобалистско-тоталитарные проекты (пандемия, цифровизация, «зеленые» технологии, «новый мировой порядок» и пр.) пытаются помешать. Таким образом, в современном цивилизационном процессе имеет место четкое противостояние между сетевым «заземляющим» процессом цивилизационной коэволюции, пассионарным оживлением

всех цивилизационных очагов и откровенно тоталитарным «безземельным» доминированием западных глобалистов, навязывающих новые порабощающие проекты (инклюзивный капитализм и пр.). Большой антропологический переход неизбежно будет наполнен борьбой за мир, за независимость и целостность каждой локальной цивилизации, постепенным разрастанием сетевых трансцивилизационных взаимодействий (на уровне цивилизационных макрорегионов прежде всего) по мере преодоления глобалистского гегемонизма.

Разработанная в междисциплинарных синергетических исследованиях карта смены пассионарных и субпассионарных культурно-идейно-смысловых векторов, скоррелированная с циклом пассионарности Л.Н. Гумилева, четко показывает вектор новой сетевой субъектности и вектор Большого антропологического перехода – то есть современные траектории развертывания цивилизаций – общее движение от Запада к Северу и далее к Востоку с регулирующей функцией Середины (Социально-экономический бюллетень 2021, с. 65).

Человек, свобода, равенство и братство 2.0

Неотвратимость и быстрота сетевой трансформации общемировой цивилизации и каждой локальной указывает на важнейшее содержание этой революции, которое напрямую относится к человеку, его свободе и самоопределению. Все предыдущие сетевые революции, совпадавшие с революциями информационными, технологическими и социокультурными, были отражением движения человека к собственной свободе и предназначению. Наиболее четко это движение отобразилось в последовательности антропологических революций, где прослеживаются четыре исторические фазы, имеющие непосредственное отношение к цивилизациям. Так, в этом историческом процессе выделения человека из мира природы, начавшимся 25 веков назад, с так называемого ressentiment (Ницше, 2017, с. 409-526), имеются фазы:

- неолитической революции – перехода от дикости к рождению «ветхого» человека;
- революции «осевого времени» и авраамитизма – перехода к Спасению человека, становлению этико-духовного «осевого человека» и «всечеловечества» в христианстве;
- революции в эпоху Возрождения (как на Востоке, так и на Западе) и протестантской Реформации, угасание импульса которой происходит сегодня на наших глазах, – перехода к человеку-индивиду, свободно-общественному гражданину;
- сетевой революции XXI века – переходу к «человеку софийному», личности, наделенной «умным сердцем», существу духовному, творческому и разумному одновременно (Новый общественный договор 2021, с. 14).

Это возвышение человека как уникальной и неповторимой, одухотворенной личности есть очевидный императив рождающейся новой мировой цивилизации сети и новой гуманности, начинаясь, как и предыдущая возрожденческая фаза, с движения к Человеку, его самоопределению, свободе и взаимности (равенству) с Другим –

на Востоке и в Евразии, и только потом – на Западе. В Китае, России, Индии, на Среднем и Дальнем Востоке, в Центральной Азии очень заметна эта гуманистическая тенденция, противостоящая, однако, характерному для Азии социоцентризму с его вариантами социального рейтинга и кастово-иерархического или сословно-иерархического устройства.

Данное экзистенциальное измерение новой антропологической революции на Востоке и в Евразии особенно отчетливо проявлено на фоне дегуманизации, расчеловечивания и моральной деградации человека на Западе, который, по сути, отверг собственное, когда-то бывшее гуманистическое начало, выродившись в поклонение либертарианству и ЛГБТ-насилием над природой человека. Поэтому важнейшие либеральные ценности сегодня также переходят от Запада на Восток и в Евразию, на Север, закладывая основы новейшей сетевой либеральной революции – возможно, как так называемый «консенсус Антропоцена» (Шешнев 2017) – с ее подлинными софийными, мудрыми принципами новой мировой цивилизации, особенно принципами всеобщего выживания, мирного сосуществования, отказа от войн и жертвоприношений, насилия и рабства, вновь выдвигая приоритеты свободы, равенства и братства.

Вторичный природообмен и ноосфера

Облик мировой цивилизации, помимо сетевых процессов, будет неотвратимо меняться в силу особенностей и самого Большого антропологического перехода. Внутри этого перехода, помимо интерференции множества циклов и целого ряда революций, наступает период «сжатия» и паузы, который естественным образом завершает 600-летний цикл капиталистического способа производства и безудержного потребительства. Наступает время осмысления этой исторической инерции и поиска основ нового мирового баланса, где будут неизбежно пересмотрены самые архаические, фактически палеофакторы общемирового цивилизационного устройства.

Это обстоятельство проистекает из логики гипотезы о вторичном природообмене, высказанной и обоснованной русским антропологом В.Р. Арсеньевым (Субетто 2009, с. 170-180, Арсеньев 2006, с. 102-116). Гипотеза вторичного природообмена исходит из того, что в историческом процессе линейного взаимодействия «природа – общество – человек» имеется архаическая первофаза, а именно – первичный природообмен, сменяющийся следующей фазой – первичного природопользования. Волна смены этих двух тактов – **обмен / пользование** – естественна, потому что связана с освоением человеком окружающего мира и самого себя, а потому должна идти, как любая волна, от такта к такту последовательно.

Но в истории под влиянием капитализма, на Западе особенно, как показывал Арсеньев, произошло (после первичного природообмена) застревание на фазе истощения первичного природопользования – XIV–XV вв. н.э., когда **пользование** на фоне эпохи Возрождения и появления нового буржуазного общественного слоя на Западе стало предпочтительным, и поэтому смена тактов (обмен – пользование – новый обмен) не произошла. После истощения первичного природопользования вместо следующего

обновления, то есть вторичного природообмена, пошла фаза вторичного природопользования (XVI–XVII вв. н.э.), а обмен стал подавляться и оттесняться в периферийные ниши. Именно в этой фазе, когда началось возвышение капитализма и Запада с последовавшей промышленной революцией, начался слом естественных тактов развития истории (Субетто 2009, с. 170-180, Арсеньев 2006, с. 102-116).

Она, как известно, завершилась не просто полным, а катастрофически полным истощением всех возможных и доступных ресурсов природы и исчезновением множества видов и множества различных этнических общностей, потребительской деградацией самого человека (XX–XXI вв. н.э.). Наступила фаза «сжатия» и перехода, причем совершенно очевидно, что не к очередному природопользованию, дошедшему к своему пределу, но именно к новому обмену, то есть **вторичному природообмену**.

Фаза вторичного природообмена имеет гораздо более обширное природоподобие и означает вовлечение в обменные процессы не только природы как таковой, но природы общественных связей (горизонтальные связи, сеть в первую очередь) и уникальной природы человека и человечества, включая его духовную, разумную и личностную природу, создавая глобальное пространство единства разнообразия.

Неизбежный переход к вторичному природообмену, по гипотезе Арсеньева (Субетто 2009, с. 170-180), то есть к фактически второму зарождению человека и человеческих сообществ, возможен через ноосферу, то есть такую облегчающую переход фазу осмысленного, разумного состояния, где создается совершенно новая глобальная ментальная среда, насыщенная осмыслением и мирным сосуществованием.

Идея ноосферы как сферы именно смыслов (вопрос «Зачем?») не нова. Фактически ее очертания имеют место уже в больших сакральных памятниках всех мировых религий, достижениях всей «осевой культуры», всей культуры гуманизма, как облик той эпохи, где будет немыслима «неправедность», то есть «стяжание чужого», как основа всеобщего мыслительного и поведенческого закона, «нового Рая». Сам термин «ноосфера» был практически одновременно выдвинут уже в XX веке – как идея «мыслящей оболочки» французами Т. де Шарденом, Э. Леруа и нашим соотечественником В.И. Вернадским. Это была одна из утопий индустриального общества, в том числе (позже) опыта советского индустриализма и советского биосферного проекта, например, в работах Н.Н. Моисеева.

Мощный взлет идея ноосферы получила в ряде положений русского космизма, большого и разнопланового течения философской, естественно-научной и гуманитарной мысли в России XIX–XX веков, бывшей интеллектуальным и духовным ответом на развитие европейского рационализма. И. Киреевский, В. Соловьев, Н. Федоров, П. Флоренский, К. Циолковский, Д. Менделеев, И. Сеченов, Л. Толстой, Ф. Достоевский основали целостное движение русской мысли, связанное с образом «Всеединства мира», с космизмом самой жизни на Земле и в околоземном пространстве. Центральной идеей русского космизма была и остается идея огромной и незавершенной миссии Разума по сбережению Земли, Человека и Космоса, о том, что дальнейшая эволюция человечества невозможна без восприятия мира целостным. Обнаруженные условия эволюции человека – единство изменчивости, наследственности и отбора – указывают также на

незавершенность самого человеческого развития и становления человека-творца, творения природы и Божьего Промысла, причем именно в единстве плоти, духа и природы (и где механизм эволюции невозможен без развития «всеобщего языка», а мысль и сознание есть полноценная часть природы и Бога).

Вернадским был начертан образ некоторой особой языковой, религиозной и промышленно-экономической деятельности, расположенной вне / над природой или вместе с природой, где разворачивается высокая стадия развития самой природы как взаимодействия природы, общества, человека и где главным фактором становится разумная человеческая деятельность, где имеется среда непрерывного обмена веществ и энергии между человеком и природой. Со времени этих открытий прошло уже более 80 лет, но утопия ноосферы пока остается утопией, хотя Вернадский утверждал, что биосфера неизбежно перейдет со временем в ноосферу, что люди смогут перестать бездумно использовать природу, включая свою собственную человеческую природу, отказавшись от потребительства и взяв ответственность за коэволюцию планеты и человека на себя. Этот вариант образа будущего уже начинает постепенно осуществляться, например, в проектах экотехносферы (Ткаченко, Керженцев 2016, с. 34).

Сегодня, однако, очевидно, что вторичный природообмен будет сочетаться с незавершенностью коэволюции человека и раскрываться как в уже выявленных условиях эволюции, но и в целом ряде революционных сдвигов непосредственно в биологических системах человека, в самой природе, в природе общественных отношений, а также в подходах к управлению этими процессами. Это обстоятельство ставит перед новым ноосферным проектом совершенно другие задачи.

Судьба техноцивилизации и гуманизация техники

Рождающаяся сетевая планетарная цивилизация и новая пассионарность ставит многовековую тэхне-культуру как культуру Запада и западнического технократического мышления в крайне затруднительное положение. Сциентистская вера во всемогущество технического прогресса более не имеет достойных оснований.

Важнейшим вопросом гуманистической трансформации тэхне-культуры остается вопрос критериальности пределов проникновения техники и технологий вглубь природы, природы человека и природы человеческого общества в особенности. Ситуация усугубляется тем, что происходящая сетевизация и тенденция к нарастанию трансграничности во всех технологических сферах уже привела к формированию плотной конвергентной тэхне-культуры сращения био-, техно-, нано-, инфо-, когно-, гумано-, социо- и пр. мутагенных технологий в единый «текст» проникновения во множество генетических и других фундаментальных процессов в живых организмах и живых общественных сферах, в том числе с целью конструирования новейших гибридных видов или однородных сообществ биороботов. Технологии 5–6–7 укладов и нарастание симбиотических процессов могут со временем глубочайшим образом изменить облик природы, общества и человека, поставив его на грань исчезновения, или, напротив, со-

хранить плодородный генофонд и долголетие, дать возможность иметь многократно более сильный иммунитет и творческий потенциал.

Это обстоятельство, выталкивающее тэхне-культуру как инструмент ТНК в отдельный цивилизационный глобальный континент «без земли», пытающийся диктовать свою волю остальному миру, поставило вопрос о неизбежности формирования тэхне-альтернативы, а именно – ноосферной альтернативы развития естественно-научной и техногенной сфер, ориентирующейся не на варварскую власть техники над природой и людьми, но на содружество и сотрудничество «тэхне-подобных» и природоподобных технологий с их общей гуманизацией и выходом из-под власти западных глобалистов.

Ноосферная трансформация техники и всего научного познания важна как уникальная возможность найти разумные и гуманитарные смыслы в техническом прогрессе, превратив его в действительную силу **научного творческого подвига**, помогающую человеку спасти, сохранить и развить природу, включая его, человека, собственную природу. Это означает глубочайшую мировоззренческую трансформацию всей тэхне-культуры, поскольку именно вопрос человека как целостного существа до сих пор представляет собой камень преткновения во всей истории технической и естественно-научной мысли. Она фиксирует, что эволюция человека (в биологии, например) постепенно идет, но определить ее вектор, а именно – «куда развивается Человек», пока не представляется возможным. Но при этом тэхне-культура выступлениями своих представителей регулярно впадает либо в очередное мессианство (идея цифрового бессмертия – откровенное мессианство), либо выдвигает идеи «негативной свободы» человеческой эвристической мысли – беспредельной «свободы от» любых оков и границ (как, например, идея технологической сингулярности).

Этот тектонический гуманитарный сдвиг обозначает в реальности начало ноосферной революции во множестве сфер. Мы стоим перед неизбежностью совершенно нового глобального проекта ноосферы как сферы единого и разнообразного контр-тоталитарного, взаимного мира, где Россия может стать одной из ведущих и направляющих сил. Более того, именно ноосферный проект, который был теснейшим образом связан с русской культурой и традициями русской мысли, особенно традиций русского космизма, может стать российской международной сетевой альтернативой западному глобализму, голос разума необходимо возвысить, озвучив голос ноосферной науки прежде всего.

Выводы

Проведенные исследования развития цивилизационных процессов в XX – начале XXI века отчетливо показывают, что мировая цивилизация вошла в Большой антропологический переход, в котором имеется тенденция цивилизационного угасания Запада и смещения очага цивилизации к Северу с регулирующей функцией Середины. Для предотвращения катастрофического течения этого перехода для мировой цивилизации крайне важно найти опору в ноосфере как воплощении Середины, в создании об-

щемировой среды нового глобального мышления, насыщенного осмыслением и осознанием.

Источники

- Арсеньев, В.Р. (1991), Звери – боги – люди [Animals – gods – people], М.: Политиздат.
- Арсеньев, В.Р. (2006), Свод основных понятий этнософии [Repertorium of basic notions of ethnosophie] [L'ethnosophie le repertoire des notions principales]: манифестация N 7a; Теоретико-аналитическое об-ние «Манифестация», Москва: Европейский дом.
- Бердяев, Н.А. (1998), Самопознание [Dream and Reality], М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио (Антология мысли).
- Бердяев, Н.А. (1989), Философия свободы; Смысл творчества [The Philosophy of Freedom], Вступ. ст., сост., подгот. текста, примеч. Л.В. Полякова; Журн. «Вопр. философии» и др. М.: Правда (Из истории отеч. филос. мысли).
- Бердяев, Н.А. (1990), Смысл истории [The Meaning of History], М.: Мысль.
- Бердяев, Н.А. (2004), Смысл творчества: [опыт оправдания человека] [The Meaning of the Creative Act], Москва: АСТ: Фолио (Самара: Самарский Дом печати).
- Буданова, В.П. (2000), Варварский мир эпохи Великого переселения народов [Barbarian world of peoples Great migration epoch]; [Рос. акад. наук. Ин-т всеобщ. истории], М.: Наука.
- Буданова, В.П. (2019), “Великое переселение народов. Исторический опыт миграций переходной эпохи” [The Great Migration of Peoples. A historical experience of the migrations of the Transition Epoch], *Вестник РГТУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»*, № 2, ч. 2, с. 180-196. DOI: 10.28995/2686-7249-2-180-196.
- Гумилев, Л.Н. (1993), Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации [Rhythms of Eurasia epochs and civilizations], Предисл. С.Б. Лаврова, М.: Прогресс: Пангея.
- Гумилев, Л.Н. (2006), Этногенез и биосфера Земли [Ethnogenesis and the Earth's biosphere]: М.: АСТ: Астрель.
- Данилевский, Н.Я. (1991), Россия и Европа [Russia and Europe], Сост., послесл., коммент. С.А. Вайгачева, Москва: Книга (Ист.-лит. арх.).
- Дорожная карта. Вызовы ближайшего десятилетия (2021) [Road map. Challenges of the next decade. 2021]. Сретенский клуб им. С.П. Курдюмова и Институт социально-экономического прогнозирования им. Д.И. Менделеева. / А.В. Щербаков, Д.Ю. Золотарев, Л.А. Колесова, В.Г. Буданов и др.; под редакцией А.В. Щербакова, М.: Грифон.
- Колесова, Л.А. (2020), Агональные времена [Agonal Times], URL: <https://spkurdyumov.ru/networks/agonalnye-vremena/>.
- Колесова, Л.А. (2019), Антропология сети. Проблемы и перспективы [Network Anthropology. The problems and perspectives], 2017, Институт социально-экономического прогнозирования им. Д.И. Менделеева, URL: <http://mendeleev-center.ru/>.
- Колесова, Л.А. (2021), Блуждающие волны пассионарности [Wandering waves of passionarity], В 4 частях, Институт социально-экономического прогнозирования им. Д.И. Менделеева, URL: <http://mendeleev-center.ru>.
- Колесова, Л.А. (2013), Золотая утопия [Golden Utopia], Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История.
- Колесова, Л.А. (2020), Конфессиональный инвариант. [Confessional invariant], В 2 частях, Институт социально-экономического прогнозирования им. Д.И. Менделеева, URL: <http://mendeleev-center.ru/>.
- Курбанов, М.Г. (2006), “Варварство в гримасах цивилизации” [Barbarism in the grimaces of civilization], *Вестник Российского философского общества*, № 2 (38).
- Малашенко, А.В., Нисневич, Ю.А., Рябов, А.В. (2019), Становление постиндустриальной цивилизации: от цифровизации до варварства [The formation of a post-industrial civilization from digitalization to barbarism], М.: Юрайт, URL: <https://urait.ru/bcode/445672> (дата обращения: 10.02.2022).
- Новый общественный договор (2021) [New social contract 2021], Институт социально-экономического прогнозирования им. Д.И. Менделеева, Сретенский клуб им. С.П. Курдюмова; под редакцией А.В. Щербакова, Л.А. Колесовой, В.Г. Буданова, М.: Грифон.
- Ницше, Ф. (2015), К генеалогии морали [On the Genealogy of Morality] В: Ницше, Ф. Сочинения в 2 т. [Zur Genealogie der Moral: Eine Streitschrift], пер. с нем. В.А. Вейнштока, под ред. В.В. Битнера, СПб, Азбука, Азбука Аттикус.

Олескин, А.В. (2012), Сетевые структуры в биосистемах и человеческом обществе [Network Structures in Biological Systems and Human Society]; Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Москва: URSS.

Социально-экономический бюллетень (2021) [Socio-economic bulletin 2021], Сретенский клуб им. С.П. Курдюмова, Институт социально-экономического прогнозирования им. Д.И. Менделеева, А.В. Щербаков (гл. ред.), В.Г. Буданов, Л.А. Колесова, А.С. Шохов, Д.Ю. Золотарев, А.В. Олескин, В.С. Курдюмов, Н.Ю. Лобачев; под редакцией А.В. Щербакова, М.: Грифон.

Субетто, А.И. (2009), “Владимир Романович Арсеньев – этнограф, философ, футуролог. Взгляд через призму ноосферизма” [V.R. Arseniev as ethnographer, philosopher, futurist]. Научно-теоретический журнал «Общество – среда – развитие», № 1 (10), с. 170-181.

Ткаченко, Ю.Л., Керженцев, А.С. (2016), “России нужна экологизация, а не просто модернизация” [Russia needs greening, not just modernization], *Энергия, экономика, техника, экология*, № 1, РАН, Москва, Наука, URL <https://elibrary.ru/contents.asp?id=34235872>.

Тойнби, А.Дж. (2008), Постигание истории: избранное [A Study of History]; под ред. В.И. Уколовой, Д.Э. Харитоновича; пер. с англ. Е.Д. Жаркова. Москва: Айрис-Пресс.

Фергюсон, А. (2000), Опыт истории гражданского общества [An Essay on the History of Civil Society]; пер. с англ. И.И. Мюрберг; под ред. М.А. Абрамова, М.: РОССПЭН.

Шешнев, А.С. (2017), “Что такое антропоцен” [What is anthropocene], *Известия Саратовского Ун-та, Новая серия, «Науки о Земле»*, Том 17, Вып. 3.

Шпенглер, О. (1998), Закат Европы [The Decline of Europe] [Der Untergang des Abendlandes, вступ. ст., с. 3-35, Г.В. Драча]. Ростов-на-Дону: Феникс.

Ясперс, К. (2017), Введение в философию. Философская автобиография [Philosophie], [Einführung in die Philosophie, пер. с нем. А.К. Судакова]; Российская академия наук, Институт философии. Москва: Канон+.

Ясперс, К. (1994), Смысл и назначение истории. [The Origin and Goal of History].: [Сборник: Пер. с нем. Vom Ursprung und Ziel des Geschichte], [Вступ. ст. П.П. Гайденоко, с. 5-26; Комментар. В.Н. Катасонова], 2-е изд. М.: Республика.

DOI: 10.53658/RW2022-2-1(3)-53-69

УДК: 572.9, 008, 519.711.7, 330

Earthing, inspiration, humanity (certain trends of the evolution of civilizations in XXI century)

Larisa A. Kolesova

State Academic University for the Humanities (Moscow, Russia)

Abstract: This article is devoted to topical trends in the evolution of civilizations in XXI century. It is shown that the network processes of versatile and multi-layered anthropic exchange lay at the basis of the civilizations phenomenon which form both the world civilization and its local manifestations. It is also demonstrated that social cultural matrix (invariant, homeoresis), comprising in its turn several encoding layers and elements, is acting as the central factor in this process. Decoding of the encoding layers of different civilizational kernels allowed us to create a picture of the world evolutionary wave movement in XXI century, which is shown in the article. This article provides the viewing of anthropic vector of this wave, when we have the cyclical turn from the West to the North, with the regulating civilizational chain of the Middle. The data of these chart in combination with the other sections of the article may be useful in the research of the current Big anthropological transition in XX-XXI centuries.

Keywords: The network civilization, social and cultural matrix, the Great Anthropological Transition

About the author: Larisa A. KOLESOVA. Candidate of Philosophical Sciences. Associate Professor, State University of Humanities, ORCID: 0000-0001-6243-9818. Address: 26 Maronovsky Lane, Moscow, 119049, kolesovalarisa@gmail.com

References

- Berdyayev N.A. (1998) Dream and Reality [Samopoznanie] / N. Berdyayev. – M.: EKSMO-Press; Kharkiv: Folio, 1998. – 620 p.; 21 cm. – (Anthology of thought); ISBN 5-04-000471-0 (In Russian)
- Berdyayev N.A. (1989) The philosophy of freedom; The meaning of creativity [Filosofia svobody; Smysl tvorchestva] N. A. Berdyayev; [Introductory article, comp., podgot. text, note by L. V. Polyakov; Journal. «Vopr. of Philosophy», etc.]. – M.: Pravda, 1989. – 607 p., [1] L. portr.; 21 cm. – (From the history of the ed. philos. thoughts); ISBN (In translation). (In Russian)
- Berdyayev N.A. (1990) The Meaning of history [Smysl i naznachenie istorii] / Nikolai Berdyayev. – M.: Thought, 1990. – 173, [2] p.; 20 cm (In Russian)
- Berdyayev N.A. (2004) The meaning of creativity: [the experience of justifying a person] [Smysl tvorchestva], / Nikolai Berdyayev. – Moscow: AST Publishing House: Folio, 2004 (Samara: Samara House of Printing). – 678, [1] p.; 21 cm. – (Philosophy); ISBN 5-17-025517-9 (LLC «AST Publishing House»)(In Russian)
- Jaspers K. (1994) The meaning and purpose of history. [Smysl i naznachenie istorii].: [Collection: Trans. from it. Vom Ursprung und Ziel des Geschichte] / Karl Jaspers; [Introduction by P. P. Gaidenko, pp. 5-26; Comment by V. N. Katasonova]. – 2nd ed. – Moscow: Republic, 1994. – 527, [1] p.; 22 cm. – (Thinkers of the XX century); ISBN 5-250-02454-8 (In the lane): B. ts. (In Russian)
- Jaspers K. (2017) Introduction to Philosophy. Philosophical autobiography [Vvedeniye v filosofia. Filosofskaya avtobiografiya], [Text] / Karl Jaspers; [Einführung in die Philosophie, translated from German by A. K. Sudakov]; Russian Academy of Sciences, Institute of Philosophy. – Moscow: Canon+, 2017. – 303 p.; 21 cm.; ISBN 978-5-88373-061-9: 1000 copies. (In Russian)
- Danilevsky N.Ya. (1991) Russia and Europe; [Rossia i Evropa / N. Ya. Danilevsky; [Russia and Europe, Comp., afterword, comment by S. A. Vaigacheva]. – Moscow: Book, 1991. – 573, [1] p.; 21 cm. – (Ist.-lit. arch.); ISBN 5-212-00482-9 (In the lane): 5 p. (In Russian)
- Spengler O. (1998) The Decline of Europe [Zacat Evropy] [Text] / O. Spengler; [Der Untergang des Abendlandes, introductory article, pp. 3-35, G. V. Dracha]. – Rostov-on-Don: Phoenix, 1998. – 637 p.; 21 cm. – (Outstanding Thinkers: VM); ISBN 5-222-00249-7 (In Russian)
- Ferguson A. (2000) The Experience of the History of Civil Society [Opyt istorii grazhdanskogo obshestva] / A. Ferguson; Translated from English by I.I. Murberg; Edited by M.A. Abramov. – M.: ROSSPAN, 2000. – 389, [2] p.; 21 cm. – (University Library of Political Science). (In Russian)
- Budanov V.P. (2000) The Barbarian World of the epoch of the Great Migration of peoples [Varvarskiy mir epohi velicogo pereselenia narodov] / V. P. Budanov; [Russian. Academy of Sciences. In-t is universal. history]. – M.: Nauka, 2000. – 540, [3] p.: ill., maps.; 25 cm.; ISBN 5-02-008700-9 (In Russian)
- Budanov V.P. (2019) The Great Migration of Peoples. Historical experience of migrations of the transitional era. [Velicogo pereselenie narodov. Istoricheskiy opyt migratsii perehodnoy epohi] Bulletin of the Russian State University. The series «Literary studies. Linguistics. Culturology» 2019, No.2, part 2, pp.180-196. DOI: 10.28995/2686-7249-2-180-196 (In Russian)
- Kurbanov M.G. (2006) Barbarism in the grimaces of civilization. [Varvarstvo v grimasah civilizatsii] [Text] M. G. Kurbanov // Bulletin of the Russian philosophical society. M.: 2006, 2(38) (In Russian)
- Toynbee A. J. (2008) A study of history: favorites [Postizhenie istorii] / A. J. Toynbee; under the editorship of V. I. Ukolova, D. E. Kharitonovich; per. s angl. E. D. Zharkov. – Moscow: Iris-Press, 2008. – 521 p.: ill.; 21 cm. – (Library of History and Culture); ISBN 978-5-8112-3232-1 (In trans.) (In Russian)
- Malashenko A.V., Nisnevich Yu.A., Ryabov A.V. (2019) The formation of a post-industrial civilization: from digitalization to barbarism [Stanovlenie postindustrialnoy civilizatsii: ot civilizatsii do varvarstva] monograph / A.V. Malashenko, Yu. A. Nisnevich, A.V. Ryabov. – M.: Yurayt Publishing House, 2019. – 212 p. – (Current monographs). – ISBN 978-5-534-11581-9. – Text: electronic // Yurayt Educational Platform [website]. – URL: <https://urait.ru/bcode/445672> (accessed: 10.02.2022). (In Russian)
- Subetto A.I. (2009) Vladimir Romanovich Arsenyev – ethnographer, philosopher, futurist. A look through the prism of noospherism [Vladimir Romanovich Arsenyev – etnograf, filosof, futurolog. Vzgl'yad cherez prizmu noosferizma] // Scientific and theoretical journal «Society – environment – development». – 2009. – №1(10). – Pp.170 – 181. 170. UDC 929, BBK 63.5. (In Russian)
- Arsenyev V.R. (1991) Animals – gods – people. [Zveri, bogi, ludy] / V. R. Arsenyev. – M.: Politizdat, 1991. – 158, [2] p.: ill.; 17 cm. – (Conversations about the world and man); ISBN 5-250-01239-6: 70 K. (In Russian)
- Arsenyev V.R. (2006) A set of basic concepts of ethnosophy [Repertory of basic notices of ethnosophie] [L'ethnosophie le repertoire des notices principales]: manifestation N 7a, 2006 / V. R. Arsenyev; Theoretical and analytical society «Manifestation». – Moscow: European House, 2006. – 92, [1] p.: ill.; 17 cm.; ISBN 5-8015-0211-4 (In Russian)
- Kolesova L.A. (2019) Anthropology of the network. Problems and prospects. [Antropologia sety. Problemy i perspektivi]. 2017 D.I.Mendelev Institute of Socio-Economic Forecasting, URL: [http://mendelev-center.ru / Sections Geopolitics, Worldview. Published on 22.6.2019. \(In Russian\)](http://mendelev-center.ru / Sections Geopolitics, Worldview. Published on 22.6.2019. (In Russian))
- Kolesova L.A. (2021) Wandering waves of passionarity. [Blujdayshie volny passionarnosti] In 4 parts, 2021. D.I.Mendelev Institute of Socio-Economic Forecasting, URL: <http://mendelev-center.ru / Sections Worldview, Natural Sciences. Published 08.02.2021.>
- Kolesova L.A. (2020) Confessional invariant. [Confessionalny invariant] In 2 parts, 2020. D.I.Mendelev Institute of Socio-Economic Forecasting, URL: [http://mendelev-center.ru / Sections Geopolitics, Worldview. Published on 03/27/2020. \(In Russian\)](http://mendelev-center.ru / Sections Geopolitics, Worldview. Published on 03/27/2020. (In Russian))
- Kolesova L.A. (2013) Golden Utopia. [Zolotaya utopiya] [Text] / Larisa Kolesova. – Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 2013. – 605 p., [1] L. portr.: ill.; 22 cm.; ISBN 978-5-4469-0071-8 (In Russian)
- Oleskin A.V. (2012) Network Structures in biosystems and human society [Setevye struktury v biosistemakh i chelovecheskom obshestve]. [Text] / A.V. Oleskin; Moscow State University named after M. V. Lomonosov, Biological Faculty, Department of Ecology. – Moscow: URSS, cop. 2012. – 301 p.: ill.; 22 cm. – (Synergetics: from the past to the future / [pre-editorial prof. G. G. Malinetsky]; No. 65); ISBN 978-5-397-03388-6 (In Russian)
- Road map. Challenges of the next Decade (2021) [Dorojnaya carta. Vyzovy blyzajshego desyatiletya.2021]. Sretensky Club named after S.P.Kurdyumov and the Institute of Socio-Economic Forecasting named after D.I. Mendelev. D 69 Road map. The next decade / A.V.Shcherbakov, D.Y.Zolotarev, L.A.Kolesova, V.G.Budanov, etc.; edited by A.V. Shcherbakov; D.I. Mendelev Institute of Socio-Economic Forecasting, Sretensky Club named after S.P. Kurdyumov. – M.: Gryphon, 2021. – 104 p. ISBN 978-5-98862-645-9, UDC 008.2(470+571) BBK 63.3(2Ros)64-2 (In Russian)
- A new social contract (2021). [Novy obshestvenny dogovor. 2021] Sretensky Club named after S.P.Kurdyumov, M., 2020 UDC 321.011.5+342(47+57) BBK 66.3(2Ros)6+67.400(2Ros) N 76 New social contract / Institute of Socio-Economic Forecasting named after D.I. Mendelev, Sretensky Club named after S.P. Kurdyumov; edited by A.V. Shcherbakov, L.A. Kolesova, V.G. Budanov. – M.: Gryphon, 2020. – 56 p. ISBN 978-5-98862-568-1 (In Russian)
- Socio-Economic Bulletin (2021). [Socio-ekonomicheskiy bulletin] 2021. Sretensky Club named after S.P.Kurdyumov and the Institute of Socio-Economic Forecasting named after D.I.Mendelev. M., 2021 UDC 338.27(47+57):008.2 BBK 60.5(2Ros)+65.9(2Ros) With 69, A.V. Shcherbakov (Chief Editor), V.G. Budanov, L.A. Kolesova, A.S. Shokhov, D.Y. Zolotarev, A.V. Oleskin, V.S. Kurdyumov, N.Y. Lobachev; under edited by A.V. Shcherbakov. – M.: Gryphon, 2022. – 104 p. ISBN 978-5-98862-675-6 (In Russian)
- Nietzsche F. (2015) On the Genealogy of Morality. [Genealogy of Morality] In Works in 2t./Friedrich Nietzsche, [Zur Genealogie der Moral: Eine Streitschrift] trans. from German V.A.Weinstock, edited by V.V.Bitner, St. Petersburg, ABC, Abc Atticus, 2015, 224c. (In Russian)
- Sheshnev A.S. (2017) What is the Anthropocene. [Chto tacoe antropocen] Izvestia of Saratov University, New series, «Earth Sciences», 2017, vol.17, issue 3. UDK551.79.551.89, DOI:10.18500/1819-7663-2017-17-3-200-2006. (In Russian)
- Gumilev L.N. (2006) Ethnogenesis and the biosphere of the Earth. [Ethnogenes i biosfera Zemly]: [scientific and popular ed.] / L. N. Gumilev. – M.: AST: Astrel, 2006 (Tver. polygr. comb. det. lit.). – 510, [1] p.: ill., tsv. il., tsv. maps.; 27 cm.; ISBN 5-17-031811-1 (LLC «AST Publishing House»)(In Russian)
- Gumilev L.N. (1993) Rhythms of Eurasia. Epochs and civilizations. [Rhythmy Eurasia epochy i civilizatsii]. / L. N. Gumilev; [Foreword by S. B. Lavrov]. – M.: Progress: Pangea Firm, 1993. – 575, [1] S.: ill., maps.; 22 cm.; ISBN 5-88621-004-0 (In the lane): B. ts. (In Russian)
- Kolesova L.A. (2020) Agonal times.[Agonalnye vremena] URL: <https://spkurdyumov.ru/networks/agonalnye-vremena/> Published on 03.07.2020, In the category Networks, cognitive science, complexity management. (In Russian)
- Tkachenko Y.L., Kerzhentsev A.S. (2016) Russia needs greening, not just modernization [Russia nygna ekologizatsia, a ne prosto modernizatsia]. Energy, Economics, Technology, Ecology, 1, 2016, Academic Scientific Publishing, Production, Printing and Book Distribution Center of the Russian Academy of Sciences «Publishing House «Nauka», RAS, Moscow, 2016. eLibrary ID: 34235872 URL <https://elibrary.ru/contents.asp?id=34235872>(In Russian)

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

«...сотрудничество Исламской Республики Иран, Азербайджанской Республики и Российской Федерации на международном транзитном маршруте “Север – Юг” путем облегчения перевозок улучшит уровень отношений между всеми странами вдоль ее маршрута, уменьшая региональные угрозы и повышая экономические интересы Ирана в регионе».

Элахе Кулайи, Абед Норузи

Сотрудничество Исламской Республики Иран, России и Азербайджанской Республики в транзите Север – Юг и его влияние на региональную безопасность

«Обобщение результатов исследований показывает наличие внешних и внутренних факторов, влияющих на развитие китайской цивилизации. В группе внешних факторов особенно выделяется влияние западных ценностей и их синтез с традициями китайской цивилизации. Среди внутренних факторов особое место занимают исследования роли локальных цивилизаций, которые выполняют консервативную роль и позволяют воспроизводить традиционные ценности. К внутренним факторам относят и передачу базового принципа китайской цивилизации – “гармония и согласие”».

Комлева В.В.

Китайская цивилизация: факторы динамики

«...перед политическим руководством Республики Южная Осетия стояла нетривиальная, довольно сложная задача – сконструировать модель, способную нейтрализовать политику по формированию негативного образа Южной Осетии и противопоставить ей с помощью конвенциональной модели взаимодействия новую политическую реальность».

«Благодаря действиям ведущих политических акторов модель взаимодействия власти и общества, выработанная в Южной Осетии, стала общекультурным национальным феноменом».

Атаев А.В.

Конвенциональная модель взаимодействия власти и общества в Республике Южная Осетия

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

DOI: 10.53658/RW2022-2-1(3)-72-83

Cooperation of I. R. of Iran, Russia and the Republic of Azerbaijan in the North-south transition and its impact on regional security

Elaheh Koolaee

University of Tehran (Tehran, Iran)

Abed Norouzi

University of Tehran (Tehran, Iran)

Abstract. The great economic plans of the Central Eurasian region are rooted in the great games of gaining power and obtaining a special and stable position in international system. The North-South Corridor is an economic project designed to facilitate transportation and increase global trade. The question of the authors is that what effect does the cooperation of Islamic Republic of Iran, the Republic of Azerbaijan and the Russian Federation have on the security of the region? Their main hypothesis is that the cooperation of the Islamic Republic of Iran, the Republic of Azerbaijan and the Russian Federation in the North-South international transit route by facilitating transportation will improve the level of relations between all countries along its route reducing regional threats and increasing I. R. of Iran's economic interests in the region.

Keywords: North-South Corridor, I. R. of Iran, Republic of Azerbaijan, Russia, Trade, Transportation, Regional Security

About the authors:

Elaheh Koolaee, Professor of Regional Studies, ORCID: 0000-0001-9655-0995, Director of Center for Central Eurasia Studies, address: Faculty of Law and Political Science.

Abed Norouzi, PhD, Regional Studies, University of Tehran, Enghelab Ave. Tehran, Iran. ekolaee@ut.ac.ir

Introduction

Prior to the current effort to establish a north-south international corridor, this route existed in a different way during the Soviet era. The Nagorno-Karabakh war in the last decades of the twentieth century changed the geo-economy of the South Caucasus and weakened I. R. of I. R. of Iran's infrastructural ties with the South Caucasus republics and Russia. Changes in the international system such as accelerating the process of globalization, increasing global trade, the end of the cold war and the decline of economic cooperation between the powers of global capitalism and foreign direct investment by multinational corporations made the field of study of international political economy important. From

this point of view, political phenomena have economic roots and economic developments arise from the role of national governments as the main actors in the international system. Given the factors threatening I. R. of I. R. of Iran's national security in the South Caucasus the question arises that what effect does the cooperation of I. R. of Iran, the Republic of Azerbaijan and the Russian Federation on the north-south corridor have on the national security of the Islamic Republic of Iran? According to the authors, cooperation between the I. R. of Iran, the Republic of Azerbaijan and the Russian Federation in the western part of the North-South International Corridor to facilitate transportation will improve I. R. of Iran's relations with the South Caucasus and Russia, reduce regional threats and increase the interests of all countries. Extensive rivalries between economic and political powers in the former Soviet Union and the atmosphere in the relations between these countries and I. R. of Iran caused the authors used a realistic approach to explain cooperation between I. R. of Iran, the Russian Federation and the Republic of Azerbaijan in the north-south corridor and regional security.

Materials and methods

Recent developments in Central Eurasia and its periphery has created a possibility of making distance with Liberal assumptions. Many usual theories like Federalism, Functionalism and new functionalism can not explain the causes of recent developments in this region. On the other side economic issues of the region have direct connection with internal politics of these states. It is necessary to consider power relations between national states, national interest, the principle of survival and in general, main assumptions of realism, to understand I. R. of I. R. of Iran's relations with these countries. Extensive rivalry of different regional and trans regional states in the former republics of the Soviet Union and the dominant sphere of Iran's relations with the Eurasia countries, lead the authors to use realist approach for explanation of I. R. of Iran-Russia Federation and the Republic of Azerbaijan's cooperation in the North- South international Corridor.

Gilpin's work reflects his attention to the role of power and the management of power by the state (Griffiths 2001, p. 12). In Gilpin's realist approach, issues of international relations are examined in a non-ideological way and a combination of state-centered realists such as Morgenthau and structuralist ideas such as Waltz is used to analyze the behavior of states (Gilpin 2000, p. 28-32). Governments are the most important, key and influential global players in politics and economics. National security is the main motive and basis of the behavior of international actors. Accordingly, governments seek to use the economy to increase their power. Politics, therefore, regulates the economic behavior of governments. Economic analysis is inseparable from political analysis of phenomena in international relations. According to Gilpin, realists pay attention to the relationship between international politics, international economics and the economic dimensions of governance (Gilpin 1984, p. 293).

Results

1. North-South International Transportation Corridor

Transportation corridors beyond transportation infrastructure make trade between countries, provinces and regions more competitive by refining transportation and logistics services (Islamic Development Bank 2011, p. 4). Reducing costs and time will increase business profits and make imports and exports more efficient. On the other hand, bilateral, trilateral and multilateral agreements between countries and other technologies to facilitate trade require a reduction in costs and time provided by international corridors (Islamic Development Bank 2011, p. 5). Thus, international transport corridors can increase a country's competitive advantage.

The North-South Corridor provides direct access to Central Asia and Central Eurasia for India. At the same time, it allows I. R. of Iran and the Republic of Azerbaijan to become the transportation hubs of the region. Forecasts show that by 2030, Asia's consumption rate will increase, in which case the importance of such infrastructure will increase (Passi 2017, p. 4). The North-South Corridor has become the fastest transit route between Mumbai and St. Petersburg. The route could reduce the existing sea route through the Suez Canal from 16,000 to 7,200 km and reduce travel time between South Asia and Northern Europe from 60 to 30 days. This crossing can be the north-south counterpart for the East-West Silk Road crossing (Moshashai 2019). This corridor has various goals that can be increased to expand the effectiveness of transport relations, increase access to international markets through various routes in the member countries of the Agreement; helping to increase the volume of international transport, ensuring travel security, safety of goods in accordance with international standards, harmonizing transport policies and creating equal and non-discriminatory conditions for all types of transport service providers from all sides in the transport of passengers and goods within the framework North-South Transport Corridor (Singh & Sharma 2017). The north-south corridor has different east and west routes. The eastern route of this corridor was built according to the Ashgabat agreement (Iran-Turkmenistan-Kazakhstan 2014). Cooperation between I. R. of Iran, Russia and the Republic of Azerbaijan is reflected in the western route of this corridor.

2. Relations between I. R. of Iran and the Russian Federation

In the past, I. R. of Iran-Russia relations were more political and military and economic-political elements were less prominent. During the Cold War and the rivalry of the superpowers, I. R. of Iran was the scene of confrontation between these powers and influence in such a way that each tried to make the most of its relationship with Iran and weaken the other side's position. Stalin's presidency over the Soviet Communist Party can be considered the culmination of this conflict between the two blocs (Sakwa 1980, p. 280. (From the late 1960s, with the establishment of a regular shipping line, Soviet ships transported Iranian goods from Iranian ports to Baku and European countries (Koolae

2011, p. 115). Therefore, Moscow is discussing various issues and important foreign policy topics with Tehran. In addition, I. R. of Iran did not take radical action in the region after the collapse of the Soviet Union, which was an important factor in Russia's tendency to cooperate with Iran (Kozhanov 2015, p. 8). The North-South corridor came to the fore as Putin introduced the idea of a large, normative modern power as the main idea of Russian foreign policy. In line with this policy, bilateral cooperation with I. R. of Iran and positive interaction with the west began simultaneously. In mid-2012, Russia became concerned about its position in Western Asia following the Arab uprisings. For this reason, I. R. of Iran was considered an important base in the region. The signing of the joint comprehensive plan of action (JCPOA) then the coming to power of Donald Trump and the withdrawal of the United States from it, the widespread sanctions against I. R. of Iran and the whispers about the expansion of comprehensive relations between Russia and the United States shaped Iran-Russia relations during Putin's fourth term. It should be noted that the prospect of any warm relations between Russia and the United States encourages Russia to renounce its ties with Iran especially in the military field. Russia's trade with I. R. of Iran in recent decades and its view of the Middle East has provided much to Russia. In the context of Russia's view of the West and Medvedev's "reset policy", the relationship with I. R. of Iran was used for diplomatic bargaining (Kozhanov 2020, p. 14). After the war in Syria, there were signs of divergence in I. R. of Iran-Russia relations as the two countries have different interests and goals in West Asia. In 2016, Russia sought to involve I. R. of Iran in the process of regional and global integration. In 2015, President Rouhani was invited by Russia to attend the BRICS summit in Ufa. Russia's goal of inviting I. R. of Iran to the non-Western union which is made up of emerging economies was higher than economic goals. This action is more relevant than anything else to Russia's behavior in countering US unilateralism (Suchkov & Vasilenko 2019, p. 77). During Putin's presidency, Russia has always sought to pit I. R. of Iran against US policies as a regional power in a concert of countries alongside it.

The culmination of I. R. of Iran-Russia cooperation in Southwest Asia can be traced to the post-Arab spring crisis in Syria in 2012, followed by intelligence, strategic, technical and operational cooperation between the two countries to help contain the crisis in Syria. The importance of Syria for the two countries made cooperation possible in this regard (Koolae 2018, p. 4). Overall, the Ukraine crisis, Russian sanctions, I. R. of Iran's nuclear talks and Russia's military incursion into Syria have increased its focus on I. R. of Iran's role in the Middle East.

Sanctions on I. R. of Iran and Russia have made the two countries interested in expanding trade ties between themselves. In this regard, Russia is trying to establish agreements between the Eurasian Economic Union and I. R. of Iran on the establishment of free trade zones. Sanctions and economic ties between I. R. of Iran and Russia especially in the form of the Eurasian Economic Union have established cordial relations between the two countries. According to President Rouhani, the relationship between the two countries is unprecedented in 500 years (Islamian 2019). I. R. of Iran can rely on Putin's Eurasianist approach and improve relations with the Middle East relying on its geo-strategic superiority and the shift in Moscow's policy toward itself in recent years to take advantage of its

competitive advantage in transportation and trade to become an effective player in Eurasia with the west and South Asia. Therefore, increasing the activity in the form of the Eurasian Union is very effective. Since the integration of the transportation and support sectors is an important prerequisite for the formation of a modern model of business interaction and is very effective in creating a coherent supply chain management, this union seeks to expand the transport infrastructure (Almetova et al 2019, p. 3). The free trade agreement between the Eurasian Economic Union and I. R. of Iran shows the importance of this country for Russia. Since the start of this cooperation in October 2019, I. R. of Iran's non-oil trade with EU member states has increased which can create a window of hope for I. R. of Iran in the face of US economic sanctions (Grajewski 2020, p. 33). Given the union's significant market for I. R. of Iran and South Asian countries, especially India, there is a good opportunity for I. R. of Iran to become one of the most important routes for the transfer of goods and services between this union and the South Asian region through the North-South corridor.

Like political relations, I. R. of Iran- Russia economic relations is under the influence of Russia's regional and international goals. I. R. of Iran's economic problems, especially the impacts of sanctions, and Russia- I. R. of Iran rivalry in the field of energy transition from the Caspian region, Kosovo crisis and Chechnia War had negative impact on their economic relations (Koolae, Abedi 2017, p. 144-143). Russia's Putin has tried to make balance between Internal necessities and regional and international condition (Koolae, Nori, 2007, p. 39). However, these relations have gradually expanded from the second term of Putin's presidency, especially after signing the long term agreement for collaboration between the two countries and close contacts of the Federal Office of Standardization of Russian Federation and I. R. of Iran

(Koolae, Abedi 2017, p. 150). They signed an agreement for expanding bilateral tourism activities.

3. Relations between the Islamic Republic of I. R. of Iran and the Republic of Azerbaijan

The I. R. of Iran-Russian Federation-Republic of Azerbaijan Triangle will include extensive economic and communication cooperation for the three countries which according to I. R. of Iran sanctions, the relationship between the three countries can be reflected (Bayramov, Alili 2018, p. 5). Cultural and religious ties are one of the most important indicators of the closeness of the two countries (Davoodi 2016, p. 261). The divergence components of the two countries are the product of the rivalries of the great powers in the geopolitics of the region and the historical-cultural memory of the two countries which emphasizes the need for technical and economic cooperation between the two countries. The North-South Corridor is an example of technical-economic cooperation that can increase convergence between the two countries.

The Baku government joined the process in 2005 with the aim of increasing its strategic importance and power in the South Caucasus. The North-South Corridor helps to improve the relations of the Republic of Azerbaijan with I. R. of and Russia. In 2016,

following the lifting of sanctions, the Republic of Azerbaijan changed its policies towards I. R. of Iran (Katzman 2021, p. 40). A trilateral meeting of I. R. of Iran, Russia and the Republic of Azerbaijan on infrastructure and transportation via the Republic of Azerbaijan was held. The establishment of the western part of the North-South corridor on the safe borders of the I. R. of Iran creates a suitable trade route for the international relations of the Republic of Azerbaijan with the Persian Gulf region (Hodaei 2019). Russia and the Republic of Azerbaijan can gain economic benefits from the transfer of 15 to 20 million tons of goods in this strategic path (Valiyev, Mamishova 2019, p. 13).

With the collapse of the Soviet Union and the growing crisis between the Republic of Azerbaijan and Armenia over the Nagorno-Karabakh region, the connection between I. R. of Iran and this region was cut off in practice by the national railway, so not only were trade ties severed, rather, it took on a domino effect of insecurity and rivalry between the great powers throughout the South Caucasus. The Nagorno-Karabakh war transformed the geopolitical region of the South Caucasus and created opportunities and impasse for the region's neighbors. The intensity of the war in 2020 and Russia's fear of disrupting regional order and Turkey's intervention to advance the outcome of the ceasefire in its favor created a new situation for the region's geopolitics. According to the ninth clause of the ceasefire agreement between the Republic of Azerbaijan and Armenia, a passage must be created for Azeris to communicate with Nakhchivan. But the conditions of the regions that have been under Armenian rule for thirty years do not make the new route very favorable for the Azeris (Amirahmadian 2020, p. 29).

Against all the potentials and sources of expansion of I. R. of Iran and the Republic of Azerbaijan, they have not experienced acceptable situation. Westernist tendencies in Baku and the desire of its leaders to expand relations with western countries, has limited the room in this regard. With respect to the quality of goods, which exchanged between the two countries, the North- South international Corridor can make more appropriate condition to accelerate the pace of their economic cooperation. Both of these countries are among the member states of Economic Cooperation Organization (ECO).

4. Political and Economic Aspects of I. R. of Iran's National Security in the South Caucasus

Today, security has taken on a more civilian meaning and most governments seek it in economic-commercial development rather than militarization. Access to primary resources and markets necessary to maintain acceptable levels of welfare and government power has been introduced as economic security (Buzan 2017, p. 34). Some of the security threats in the region include arms smuggling, extremism and terrorism, the activities of spy groups and the presence and influence of regional and supra-regional powers in the Caucasus.

In addition to the cooperation of regional governments to reduce these threats, the North-South corridor is important in terms of facilitating economic-political cooperation between Iran and Central Eurasian countries. I. R. of Iran's presence in the Eurasian

Economic Union, reducing I. R. of Iran's political isolation, increasing regional talks, resolving I. R. of Iran's dispute with other Caspian littoral states over its share, the agreement of the members of Shanghai Cooperation Organization (SCO) especially Russia with I. R. of Iran's permanent membership in this organization and Russia's agreement with I. R. of Iran's extensive relations with the countries of Central Asia and the South Caucasus are important issues. Facilitating transportation between I. R. of Iran and the region can help increase trade ties.

5. The study of the authors showed that important economic and legal factors in the economic security of the region namely

The study of the authors showed that important economic and legal factors in the economic security of the region namely: Increasing free trade (16%), improving the customs situation (15%), increasing the share of non-oil trade (15%), bringing trade laws in line with international standards (15%), improving the evaluation of international institutions and organizations (14%), increasing access to Facilities (13%), and security of basic goods (12%). Increasing free trade, will have the greatest impact on regional economic security. It can be concluded that cooperation in creating a north-south corridor with economic opening for I. R. of Iran also affects security and political aspects in the region such as reducing terrorism and extremism. Participation and cooperation in regional economic organizations are also influential in the field of political relations.

The new political economy pays particular attention to the efforts of private groups to exploit public facilities for personal gain. In international political economy, the study of international political economy requires an analytical approach that simultaneously considers economics, politics and other social sciences. Given the impact of economic factors on I. R. of Iran's cooperation to complete the North-South corridor, it is clear that the cooperation of the I. R. of Iran, the Russian Federation and the Republic of Azerbaijan in completing the North-South corridor by facilitating trade in the region has increased trade and economic mobility in the region and the transition of this economic and trade dynamics from the geographical direction of the region has economic and political effects on regional security. Its first effect is to increase free trade and trade infrastructure in the region and encourage the private sector to be more dynamic in the economic activities. These factors will increase trade and economic relations in the region and will reduce some security threats in the region, especially terrorism and extremism.

Conclusion

Cooperation between I. R. of Iran, the Russian Federation and the Republic of Azerbaijan in completing the North-South Corridor can lead to greater economic and political cooperation between them. Facilitating trade through transportation infrastructure makes sense. This roadmap requires the political will of the member states to complete. That is, it

requires stable economic and political relations of the member states. Measures such as I. R. of Iran's membership in the Eurasian Union, the desire of the Republic of Azerbaijan to become a regional transportation hub and Russia's attention to I. R. of Iran's geopolitics can increase the will to complete the missing links in this passage. Given the current needs of international trade, competitive advantage and the basis of competition between national governments in the global economy are important. As Gilpin writes, the internal situation of countries in their type of activity, in particular, affects their competitive advantage. Our competitive advantage is reflected in the domestic economic situation and the infrastructure of the freight route. What has been said about the advantages of the north-south corridor largely demonstrates its competitive advantage over other routes. I. R. of Iran's security and political stability is another advantage that this passage has over other land routes for the transfer of goods. Given the competition between I. R. of Iran and Russia in energy trade, the North-South corridor to have the necessary competitive advantage, requires strong political leverage based on I. R. of Iran's economy and cooperative actions with Eurasian countries.

The impact of economic factors such as free trade, customs status and security of basic goods is greater than political factors of security such as terrorism, extremism and the presence of major powers. Therefore, the north-south corridor in the cooperation phase and also after the full commissioning, while affecting economic factors such as increasing trade, will also indirectly affect political factors. By facilitating trade and increasing I. R. of Iran's access to world trade, this cooperation in addition to increasing the role of the private sector in free trade can also affect the elimination of regional threats and increase political exchanges between the countries of this region. Increasing trade can improve economic-political relations and in turn expand political-economic relations of entities like the Eurasian Economic Union to countries in the region such as I. R. of Iran. I. R. of Iran's presence in regional arrangements is an important step in reducing its isolation. This will be an important factor in creating the right conditions and being in a larger global trade environment.

References

- Almetova, V. et al. (2019, July), "The Integrative Process of Transport Systems of the Eurasian Economic Union," IOP Conference Series Earth and Environmental Science. DOI: 10.1088/1755-1315/272/2/022234.
- Amirahmadian, B. (2020, December), "The Armenia-Nakhchivan corridor will never be created", bandarvadarya, No. 37-36, available at: <<https://www.pmo.ir/fa/news/52671>> (in Persian)
- Bayramov, V and Alili, A. (2018, May), «Joint Comprehensive Plan of Action, Trump, Iran and Azerbaijan: How to be a Good Neighbour in a Turbulent Geopolitical Context?» think-asia.org (CESD Paper). Baku: Center for Economic & Social Development. Available at: <https://think-asia.org/bitstream/handle/11540/10237/CESD-Paper-JCPA-Iran-Azerbaijan.pdf?sequence=1> (Accessed 2 June 2020).
- Buzan, B. (2017), People, states and fear: an agenda for international security studies, Tehran: Research Institute of Strategic Studies.
- Davoodi, T. (2016), "Political and Cultural Relations between Iran and Azerbaijan: A Review," International Journal of Humanities and Cultural Studies 1, 1: 1997-2004.
- Gilpin, R.G. (1984), "The Richness of the Tradition of Political Realism," International Organization 38, 2: 287-304.

- Gilpin, R.G. (2000), *The Challenge of Global Capitalism*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Griffiths, M. (1999), *Fifty Key Thinkers in International Relations*. New York: Routledge.
- Hodaei, A. (2019), "Iran and Azerbaijan strengthen ties for first time in more than 40 years," TRT World. Available at: <https://www.trtworld.com/opinion/iran-and-azerbaijan-strengthen-ties-for-first-time-in-more-than-40-years-23530> (Accessed 5 May 2020).
- "Iran Turkmenistan-Kazakhstan Rail Link Inaugurated," (2014, December 4) Railway Gazette International. Available at: <https://www.railwaygazette.com/asia/iran-turkmenistan-kazakhstan-rail-link-inaugurated/40284> (Accessed 20 March 2020).
- Islamian, K. (2019, November), "The Russia-Iran Relationship in a Sanctions Era," ui.se (Russia and Eurasia Program, Swedish Institute of International Affairs). Available at: <https://www.ui.se/utrikesmagasinet/analyser/2019/november/the-russia-iran-relationship-in-a-sanction-era> (Accessed 5 May 2020).
- Islamic Development Bank. (2011, September), *A Study of International Transport Corridors in OIC Member Countries*, P Global Global Advisory and Training Services. Available at: <http://www.comcec.org/wp-content/uploads/2015/02/IDB-TransportCorridors-Study.pdf> (Accessed 4 May 2020).
- Karami, J., Rasoulnezhad, E. and Shokri, S. (2019), "Discussion on Russia-Iran Bilateral Trade in the Modern Era with emphasis on Russia's Economy," *Journal of World Sociopolitical Studies*, Vol. 3, No. 1, pp. 161-198.
- Katzman, K. (2021), "Iran's Foreign and Defense Policies," Congressional Research Service (CRS) Report R44017. Available at: <https://fas.org/srg/crs/mideast/R44017.pdf> (Accessed 5 May 2020).
- Koolae, E. (2018, September), "Geopolitical Necessities of Expanding Iran-Russia Relations," in *Iran and Russia after the U.S. Withdrawal from the JCPOA: Opportunities and Obstacles to Cooperation*, IRS Papers #2/97. The Institute for Regional Studies (IRS), Shahid Beheshti University. Available at: <https://www.hse.ru/data/2018/10/18/1156416306/H%20Print%20%20Executive%20Summery%20IRS%20%20HSE%20September%202018.pdf> (Accessed 12 May 2020).
- Koolae, E. (2011), *Soviet Union and the Islamic Revolution of Iran*, Tehran: Nashr Elm. (in Persian)
- Koolae, E. and Abedi, A. (2017), "The Ups and Downs of Iran-Russia Relations 1990-2016". *Resaerch Letter of International Relations*, V10, N40, pp135-164. (in Persian)
- Koolae, E. and Nori, A. (2007), "Changes in Russian Foreign Policy under Putin", *Politics*, Vol. 2, No. 3, pp. 23-56. (in Persian)
- Kozhanov, N. (2015, May), "Understanding the Revitalization of Russian-Iranian Relations," carnegieendowment.org (Carnegie Moscow Center). Available at: https://carnegieendowment.org/files/CP_Kozhanov_web_Eng.pdf (Accessed 20 June 2020).
- Kozhanov, Nikolay. (2020, April), "Russia: Iran's Ambivalent Partner," in Azadeh Zamirirad, ed. *Forced to Go East? Iran's Foreign Policy Outlook and the Role of Russia, China and India*. Stiftung Wissenschaft und Politik (SWP) Working Papers, German Institute for International and Security Affairs. Available at: https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/arbeitspapiere/Working_Paper_FG06_01-2020_Fforced_to_Go_East_Zamirirad.pdf (Accessed 19 December 2020).
- Moshashai, D. (2019, August 2), "The INSTC, Transregional Connectivity and Geopolitics," castlereagh.net. Available at: <https://castlereagh.net/the-instc-transregional-connectivity-and-geopolitics> (Accessed 21 February 2020).
- Passi, R. (2017, April), "Money matters: Discussing the economics of the INSTC," *Observer Research Foundation (Orf) Occasional Paper 112*. Available at: https://www.orfonline.org/wp-content/uploads/2017/04/OccasionalPaper_112_INSTC_Final.pdf (4 July 2020).
- Sakwa, R. (1980), *Soviet Politics*. London: Routledge.
- Singh, S.P. and Sharma, M. (2017), "INSTC: India-Russia's Trade to Get a Major Boost," russiancouncil.ru (Russian International Affairs Council). Available at: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/instc-india-russia-s-trade-to-get-a-major-boost> (Accessed 20 March 2020).
- Suchkov, M.A. and Vasilenko, P.I. (2019, November), "The Pendulum of Russian-Iranian Relations: From Common Goals to Divergent Interests," in Annalisa Perteghella, ed. *Iran Looking East: An Alternative to the EU*. Milano, Italy: ISPI. Available at: https://www.ispionline.it/sites/default/files/pubblicazioni/ispi_iran_looking_web.pdf (Accessed 4 April 2020).
- Valiyev, A. and Mamishova, N. (2019), "Azerbaijan's Foreign Policy towards Russia Since Independence: Compromise Achieved," *Southeast European and Black Sea Studies* 19, 2: 269-291. DOI: 10.1080/14683857.2019.1578053.

DOI: 10.53658/RW2022-2-1(3)-72-83

Сотрудничество Исламской Республики Иран, России и Азербайджанской Республики в транзите Север-Юг и его влияние на региональную безопасность

Элахе Кулайи

Тегеранский университет (Тегеран, Иран)

Абед Норузи

Тегеранский университет (Тегеран, Иран)

Аннотация. Великие экономические планы Центрально-Евразийского региона уходят своими корнями в грандиозные игры по завоеванию власти и обретению особого и стабильного положения в международной системе. Коридор Север-Юг – это экономический проект, призванный облегчить транспортную систему и расширить мировую торговлю. Вопрос, затронутый авторами, заключается в том, как сказывается влияние сотрудничества Исламской Республики Иран, Азербайджанской Республики и Российской Федерации на безопасность региона? Их основная гипотеза предполагает, что сотрудничество Исламской Республики Иран, Азербайджанской Республики и Российской Федерации в международном транзитном маршруте Север-Юг при упрощении системы перевозок послужит улучшению статуса отношений между всеми странами вдоль данного маршрута, снизит региональные угрозы и повысит уровень экономических интересов Ирана в регионе.

Ключевые слова: коридор Север-Юг, И. Р. Иран, Азербайджанская Республика, Россия, торговля, транспорт, региональная безопасность

Об авторах:

Элахе КУЛАЙИ, профессор региональных исследований, ORCID: 0000-0001-9655-0995, директор Центра исследований Центральной Евразии, адрес: Факультет права и политологии,

Абед НОРУЗИ, доцент, регионоведение, Тегеранский университет, пр. Энглеаб. Тегеран, Иран, ekolaee@ut.ac.ir.

Источники

- Альметова В. и др. (2019, июль), «Интеграционный процесс транспортных систем Евразийского экономического союза», Серия конференций IOP Earth and Environmental Science. DOI: 10.1088/1755-1315/272/2/022234
- Байрамов В. и Алили А. (2018, май), «Совместный всеобъемлющий план действий Трампа, Ирана и Азербайджана: как быть добрым соседом в турбулентном геополитическом контексте?» think-asia.org (CESD Paper). Баку: Центр экономического и социального развития. Адрес: <https://think-asia.org/bitstream/handle/11540/10237/CESD-Paper-JCPA-Iran-Azerbaijan.pdf?sequence=1> (Дата обращения 2 июня 2020 года).
- Давуди Т. (2016), «Политические и культурные отношения между Ираном и Азербайджаном: обзор», Международный журнал гуманитарных и культурных исследований 1, 1: 1997-2004.
- Гилпин, Р. Г. (1984), «Богатство традиции политического реализма», International Organization 38, 2: 287-304.
- Гилпин, Р. Г. (2000), Вызов глобального капитализма. Принстон, Нью-Джерси: Издательство Принстонского университета.
- Гриффитс М. (1999), Пятьдесят ключевых мыслителей в международных отношениях. Нью-Йорк: Рутледж.
- Ходаи А. (2019), «Иран и Азербайджан укрепляют связи впервые за более чем 40 лет», TRT World. Адрес: <https://www.trtworld.com/opinion/iran-and-azerbaijan-strengthen-ties-for-first-time-in-more-than-40-years-23530> (Дата обращения: 5 мая 2020 года).
- «Открыто железнодорожное сообщение Иран, Туркменистан, Казахстан» (2014, 4 декабря) Railway Gazette International. Адрес: <https://www.railwaygazette.com/asia/iran-turkmenistan-kazakhstan-rail-link-inaugurated/40284> (Дата обращения 20 марта 2020 года).
- Исламьян К. (2019, ноябрь), «Российско-иранские отношения в эпоху санкций», (Программа «Россия и Евразия» Шведского института международных отношений). Адрес: <https://www.ui.se/utrikesmagasinet/analyser/2019/november/the-russia-iran-relationship-in-a-sanction-era> (Дата обращения: 5 мая 2020 года).
- Исламский банк развития. (2011, сентябрь), Исследование международных транспортных коридоров в странах-членах ОИК, Глобальные консультационные и учебные услуги. Адрес: <http://www.comcec.org/wp-content/uploads/2015/02/IDB-TransportCorridors-Study.pdf> (Дата обращения: 4 мая 2020 года).
- Кацман, К. (2021), «Иранская международная и оборонная политика», Служба Исследований Конгресса (CRS) Отчет R44017. Адрес: <https://fas.org/sgp/crs/mideast/R44017.pdf> (Дата обращения: 5 мая 2020 года).
- Кулай, Е. (2018, сентябрь), «Геополитические потребности расширения ирано-российских отношений» в Иране и России после выхода США из JCPOA; Возможности и препятствия для сотрудничества, IRS Papers #2/97. Институт региональных исследований (IRS) Университета Шахида Бехешти. Адрес: <https://www.hse.ru/data/2018/10/18/1156416306/H%20Print%20%20Executive%20Summery%20IRS%20%20HSE%20September%202018.pdf> (Дата обращения 12 мая 2020 года).
- Кожанов Н. (2015, май), «Понимание активизации российско-иранских отношений», carnegieendowment.org (Московский центр Карнеги). https://carnegieendowment.org/files/CP_Kozhanov_web_Eng.pdf (Дата обращения 20 июня 2020 года).
- Кожанов Н. (2020, апрель), «Россия: амбивалентный партнер Ирана», в книге Азаде Замирирад, ред. Перспективы внешней политики Ирана и роль России, Китая и Индии. Рабочие документы Stiftung Wissenschaft und Politik (SWP), Немецкий институт международных отношений и безопасности. Адрес: https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/arbeitspapiere/Working_Paper_FG06_01-2020_Forcet_to_Go_East_Zamirirad.pdf (Дата обращения 19 декабря 2020 года).
- Мошашай Д. (2019, 2 августа), «INSTC, трансрегиональные связи и геополитика», castlereagh.net. Адрес: <https://castlereagh.net/the-instc-transregional-connectivity-and-geopolitics> (Дата обращения 21 февраля 2020 года).
- Пасси, Р. (2017, апрель), «Значение денег: Обсуждения экономики INSTC», Observer Research Foundation (Orf) Нерегулярный документ 112. Адрес: https://www.orfonline.org/wp-content/uploads/2017/04/OccasionalPaper_112_INSTC_Final.pdf (4 июля 2020 года).
- Саква Р. (1980), Советская политика. Лондон: Рутледж.
- Сингх, С. П. и Шарма, М. (2017), «INSTC: торговля Индии и России получит серьезный импульс». russiancouncil.ru (Российский совет по международным делам). Адрес: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/instc-india-russia-s-trade-to-get-a-major-boost> (Дата обращения 20 марта 2020 года).

- Сучков М. А. и Василенко П. И. (2019, ноябрь), «Маятник российско-иранских отношений: от общих целей к различным интересам», Annalisa Perteghella, ed. Iran Looking East: An Alternative to the EU. Милан, Италия: ISPI. Адрес: https://www.ispionline.it/sites/default/files/publicazioni/isp_iiran_looking_web.pdf (дата обращения 4 апреля 2020 года).
- Велиев А. и Мамишова Н. (2019), «Внешняя политика Азербайджана в отношении России с момента обретения независимости: достигнутый компромисс», Исследования Юго-Восточной Европы и Черного моря 19, 2: 269-291. DOI: 10.1080/14683857.2019.1578053.
- Карамидж., Расоулинежад, Е. и Шохри, С. (2019), Дискуссия о двусторонней торговле России и Ирана в современную эпоху с акцентом на экономику России, Journal of World Sociopolitical Studies, Vol. 3, No. 1, pp. 161-198.
- Бузан, Б. (2017), Народы, государства и страх: повестка дня международных исследований по безопасности, Тегеран: Научно-исследовательский институт стратегических исследований.
- Амирахмадян Б. (2020, декабрь), «Коридор Армения-Нахчыван никогда не будет создан», бандарвадарья, N 37-36, Адрес: <https://www.pmo.ir/fa/news/52671> <<https://www.pmo.ir/fa/news/52671>> <<https://www.pmo.ir/fa/news/52671>> (по-персидски).
- Кулайи, Е. (2011), Советский Союз и Исламская революция Ирана, Тегеран: Нашр Эльм. (по-персидски)
- Кулайи, Е. и Абеди, А. (2017), «Взлеты и падения Ирано-Российских отношений 1990-2016». Письмо по исследованию международных отношений. Relations, V10, N40, pp135-164. (по-персидски)
- Кулайи и Нори, А. (2007), «Изменения во внешней политике России при Путине», politics, V2, N3, pp. 23-56. (in Persian)

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

DOI: 10.53658/RW2022-2-1(3)-84-91

УДК: 316.4

Китайская цивилизация: факторы динамики

Комлева В.В.

Национальный исследовательский институт развития коммуникаций (Москва, Россия)

Аннотация. Статья, подготовленная на основе анализа современных китайских и западных исследований китайской цивилизации, содержит выводы автора относительно факторов динамики китайской цивилизации. Как китайские, так и западные ученые обращают внимание на влияние западной цивилизации. Формирование современной китайской цивилизации рассматривается как некий синтез китайского и западного, но при доминировании культурных кодов и архетипов китайской цивилизации. Среди факторов динамики особое место занимают исследования роли природных и климатических условий в развитии культуры и моделей отношения между народами. В числе стабилизирующих факторов особое место уделяется локальностям, цивилизационным очагам, которые поддерживают и воспроизводят традиционные ценности китайской цивилизации.

Ключевые слова: китайская цивилизация, очаги цивилизации, локальные цивилизации, диалог цивилизаций, конфликт цивилизаций

Об авторе: Валентина Вячеславовна КОМЛЕВА. Доктор социологических наук. Заместитель директора по научной работе Национального исследовательского института развития коммуникаций; заведующая кафедрой зарубежного регионоведения и международного сотрудничества Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. ORCID: 0000-0001-5376-0984. Адрес: 119571, Россия, г. Москва, Коробейников переулок, 22, стр. 1. komleva@nicrus.ru.

Введение

Актуальность исследований китайской цивилизации растет вместе с усилением экономического и политического значения Китая в системе международных отношений. В 2009 году вышла книга британского ученого и журналиста Мартина Жака, в которой аргументируется позиция относительно «расцвета Поднебесной» и «конца западного мира» [Jacques 2009]. Исследование вызвало резонанс и имело продолжение. В одной из последних работ «Цивилизационное государство против национального государства» Мартин Жак продолжает утверждать, что Запад придерживается ошибочной позиции, настаивая на том, чтобы смотреть на мир через западную призму. В этой призме никакая другая традиция, история или культура не

могут сравниться с западной, она превосходит другие культуры, а значение других преуменьшается. Европоцентризм (а точнее – западоцентризм) является универсальным мерилем цивилизаций, но

это говорит не о нашей мудрости, а о нашем невежестве, является выражением не нашего космополитизма, а нашей замкнутости и провинциализма. ...Это мышление угрожает стать нашим самым большим препятствием, поскольку мы вступаем в эпоху, в которой Европа будет постепенно маргинализироваться, Соединенные Штаты будут переживать необратимый упадок, развивающиеся страны станут основными действующими лицами, а Китай заменит Соединенные Штаты в качестве доминирующей державы. Другими словами, те страны и культуры, на которые мы сейчас смотрим свысока, будут все чаще становиться арбитрами будущего.

[Jacques 2011].

Исследования Мартина Жака весьма популярны в Китае. Они вызвали всплеск исследований китайской цивилизации, часть которых стала предметом нашего анализа.

Материалы и методы

Методологические основы исследования китайской цивилизации в российской науке имеют большую историю и в настоящее время представлены научной школой академика В.С. Мясникова. Известно собрание его сочинений в семи томах, в числе которых монографии «Империя Цин и Русское государство в XVII веке» (1978), «Краткий очерк истории дипломатии КНР (60-е – начало 80-х годов)» (1988), «Договорными статьями утвердили: дипломатическая история русско-китайской границы. XVII–XX вв.» (1996), а также статьи, опубликованные в двухтомнике «Квадратура китайского круга» (2006). С позиции школы В.С. Мясникова отношения с государствами Восточной Азии, в частности с Китаем, рассматриваются как форма межцивилизационного контакта. Для России Китай представляет собой крупнейшую из соседних восточноазиатских цивилизаций с контактными зонами межцивилизационного общения. Тем не менее Россия и Китай имеют разные представления о политических координатах мира, ценностных приоритетах в отношении к правам человека, оценках тенденций и противоречий в мировом сообществе. Вместе с тем размеры двух стран таковы, что модели их развития и внешнеполитического поведения влияют на всемирно-исторический процесс.

Источниковую базу для нашего анализа составили наиболее известные и доступные для изучения публикации китайских и западных авторов. Их анализ, систематизация, сравнение, обобщение позволили выделить несколько групп факторов, влияющих, по мнению исследователей, на развитие китайской цивилизации. В данной статье мы проанализируем работы, описывающие факторы динамики китайской цивилизации.

Результаты исследования

Факторы развития

Несмотря на распространенную позицию об устойчивости и неизменности основ китайской цивилизации, существуют исследования, показывающие, какие изменения возникали в Китае под влиянием внешних факторов. Изменения китайской цивилизации под влиянием процессов глобализации и проникновения западных цивилизационных моделей стали предметом исследования Guang Xia [Xia 2014]. Исторически сложилось так, что, несмотря на исключительную долговечность и преемственность, китайская цивилизация все же претерпела серьезные изменения, особенно после активного вступления Китая в современный мир в качестве активного актора. Это заставило современный Китай сознательно или неосознанно отменять некоторые аспекты своих традиций и принимать некоторые базовые компоненты западной цивилизации. Как следствие, в настоящее время мы имеем дело с превращением Китая в современную нацию, которая начала свое превращение еще в ходе буржуазной революции Сунь Ятсена, а затем в результате социалистической революции Мао Цзэдуна. Таким образом, современная китайская цивилизация является синтезом частично сохранившихся китайских традиций и глобальных (в основном западных) ценностей.

По мнению Guang Xia, западная дихотомия между традициями и современностью не применима к современному Китаю. Во многих отношениях Китай с древних времен был современным (по западным меркам) государством, так как в значительной степени светское государство, меритократическая бюрократия, высоко самоуправляемое гражданское общество, доступный для всех письменный язык, система стратификации, основанная на достигнутом статусе, сплоченная культура, открытая для мультикультурализма, идея равноправия в образовании и т.д., лежащие в основе формирования западной современности, уже давно существуют в Китае. С другой стороны, китайское общество, досовременное или современное, отличается среди прочего своими конфуцианскими ценностями, в частности семейной моралью. Действительно, даже сегодня конфуцианский фамилизм (в формах патернализма, кумовства, группизма, персонализма, коммунализма, авторитаризма и т.д.) имеет решающее значение для функционирования системы власти Китая, рыночной экономики и повседневной жизни. Следовательно, в зависимости от своей цивилизации Китай одновременно и похож на Запад, и не похож на него. Определяя Китай как цивилизационное государство, определяя роль китайской цивилизации, Guang Xia предлагает рассматривать китайскую цивилизацию как в ее непрерывности, так и в прерывности китайской истории, а также в ее сходстве и отличиях от ее западного аналога.

Таким образом, китайские ученые, как и их зарубежные партнеры, признают внешние влияния западных ценностей и делают вывод о современной китайской цивилизации как симбиозе китайских традиций и западного модерна. Вместе с тем ряд ученых говорят о неких архетипах, культурных кодах китайской цивилизации,

которые не поддаются изменениям, лежат в основе цивилизационной идентичности и потенциально конфликтногенны в отношениях с другими цивилизациями.

Ряд ученых считает, что цивилизационную траекторию, социальную эволюцию цивилизационных очагов определила реакция человека на внешние вызовы [Liu, Chen, Lee 2019], а точнее – на природные катаклизмы. Катаклизмы и их последствия провоцировали не только изменения культуры (например, хозяйствования), но и конфликты и противоречия между народами. Поэтому в настоящее время предлагается обратить внимание на роль экологического фактора в обеспечении социального согласия и стабильности цивилизаций. Yanxin Liu и Xiaodong Yan считают, что при династии Хань засуха была важным фактором социальной нестабильности в Китае. И современный Китай должен всесторонне изучать древнюю систему «человек – земля» [Liu Yan 2020]. На примере региона Шаньси Jinchang Li, Liuyan Han, Yanfang Zhao обнаружили связь климата и степени конфликтности сообществ: «Изменения в местах поселений в основном были вызваны различиями в чувствительности климата в зависимости от широты и высоты и различиями в частоте человеческих конфликтов, вызванных резкими изменениями климата в районах с разной плотностью поселений» [Li, Han, Zhao 2017]. В ряде исследований влиянием климатических условий обосновываются исторические конфликты между кочевниками и земледельцами [Pei, Lee, Fei 2018]. Исследуя роль древних городов в развитии цивилизации, Xiaolin Ren, Duowen Mo, Tristram R. Kidder отмечают, что «расширение городов в сочетании с засушливым климатом и развитием сельского хозяйства резко изменило ландшафт Китая бронзового века» [Ren, Mo, Kidder 2019].

Отметим, что роль воды в развитии цивилизаций отмечается не только китайскими учеными. Например, исследуя влияние воды на рост цивилизаций, на культуру, верования человеческих обществ, Seyedeh Habibbeh, Hosseinya Omid отмечают:

Древние цивилизации, такие как египтяне, римляне, Венецианская империя и династия Омейядов, основывались на устойчивых водных ресурсах, которые помогали им выживать и процветать. Устойчивость и развитие человеческих обществ прошлого и настоящего были обусловлены достижениями науки о воде и их использованием в инженерии и технологиях

[Habibbeh, Omid 2021].

Проводя исторические параллели, ученые делают вывод о значимости переосмысления конфликтов в долгосрочном национальном масштабе в рамках парадигмы экологических гуманитарных наук.

Факторы стабилизации

Говоря о факторах динамики, нельзя не отметить факторы стабилизации. Ряд ученых считает, что основу китайской современной цивилизации составляют локальности, некие цивилизационные очаги, находящиеся на территории Китая. Тематика локальных цивилизаций ярко выражена в китайской науке. Например, исследуются цивилизационные основы формирования региона Яньчжао [Lijing Mingtao

2009], имеющего как общие китайские черты, так и особенные, самобытные, определяющие место региона в развитии китайской цивилизации. Другой пример – исследование региона Илуо в средней части реки Хуанхэ, который рассматривается для анализа первых династических государств в Китае [Liu, Chen, Lee 2019]. Цивилизационные очаги сохраняют коды и паттерны китайской цивилизации, поэтому правильная социализация современных поколений, изучение ими истории китайской цивилизации и ее очагов с многотысячной историей рассматривается как необходимое условие передачи культурных кодов, цивилизационной идентичности.

Другим стабилизирующим фактором являются принципы китайской цивилизации, среди которых китайскими учеными особенно подчеркивается стремление к гармонии. Ученые акцентируют внимание на миролюбии китайской цивилизации, ориентированной на согласие и мир [Xingpei 2010]. Идея «умиротворения» или «гармонии» возникала еще у китайских классиков как суммирующая сосуществующие взаимосвязи всего в мире. Подчеркивая значимость гармонии, отмечалось, что благородные люди могут наслаждаться гармоничным разнообразием, в то время как неблагородные могут потерять себя в разногласиях. Гармоничность является не только философией жизни, но политической доктриной и культурной эстетикой Китая. По мнению Yuan Xingpei, война нарушила развитие китайской цивилизации, вызвала разрыв общества в течение многих лет на Северном Китае. Во времена династии Сун, например, Китай лидировал в мире в области науки и технологий, но пал под натиском раздоров и войн. В этой связи концепт гармонии настойчиво подчеркивается и учеными, и политиками современного Китая и рассматривается как способ достижения расцвета китайской цивилизации.

Вместе с тем среди западных ученых высказывается предположение о возможном столкновении цивилизаций США и Китая. В частности, такой позиции придерживается Marcus T. Anthony, исследующий глубинные психологические механизмы цивилизационных столкновений. Среди российских ученых также есть представители, обосновывающие несовместимость ряда культурных парадигм. Исследуя отношения императорского Китая и Ватикана, М.С. Круглова говорит о несовместимости некоторых культурных парадигм, свойственных как китайской цивилизации, так и западному христианству, что стало причиной продолжительного дипломатического, теологического и доктринального конфликта между императорским Китаем и Ватиканом [Круглова 2018]. Архетипы китайской цивилизации изучаются и в Центре комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО¹.

Выводы

Обобщение результатов исследований показывает наличие внешних и внутренних факторов, влияющих на развитие китайской цивилизации. В группе внеш-

них факторов особенно выделяются влияния западных ценностей и их синтез с традициями китайской цивилизации. По сути, речь идет о факторах, задающих динамику развития. Среди внутренних факторов особое место занимают исследования роли локальных цивилизаций, которые выполняют консервативную роль и позволяют воспроизводить традиционные ценности. К внутренним факторам относят и передачу базового принципа китайской цивилизации – «гармония и согласие». И, наконец, еще один внутренний фактор, связанный с изменениями климатических условий. Исследования истории природных катаклизмов (например, засухи), проблем поселения (например, возникновения городов и урбанизации) показывают, какую роль они играли в социальной и культурной жизни, как катаклизмы становились причинами конфликтов, изменений культуры. С этих позиций они предлагают рассматривать современную китайскую цивилизацию.

Источники

- Круглова, М.С. (2018), «Спор о ритуалах» как пример культурного конфликта Востока и Запада” [«Dispute about rituals» as an example of the cultural conflict of East and West], *Манускрипт*, No 5 (91), с. 34-38. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35126211>.
- Guang Xia (2014), “China as a “Civilization-State”: A Historical and Comparative Interpretation,” *Yang Procedia – Social and Behavioral Sciences*, Vol. 140, pp. 43-47. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1877042814033102>.
- Jacques, M. (2009), *When China Rules the World: The Rise of the Middle Kingdom and the End of the Western World*. Penguin Books Ltd, London.
- Jacques, M. (2011), “Civilization state versus nation-state,” *Suddeutsche Zeitung*, 15.10.11. Available at: <http://www.martinjacques.com/uncategorised/civilization-state-versus-nation-state/>.
- Jinchang Li, Liuyan Han, Yanfang Zhao (2017), “Temporal-spatial variations of human settlements in relation to environment change during the Longshan culture and Xia-Shang periods in Shanxi Province,” *China Quaternary International*, Vol. 436, part A, pp. 129-137. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S1040618216308278>.
- Li Liu, Xingcan Chen, Gyoung-Ah Lee (2019), “Rise and fall of complex societies in the Yiluo region,” *North China: The spatial and temporal changes Quaternary International*, Vol. 521, pp. 4-15. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S1040618219302186>.
- Qing Pei, Harry F. Lee, Jie Fei (2018), “Climate change, state capacity and nomad-agriculturalist conflicts in Chinese history,” *China Quaternary International*, Vol. 508, pp. 36-42. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S1040618218302933?via%3Dihub>.
- Seyedeh Habibbeh, Hosseinya Omid (2021), “Water, culture, civilization, and history Author links open overlay panel,” *Economical, Political, and Social Issues in Water Resources*, pp. 189-216. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/B9780323905671000103>.
- Tian Lijing, Wang Mingtao (2009), “Value of Stone-Cutting Cultural Relics Collected at the Beiyue Temple in Quyang County,” *In Wen wu chun qiu*, Iss. 6, pp. 50-56. Available at: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-2-11.pdf>.
- Xiaolin Ren, Duowen Mo, Tristram R. Kidder (2019), “Early urban impact on vegetation dynamics: Palaeoecological reconstruction from pollen records at the Dongzhao site, Henan Province,” *China Quaternary International*, Vol. 521, pp. 66-74. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S1040618219301806>.
- Yanxin Liu, Xiaodong Yan (2020), “Comparison of regional droughts impacts and social responses in the historical China: A case study of the Han dynasty,” *Physics and Chemistry of the Earth, Parts A/B/C4 March*, Vol. 117, article 102854. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1474706519302074>.
- Yuan Xingpei (2010), “The Historical Revelations from the Chinese Civilization Procedia,” *Social and Behavioral Sciences*, Vol. 2, Issue 5, pp. 7006-7011. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1877042810011882>.

¹ Центр комплексного китаеведения и региональных проектов. URL: <https://mgimo.ru/about/structure/ucheb-nauch/chinaregion/>.

DOI: 10.53658/RW2022-2-1(3)-84-91

УДК: 316.4

Chinese civilization: dynamic factors

Valentina V. Komleva

National Research Institute for Communications Development (Moscow, Russia)

Abstract. The article, which is based on of the analysis of modern Chinese and Western studies of the Chinese civilization, contains the author's conclusions regarding factors of dynamics of the Chinese civilization. Both Chinese and Western scholars draw our attention to the influence of Western civilization. The formation of the modern Chinese civilization is considered as a kind of synthesis of Chinese and Western ones, but with the dominance of cultural codes and archetypes of the Chinese civilization. Among the factors of dynamics, a special place is held by the studies relative to the role of natural and climatic conditions in the development of culture and models of relations between peoples. Among the stabilizing factors, a special emphasis is given to localities, civilizational centres that support and reproduce the traditional values of Chinese civilization.

Keywords: Chinese civilization, centres of civilization, local civilizations, dialogue of civilizations, conflict of civilizations

About the author: KOMLEVA Valentina V. Doctor of sociological sciences. Deputy director on scientific work of the National Research Institute of Communication Development; Chief of the Department of foreign regional studies and international cooperation of the Russian academy of national economy and public administration under the President of Russia. ORCID: 0000-0001-5376-0984. Address: 119571, Russian Federation, Moscow, Korobeinikov per, 22/1, komleva@nicrus.ru.

References

- Kruglova, M.S. (2018), «Dispute about rituals» as an example of the cultural conflict of East and West,"[«Spor o ritualakh kak primer kulturnogo konflikta vostoka i zapada,»] *Manuscript*, No. 5 (91), pp. 34-38. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35126211>. (In Russian)
- Guang Xia (2014), "China as a "Civilization-State": A Historical and Comparative Interpretation," *Yang Procedia – Social and Behavioral Sciences*, Vol. 140, pp. 43-47. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1877042814033102>.
- Jacques, M. (2009), *When China Rules the World: The Rise of the Middle Kingdom and the End of the Western World*. Penguin Books Ltd, London.
- Jacques, M. (2011), "Civilization state versus nation-state," *Suddeutsche Zeitung*, 15.10.11. Available at: <http://www.martinjacques.com/uncategorised/civilization-state-versus-nation-state/>.
- Jinchang Li, Liuyan Han, Yanfang Zhao (2017), "Temporal-spatial variations of human settlements in relation to environment change during the Longshan culture and Xia-Shang periods in Shanxi Province," *China Quaternary International*, Vol. 436, part A, pp. 129-137. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S1040618216308278>.
- Kruglova, M.S. (2018), «Dispute about rituals» as an example of the cultural conflict of East and West," *Manuscript*, No. 5 (91), pp. 34-38. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35126211>. (In Russian)
- Li Liu, Xingcan Chen, Gyoung-Ah Lee (2019), "Rise and fall of complex societies in the Yiluo region," *North China: The spatial and temporal changes Quaternary International*, Vol. 521, pp. 4-15. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S1040618219302186>.
- Qing Pei, Harry F. Lee, Jie Fei (2018), "Climate change, state capacity and nomad-agriculturalist conflicts in Chinese history," *China Quaternary International*, Vol. 508, pp. 36-42. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S1040618218302933?via%3Dihub>.

- Seyedeh Habibbeh, Hosseinya Omid (2021), "Water, culture, civilization, and history Author links open overlay panel," *Economical, Political, and Social Issues in Water Resources*, pp. 189-216. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/B9780323905671000103>.
- Tian Lijing, Wang Mingtao (2009), "Value of Stone-Cutting Cultural Relics Collected at the Beiyue Temple in Quyang County," In *Wen wu chun qiu*, Iss. 6, pp. 50-56. Available at: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-2-11.pdf>.
- Xiaolin Ren, Duowen Mo, Tristram R. Kidder (2019), "Early urban impact on vegetation dynamics: Palaeoecological reconstruction from pollen records at the Dongzhao site, Henan Province," *China Quaternary International*, Vol. 521, pp. 66-74. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S1040618219301806>.
- Yanxin Liu, Xiaodong Yan (2020), "Comparison of regional droughts impacts and social responses in the historical China: A case study of the Han dynasty," *Physics and Chemistry of the Earth, Parts A/B/C4 March*, Vol. 117, article 102854. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1474706519302074>.
- Yuan Xingpei (2010), "The Historical Revelations from the Chinese Civilization Procedia," *Social and Behavioral Sciences*, Vol. 2, Issue 5, pp. 7006-7011. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1877042810011882>.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

DOI: 10.53658/RW2022-2-1(3)-92-107

УДК: 323.21

Конвенциональная модель взаимодействия власти и общества в Республике Южная Осетия

Атаев А.В.

Московский государственный институт культуры (Москва, Россия)

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу конвенциональной модели взаимодействия власти и общества в Республике Южная Осетия. Акцентируется внимание на идеологических смыслах и процессах трансформации политической реальности в этом закавказском государстве. Именно идеологические смыслы и кардинально трансформировавшаяся после августовской войны 2008 года новая политическая реальность способствовали формированию конвенциональной модели взаимодействия власти и общества. В статье анализируется также роль действующего президента Южной Осетии А.И. Бибилова в формировании и закреплении конвенциональной модели взаимодействия.

Югоосетинская конвенциональная модель взаимодействия власти и общества имеет ряд особенностей, ключевая из которых – очевидное видение будущего и поступательное движение к нему на основе общественного консенсуса. Образ будущего, сформированный действующим президентом А.И. Бибиловым и возглавляемой им партией «Единая Осетия» предусматривает вхождение Южной Осетии в состав России.

Модель взаимодействия власти и общества предусматривает четкий, прописанный политической партией «Единая Осетия» регламент, который был изложен действующим президентом Южной Осетии в рамках двух предвыборных кампаний. Программа действующего президента Республики Южная Осетия А.И. Бибилова «Пять шагов в Россию» является частью конвенциональной модели взаимодействия власти и общества. Таким образом, конвенциональная модель взаимодействия в Южной Осетии обладает также функцией регулятора общественных отношений, обеспечивая производство объяснения нынешней политической реальности, а также движение к новому политическому статусу, предусматривающего вхождение в состав России.

Ключевые слова: конвенциональная модель, эффективное взаимодействие, власть, общество, Южная Осетия, политическая реальность, образ будущего

Об авторе: АТАЕВ Артур Викторович. Кандидат политических наук. Доцент кафедры культурологии Московского государственного института культуры. Адрес: 141406, Россия, Московская обл., г. Химки, ул. Библиотечная, д. 7. arturataev@gmail.com.

Введение

Термин «конвенциональная модель» не является новым¹. В ряде случаев его представляют как матрицу или общепринятый способ объяснять политическую реальность². То есть не просто описать событие, а раскрыть его идеологические смыслы с помощью вошедших в политический обиход способов объяснения.

Например, с определенного времени³ в Южной Осетии стало правилом объяснять победы над врагом не доблестями отдельных командиров, а в большей степени подвижничеством народа. А после 2008 года состоявшуюся государственность Южной Осетии во многом связывают с правильным цивилизационным выбором осетинского народа, добровольно связавшим свою судьбу с русской православной цивилизацией в XVIII веке. Именно этот выбор, сделанный более двух веков назад, предопределил благоприятную развязку в многодесятилетнем противостоянии осетин с грузинским государством. Таким образом, главами Республики Южная Осетия Э.Дж. Кокойты, Л.Х. Тибиловым и А.И. Бибиловым подчеркивается, что состоявшаяся Юго-Осетинская государственность – это плод доблести отдельных командиров, подвиг народа и следствие союзнических отношений с Россией. Ученые указывают, что «конвенциональные взаимодействия становятся практикой повседневности» (Осьмук 2004). Практикой повседневности в период руководства республикой нынешнего президента Южной Осетии А.И. Бибилова стал вопрос о вхождении Южной Осетии в состав России.

Материалы и методы

В качестве материалов исследования использовалась программа А.И. Бибилова «Пять шагов в Россию», эмпирические материалы – отчеты, аналитические документы, результаты опросов общественного мнения, интервью, материалы СМИ, документы, касающиеся практик взаимодействия власти и общества в Южной Осетии, концептуальные выводы о моделировании как научном методе и теоретические выводы о «политической реальности». Основным стал метод моделирования, который позволяет исследовать конвенциональные модели на основе учета роли двух основных акторов, формирующих конвенциональную модель – власти и общества. Конвенция понимается как что-то дополнительное, уравнивающее по отношению к коммуникации, как добавочный слой, смысл которого предстоит раскрыть. Конвенциональ-

1 Рядом исследователей выявлена типология взаимодействия, предусматривающая следующие модели взаимодействия: «антагонизм», «консенсус» и «агон». Выявлены также патерналистская, партнерская и «модель архитектора».

2 А.Ю. Сунгуров. Модели взаимодействия структур гражданского общества и органов власти: российский опыт. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Sungurov_modeli.pdf.

3 В постсоветский период после развала СССР и образования в Грузии незаконных вооруженных формирований, составивших авангард военного и политического давления на Южную Осетию.

ная модель – один из способов определять ситуацию, одно из общепринятых объяснений, способных определить значимость того или иного события или реалистичность курса политика. Автор, используя представленную методологию для анализа действующей политической реальности, констатирует, что других моделей в данной ситуации не существует, существуют лишь различные уровни взаимодействия.

Результаты исследования

Конвенциональные модели: теория, концепция, практика

Политическая реальность, закреплённая как часть нарратива, является основой, фундаментом сформировавшейся конвенциональной модели взаимодействия власти и общества в современной независимой Южной Осетии.

Отдельное внимание следует уделить термину «политическая реальность», который в большинстве случаев рассматривается как нечто «очевидное, не требующее особых пояснений. Реальным считается то, что было или есть, что можно наблюдать, эмпирически выявить и однозначно идентифицировать (Пушкарева 2013, с. 92).

Политическая реальность и конвенциональная модель – это связанные друг с другом явления. В частности, объяснение политической реальности, раскрытие ее идеологических смыслов возможно с помощью конвенциональной модели взаимодействия власти и общества. Анализ сформированной и существующей конвенциональной модели в Республике Южная Осетия невозможно осуществить без идентификации (анализа) существующей в этом государстве политической реальности.

В современных условиях в Южной Осетии возрастает значение института президентской власти. Анализ конвенциональной модели взаимодействия власти и общества в Южной Осетии невозможен без внимания к институту президентской власти в контексте политики партии «Единая Осетия». Можно утверждать, что личное влияние президента А.И. Бибилова на легитимацию конвенциональной модели взаимодействия власти и общества усилилось благодаря его партийному статусу.

Формирование нынешней конвенциональной модели взаимодействия власти и общества в Южной Осетии получило старт в 2014 году. Именно тогда председателем партии «Единая Осетия» А.И. Бибиловым была обнародована предвыборная программа партии «Пять шагов в Россию». Цель программы – вхождение республики в состав России на правах нового субъекта Федерации: «Мы должны решить этот вопрос раз и навсегда. Полную безопасность нам может обеспечить только вхождение в состав России»⁴. Новая инициатива одного из самых авторитетных политиков, лидера ведущей партии А.И. Бибилова сформировала новую идеологическую мотивацию в Южной Осетии (Шкирчак 2012). Основной посыл, сформированный президентом, – это безопасность. В условиях глобальных вызовов и угроз, обусловленных влиянием Запада на политику Грузии, безопасность может быть гарантирована только Россией.

⁴ Анатолий Бибилов: «Пришло время действовать». URL: <https://ugo-osetia.ru/obshhestvo/anatolij-bibilov-prishlo-vremya-dejstvovat>.

Новая идеологическая мотивация, обозначенная партией «Единая Осетия» в 2014 году, способствовала формированию образа будущего Южной Осетии как составной части России. И здесь необходимо отметить, что «в современном глобальном порядке позиция того или иного конкретного государства с очевидностью определяется не только фактором владения им тем или иным материальным активом. Национальная конкурентоспособность страны зависит также от способности ее руководства правильно формулировать стратегию позиционирования государства вовне, адекватно выявлять ниши, где использование имеющихся активов могло бы стать основанием для повышения конкурентоспособности в будущем» (Сергеев, Алексеев, Коктыш и др. 2010, с. 3). Основные политические акторы в Южной Осетии демонстрируют понимание важности стратегии позиционирования Южной Осетии в контексте формирования архитектуры безопасности в Закавказье.

Очевидно, что в условиях существующих глобальных вызовов и угроз для Южной Осетии стратегия позиционирования государства как потенциальной части России является моделью будущего, в том числе объясняющей сложившуюся политическую реальность.

Но следует отметить, что, говоря о конвенциональных моделях, мы имеем в виду не только политическую реальность. Понятие «конвенциональная модель» шире. На наш взгляд, политическая реальность – лишь одна из специфических модификаций конвенционального в политике. Конвенциональная модель взаимодействия обладает также функцией регулятора общественных отношений, обеспечивая производство любого развернутого объяснения: она может включать в себя любые образы, метафоры, концепты, не обязательно, кстати, идеологические. В этом плане целесообразно рассмотреть более подробно программу А.И. Бибилова «Пять шагов в Россию»:

Первый шаг – «Единая Осетия» инициирует проведение референдума о вхождении в состав Российской Федерации. Второй шаг – непосредственно проведение референдума о вхождении РЮО в РФ на правах нового субъекта федерации. Третий шаг – обращение Парламента Республики к Президенту, правительству и Совету Федерации РФ с просьбой рассмотреть вопрос о вхождении Республики Южная Осетия в Россию. Четвертый шаг подразумевает создание межправительственной рабочей группы переходного периода. Мы добьемся того, чтобы в ее состав вошли представители югоосетинской общественности. Все должно быть прозрачно, под контролем общественности. В новые органы власти (уже российские) не должны попасть люди, замешанные в разворовывании денежных средств, виновные в непрекращающейся разрухе. В новую власть не должны попасть коррупционеры. Мы за этим очень пристально будем следить. И, наконец, пятый шаг – принятие новой Конституции Республики, переход на законодательство РФ и фактическая интеграция. Очень важно, чтобы новая Конституция принималась при всенародном обсуждении, чтобы были учтены интересы всех групп населения⁵.

⁵ Интервью Анатолия Бибилова телеканалу «Россия 24». URL: <http://gtrkir.ru/news/intervju-anatoli>.

Конвенциональная модель взаимодействия власти и общества слишком значима, и потому для Южной Осетии не проходит незамеченной ни одна дискуссия, затрагивающая вопросы политического будущего Южной Осетии. То, что этот дискурс, актуализированный лидером партии «Единая Осетия» А.И. Бибилковым в 2014 году, является ключевым вопросом российско-осетинских отношений, указывает на сложившуюся конвенциональную модель регулятора общественных отношений. Именно с помощью этого, ключевого для югоосетинского социума вопроса, формируются реальные контуры внутренней и внешней политики, а следовательно, и политическая реальность.

Идея вхождения Южной Осетии в состав России является негативным и блеклым фоном лишь для внешнего наблюдателя. Внешним наблюдателем за процессом формирования конвенциональных моделей, как известно, является грузинская политическая элита. Вхождение Южной Осетии в состав России стало фундаментом конвенциональной модели взаимодействия власти и общества. Этот вопрос является причиной широкой, легитимной дискуссии, в которую активно вовлечены как противники, так и сторонники вхождения Южной Осетии в состав России. Таким образом, впервые за многие десятилетия в Южной Осетии обсуждается не прошлое республики, а образ будущей Южной Осетии. Отметим, что этот дискурс на политическом уровне был инициирован А.И. Бибилковым после признания международной правосубъектности в 2008 году.

Нельзя не обратить внимания на то, что конвенциональная модель взаимодействия власти и общества, как правило, формируется в условиях относительной свободы⁶. К тому же она не имеет строго формального воплощения, так как сродни ментальным матрицам, а не композиционным трафаретам.

Конвенциональная модель взаимодействия власти и общества предполагает очень существенное и, можно даже сказать, необходимое общественно-политическое приращение. В данном случае имеется в виду не образец, а то, что вошло в обиход, стало неперенным элементом языка политики, фундаментальным содержательным аспектом коммуникации в том или ином сообществе. Именно конвенциональные модели являются важнейшими элементами и проявлениями жизненного мира, тем само собой разумеющимся, которое исследователь должен проанализировать. Эксперты констатируют, что «модель Бибилова» для Южной Осетии, предусматривающая реализацию программы «5 шагов в Россию», наиболее приемлема и конвенциональна. Одним из обоснований релевантности этого тезиса является очень важный показатель – 99% жителей Южной Осетии являются гражданами России (Качмазова 2013). То есть фактически «модель Бибилова» должна легитимировать реально свершившийся процесс. Таким образом, если данная модель общепринята и внедряется по некоему соглашению, то из этого следует, что нам понятна роль двух основных акторов, формирующих конвенциональную модель – власти и общества.

⁶ Известный российский политолог А.Ю. Сунгуров указывает в ряде своих работ, что исходя из имеющихся подходов, а также из системных представлений в первом приближении можно представить себе три варианта взаимодействия органов власти и гражданских структур: сотрудничество, отсутствие сотрудничества (игнорирование) и конфронтация.

Так, А.И. Бибилов является наиболее последовательным политиком, взявшим курс на конвенциональное закрепление курса на сближение Южной Осетии и России. Президент А.И. Бибилов указывает, что

этот вопрос весьма актуален. В 1920–1921 годах Осетия была разделена на Северную и Южную: Южная вошла в состав ГССР, а Северная – в состав РСФСР. С этого момента началась борьба осетинского народа за восстановление исторической справедливости и включение Южной Осетии в состав России. Фактически, каждые 10 лет мы пытались донести мнение народа Южной Осетии до высшего руководства, чтобы Южная Осетия вошла в состав России. К сожалению, пока мы имеем то, что имеем. Возможности есть без сомнения – пока этот вопрос обсуждается. Я думаю, что будущее Южной Осетии в любом случае в составе РФ⁷.

Необходимо пояснить, что конвенция есть что-то дополнительное, уравнивающее по отношению к коммуникации, какой-то добавочный слой, смысл которого предстоит раскрыть. Например, политику, как правило, важно рассказать о бедствиях той или иной земли, пострадавшей от врагов, чтобы быть понятым. Иными словами, политическому деятелю важно не только описать ситуацию, но дать ей свое объяснение, выступить в роли интерпретатора. Именно эту оценивающую доминанту своего сообщения ему важно передать окружающим, заражая их своими настроениями, своими идеями, своим «пафосом».

Президенту Южной Осетии А.И. Бибилову удалось выступить в роли интерпретатора, передать оценивающую доминанту своего политического посыла обществу, заразить своими идеями и настроениями. Дополнительное обоснование курса на укрепление отношений с Россией формируется президентом А.И. Бибиловым полностью противоположным видением (по сравнению с позицией политического руководства Грузии).

Безусловно прав президент Южной Осетии, указывая на то, что

народы Абхазии и Южной Осетии сделали свой выбор. Мы хотим жить в независимых государствах, и Грузия должна уважать наше волеизъявление. В который раз уже приходится повторять, что если нынешние власти Грузии реально хотят наладить мирные отношения с югоосетинским и абхазским народами, то они должны, исходя из существующих реалий, признать факты геноцида осетин и абхазов. Признать независимость наших республик, которая уже признана рядом государств-членов ООН, и подписать гарантии о неприменении силы против Южной Осетии и Абхазии. Ничего нового в наших требованиях нет⁸.

Президент, высвечивая позицию грузинского политического руководства, закрепляет свой посыл о неизбежности и необходимости более тесной интеграции Южной Осетии в российское цивилизационное пространство.

⁷ Анатолий Бибилов: Я думаю, будущее Южной Осетии в составе РФ // <https://www.interfax.ru/interview/587633>.

⁸ Анатолий Бибилов: Власти Грузии превращают трибуну ООН в арену для своей лживой риторики // <http://parliamenttrso.org/node/123>.

Судя по реакции населения на инициативы партии «Единая Осетия» и ее лидера А.И. Бибилова, сформированная в Республике Южная Осетия конвенциональная модель⁹ взаимодействия власти и общества является реально действующим механизмом консолидации общества.

Между тем следует обратить внимание на то, что для формирования эффективной модели взаимодействия власти и общества необходима конвенциональная легитимация. Дополнительный коммуникативный уровень (конвенциональная легитимация) (Чимирис 2020, с. 38) призван не только передавать информацию, но и всемерно интегрировать представителей социума в одобренный порядок, делая его адептом определенного образа мыслей и своего рода интерпретатором. Конвенциональная модель – не готовый образец, а ясно очерченное пространство самоопределения, область реализации свободы. Практически весь период президентства А.И. Бибилова – это действия по интеграции югоосетинского социума в легитимное российское политическое, научное и интеллектуальное пространство. В этом ясно очерченном пространстве самоопределения президент Южной Осетии А.И. Бибилов уделяет место творческой и научной интеллигенции республики.

Одним из самых успешных российско-осетинских интеграционных проектов является взаимодействие в сфере высшего образования. Так, при содействии президента А.И. Бибилова в июне 2017 года ректор Юго-Осетинского государственного университета имени А.А. Тибилова В.Б. Тедеев подписал договор о сотрудничестве с ректором Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана А.А. Александровым¹⁰.

В преддверии подписания при содействии президента Южной Осетии состоялась рабочая встреча ректоров ЮОГУ и МГТУ им. Н.Э. Баумана В.Б. Тедеева и А.А. Александрова:

Нас, в первую очередь, интересовали вопросы сотрудничества с Бауманским университетом по линии информационных технологий. Два наших соотечественника, молодые сотрудники кафедры информатики ЮОГУ Алан и Александр Джигоевы, будут писать диссертации при МГТУ. Уверен, что они представят наш университет достойно. Помимо этого, вся кафедра информатики и вычислительной техники ЮОГУ пройдет курсы повышения квалификации по информационным технологиям в МГТУ имени Баумана. Для них будет разработана специальная программа повышения квалификации. Мы не будем останавливаться только на одном направлении (информационные технологии), будем сотрудничать и по другим направлениям¹¹.

⁹ В конце мая 2018 года на Петербургском международном экономическом форуме президент Южной Осетии А.И. Бибилов заявил, что республика готова провести референдум о присоединении к России «буквально завтра», однако голосование возможно только после разрешения конфликта в Донбассе. Если Южная Осетия, как отдельное государство, решит отказаться от независимости, то нет альтернативы объединению с Россией, отметил А.И. Бибилов.

¹⁰ Ректор ЮОГУ о договорах с другими вузами: уже есть итоги // https://news.rambler.ru/education/37350613/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink.

¹¹ Там же.

Для восстановленного после грузинской атаки Юго-Осетинского государственного университета взаимодействие с одним из ведущих вузов России стало своеобразным научным прорывом. Отдельные конкретные проекты по сотрудничеству между отдельными организациями двух государств, инициированные президентом, весьма положительно влияют на интеграцию югоосетинского социума в легитимное российское политическое, научное и интеллектуальное пространство.

Годом ранее, в 2016 году, политическим руководством Южной Осетии было поддержано инициированное ректором ЮОГУ В.Б. Тедеевым подписание соглашения о сотрудничестве между МГУ им. М.В. Ломоносова и Юго-Осетинским государственным университетом имени А. Тибилова¹². Ректоратом МГУ им. М.В. Ломоносова были поддержаны также конкретные проекты Юго-Осетинского государственного университета в рамках подготовки специалистов высокой квалификации в аспирантуре и докторантуре ведущего вуза страны. Данная форма интеграции, безусловно, укрепляет действующую конвенциональную модель взаимодействия власти и общества в Южной Осетии, так как реализует основной посыл действующего президента А.И. Бибилова на укрепление российско-осетинских отношений.

То, что разнообразие конвенциональных моделей зависит от конкретно-исторических вариаций – очевидный факт. При этом у носителя какой-либо культурной или политической общности всегда остается широкий выбор при воспроизводстве способов интерпретации событий, институциональных предписаний, норм и отступлений от них. Но конвенциональная модель, предложенная политической партией «Единая Осетия» под руководством А.И. Бибилова, направлена на интенсификацию интеграционных процессов с Россией по всем направлениям.

Необходимо отметить, что в той или иной мере конвенциональная модель может относиться и к живому верованию, и к соблюдению некоторых стандартизированных правил, связанных с верой в Бога. Так, в исторической памяти осетин укоренилось предание о принятии христианства в X веке¹³. Этот концепт использует в своей политике и публичной риторике нынешний президент Южной Осетии А.И. Бибилов, подтверждая тезис, что Осетия-Алания – форпост России и православия в Закавказье.

Так, одну из своих первых встреч на посту Президента Южной Осетии А.И. Бибилов провел с Патриархом Московским и всея Руси Кириллом¹⁴. Безусловно, вопрос вхождения Южной Осетии в состав России затрагивает целый комплекс проблем, в том числе и религиозного характера.

В настоящее время это один из самых болезненных для Южной Осетии вопросов-проблем, так как каноническая территория автокефальной православной церкви зачастую не совпадает с территориями государственных образований. Это одна из

¹² Делегация ЮОГУ во главе с ректором Вадимом Тедеевым посетила МГУ с рабочим визитом // <http://osinform.org/55784-delegaciya-yuogu-vo-glave-s-rektorom-vadimom-tedeeym-posetila-mgu-s-rabochim-vizitom.html>.

¹³ Осетия-Алания – оплот России на Северном Кавказе. URL: <https://pravoslavie.ru/136182.html>.

¹⁴ Святейший Патриарх Кирилл встретился с президентом Южной Осетии. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4968569.html>.

серьезнейших религиозно-политических проблем постсоветского пространства. Вопрос окормления православного населения Южной Осетии клириками Русской православной церкви находится в разряде самых труднорешаемых.

Несмотря на состоявшуюся государственность, современная Южная Осетия относится к канонической территории Грузии. То, что нынешний геополитический ландшафт не соответствует канонической территории Грузинской православной церкви, является вопросом-проблемой, который, по мнению А.И. Бибилова, может быть решен в рамках конвенциональной модели взаимодействия власти и общества¹⁵.

В 2017 году в личном разговоре с автором статьи А.И. Бибилов отметил, что для решения проблемы окормления православных христиан Южной Осетии священниками Русской православной церкви необходимо согласие не только политических элит, но и югоосетинской общественности. Так как к Грузинской православной церкви и ее Патриарху Илие Второму отношение в Южной Осетии крайне негативное, религиозный вопрос югоосетинским социумом позиционируется как политическая проблема, решение которой зависит не от религиозных, а от светских властей.

В данном контексте необходимо обратить внимание на одну из функций конвенциональной модели, указывающую на установление соответствий и избавление при коммуникации от нежелательных нарушений и последствий (Неусыхин 1994, с. 641.). То есть если в случае с политическим будущим республики принятая конвенциональная модель допускает решение, то религиозная проблема в Южной Осетии в контексте отношений «РПЦ – ГПЦ» пока не разрешима.

Сообразуясь с этим, политическое руководство Южной Осетии, выстраивает отношения с Московским патриархатом Русской православной церкви. Сложнейший религиозный вопрос, приведший к внутринациональному религиозному расколу, имеет возможную перспективу решения в рамках конвенциональной модели взаимодействия власти и общества, предусматривающей реализацию курса на вхождение в состав России. Если республика войдет в состав России, то вопрос «окормления» православных христиан Южной Осетии, возможно, будет решен¹⁶.

То, что югоосетинская конвенциональная модель как образец уже принимается многими, свидетельствует о добровольной условности и транспарантности, очевидности существующей конвенциональной модели взаимодействия власти

¹⁵ В 2017 году в личном разговоре с автором статьи А.И. Бибилов отметил, что для решения проблемы окормления православных христиан Южной Осетии священниками Русской православной церкви необходимо согласие не только политических элит, но и югоосетинской общественности. Так как к Грузинской православной церкви и ее Патриарху Илие Второму отношение в Южной Осетии крайне негативное, религиозный вопрос югоосетинским социумом позиционируется как политическая проблема, решение которой зависит не от религиозных, а от светских властей.

¹⁶ В настоящее время многие православные христиане Южной Осетии для участия в литургическом богослужении в субботние и воскресные дни выезжают в Богоявленский женский Аланский монастырь Северной Осетии-Алании, который находится в приграничном с Южной Осетией Алагирском районе РСО-А.

и общества. Исследователи указывают, что в значительной мере такая модель остается «идеальной» в том смысле, который имел в виду М. Вебер (Вебер 1994, с. 101). В данном случае программируется наиболее вероятный и правильный тип понимания.

Таким образом, модель, с этой точки зрения, есть нечто не насильно внедренное, опробованное, а растиражированное. Внедрение той или иной модели происходит, конечно, по-разному. Иногда в силу влияния официальной верхушки или по причине односторонней идеологической инициативы, иногда спонтанно. Нередко даже носителям социально одобренной конвенции бывает трудно установить, что явилось причиной ее возникновения, и тогда на помощь приходит механизм легитимации, описанный в классической книге Бергера и Лукмана «Социальное конструирование реальности» (Бергер, Лукман 2013).

Механизм легитимации югоосетинской конвенциональной модели взаимодействия власти и общества предусматривает и определенный социальный порядок. Социальный порядок, к которому принадлежат члены сообщества, постепенно начинает восприниматься натуралистически, как нечто само собой разумеющееся, как часть природного порядка, как объективная данность.

Благодаря целенаправленной, исторически и политически обоснованной позиции партии «Единая Осетия» и ее лидера А.И. Бибилова идея интеграции Южной Осетии в Россию объясняет, обосновывает, формирует и дополняет политическую реальность. Президент Южной Осетии А.И. Бибилов актуализировал свою миссию в следующем формате: «Я не отказываюсь и не буду отказываться от национальной идеи – вхождение в состав России. Для меня это стимул жизни и цель, которой, я бы хотел, чтобы достиг народ Южной Осетии. Я бы хотел видеть Осетию в составе РФ»¹⁷.

Этот послы президента к 2022 году остается основным направлением движения и развития Южной Осетии, что свидетельствует о его актуальности и значимости для югоосетинского социума. Причем сформировано ценностное обоснование этой политической реальности (движение в Россию) именно с помощью выработанной и практически уже закреплённой в сознании социума конвенциональной модели взаимодействия власти и общества.

Особенности «конвенциональной модели Бибилова»

Благодаря действиям ведущих политических акторов модель взаимодействия власти и общества, выработанная в Южной Осетии, стала общекультурным национальным феноменом. Представляется, что изучение этого общекультурного национального феномена не таит в себе ничего необычного, а в методологическом отношении не представляет особой проблемы. Но первое впечатление обманчиво, так как здесь необходимо обратить внимание на особенности выстраивания модели взаи-

¹⁷ Президент Южной Осетии назвал присоединение к России «национальной идеей» // <https://www.rbc.ru/politics/25/08/2018/5b813bfc9a7947e98e121c82/>.

модействия власти и общества в Государстве Алания¹⁸. Чтобы выявить особенности югоосетинской модели, целесообразно обратить внимание на ее генезис.

До признания государственности в Республике Южная Осетия наблюдалась несводимость основной национальной парадигмы к реальным вызовам и угрозам. Риторика и модель противостояния с более сильным актором – грузинским государством – нивелировали обсуждение перспектив и образа будущего югоосетинской государственности. Из-за регулярных военно-политических провокаций со стороны Грузии, в Южной Осетии отсутствовало глобальное видение будущего. Образ будущего республики отчасти не был сформирован из-за постоянных и регулярных угроз со стороны грузинских властей. То есть активная политика давления на экономику и политику Южной Осетии со стороны Грузии не допускали какого-либо обсуждения образа будущего. Политическому классу необходимо было решать проблемы, связанные с безопасностью в ежедневном режиме.

В печатных и электронных средствах массовой информации и в социальных сетях акцентировалось внимание на необходимости подготовки к военному противостоянию с грузинским государством. Образ будущего Южной Осетии в тех условиях был связан исключительно с возможным отражением военного нападения Грузии в будущем.

Но эта риторика являлась препятствием для выработки более перспективного югоосетинского проекта, нацеленного на будущее, а не обращенного в прошлое. Грузинская повестка была доминирующим фактором в осетинском социуме Южной Осетии, так как уровень напряжения, исходивший из Грузии, в буквальном смысле зашкаливал. Для состоявшейся югоосетинской государственности необходим был новый нарратив, направленный на закрепление посылы о том, что народ Южной Осетии является победителем, отстаившим свое право на независимость¹⁹. Именно этот посыл давал основание на позиционирование нового образа будущего Южной Осетии как более интегрированной республики в российское цивилизационное пространство.

Естественно, что после признания государственности Южной Осетии в 2008 году экономические, политические, социальные, общественные законы стали наделяться новым бытием и сформировали новую политическую реальность. Основным «оператором наделения» стала ведущая политическая сила Южной Осетии – партия «Единая Осетия». Таким образом, доминировавшая на протяжении десятилетий в Южной Осетии модель перманентного противостояния с Грузией отошла на второй план. Этот результат стал плодом политического, интеллектуального и общественного творчества партии «Единая Осетия» и ее руководителя А.И. Бибилова. В результате была сформирована конвенциональная модель взаимодействия, в которой был легитимирован особый комплекс договоренностей (конвенций), созданный на базе разделяемых ценностей, традиций и обычаев.

¹⁸ Согласно Конституции Южной Осетии, вторым названием республики является «Государство Алания».

¹⁹ Политолог: За Южной Осетией нужно закрепить статус победителя // <https://sputnik-ossetia.ru/20170905/4811607.html>.

Приходится констатировать, что осетинский социум имел дело с образами, получившими общекавказское звучание (преимущественно в грузинском социуме), представлениями об осетинах как некоренном кавказском народе-пришельце, захватившем грузинские земли.

Это осложнялось тем, что постшеварднадзевская Грузия – это государство с непредсказуемыми политическими осетинофобскими индексами. Следствием этого стала актуализация и политическая капитализация ненависти к осетинам президентом М.Н. Саакашвили.

В этих условиях обширный слой информации в Южной Осетии приобретался населением из грузинских источников. В ответ с новым импульсом в осетинский нарратив была вписана проблематика геноцида осетин в 1920 году. Даже поговорки, историческая память, незнание, военно-политическое противостояние накапливались и инкорпорировались в повседневность. Здесь целесообразно отметить, что линия демаркации, отделяющая действие от смыслового источника, проходит по границе осознаваемого / неосознаваемого и затрагивает степень намеренности.

Таким образом, грузинский контекст (заявления политиков и общественных деятелей, военные и политические провокации) был определяющим мотивом для внутринациональной осетинской повестки.

Данное положение было проблемой, поскольку препятствовало трансляции югоосетинской проблематики не только за пределы региона, но и на сам югоосетинский социум. Зачастую политики оперируют предположениями, и в этих условиях возрастает роль информации, которая дает простор для гипотетических построений. Осознавая это, грузинская сторона манипулировала югоосетинским общественным мнением.

Обсуждение

Таким образом, перед политическим руководством Республики Южная Осетия стояла нетривиальная, довольно сложная задача – сконструировать модель, способную нейтрализовать политику по формированию негативного образа Южной Осетии и противопоставить ей с помощью конвенциональной модели взаимодействия новую политическую реальность.

Здесь уже приходилось последовательно формировать систему высказываний, ситуативный контекст, которые, как правило, не совпадали со сложившимся стереотипным образом Южной Осетии. Конвенциональная модель, как правило, конституируется через постепенное обнаружение своих не выявленных сторон. И чем сложнее она, тем большее число потенциальных горизонтов может быть открыто воспринимающему. Именно поэтому в повседневную жизнь были введены новые политические и экономические смыслы и конструкции. В частности, стал более профессионально эксплуатироваться образ осетин как народа-победителя.

Нам понятно, что итогом формирования конвенциональной модели становится не государственность или социум, а только то, что по разным причинам прочитывает-

ся, опознается как важное и значимое. Необходимо учитывать, что конвенциональная модель усваивается избирательно, потому что это очень сложная конструкция, которая является плодом сотворчества политической элиты, творческой интеллигенции и лидеров институтов гражданского общества. Акторы, внедряющие конвенциональную модель, как правило, рассчитывают на ее понимание, и для этого они стремятся выстроить систему меток, специальных маркеров, которые позволили бы верно отнестись к произведенному продукту. Именно выстраиванием этой системы меток и занималась политическая элита Южной Осетии. Лидеры югоосетинского общественного мнения последовательно превращали свое сообщение в информацию, обеспечивая условия надлежащего понимания. Прежде всего, эта технология закрепляла позитивный образ России как государства-цивилизации, имеющей свою особую миссию.

Выводы

Югоосетинская элита, прежде всего президент А.И. Бибилев и возглавляемая им партия «Единая Осетия», осознавала, что для формирования конвенциональной модели очень большое значение имеет коммуникация с социумом. Этот способ используется по договоренности, на основе негласного взаимопонимания. Позитивный образ России в Южной Осетии – это в том числе и плод договоренности между властью и обществом.

Подобного рода активность немислима без слаженного, согласованного действия, предполагающего общие релевантности, очевидности жизненного мира. В этом плане следует обратить внимание на активность президента Южной Осетии А.И. Бибилова, которая усиливает взаимодействие власти и общества не только в Южной Осетии, но и за ее пределами. Имеется в виду то, что на формирование и закрепление конвенциональной модели Бибилова в Южной Осетии влияет его деятельность за пределами Государства Алания. Следует обратить внимание на его работу в Донецкой и Луганской народных республиках. То, что Южная Осетия первой признала государственность этих республик, способствовало расширению югоосетинской политической реальности, а следовательно, и легитимации действующей конвенциональной формы взаимодействия власти и общества. Благодаря личным контактам на уровне глав республик Южной Осетии, ДНР и ЛНР грузинский внешнеполитический контекст был практически полностью замещен российским, донецким и луганским. В частности, это выразилось в инкорпорировании в югоосетинский политический дискурс понятия «Русский мир».

Таким образом, можно с уверенностью говорить о том, что конвенциональная модель взаимодействия власти и общества в Южной Осетии на современном этапе поддерживает и развивает глобальную цивилизационную миссию России в Закавказье путем развития курса на интеграцию с Россией. Ключевым актором этого процесса является президент Южной Осетии А.И. Бибилев и возглавляемая им партия «Единая Осетия».

Источники

- Бергер, П., Лукман, Т. (2013), Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания [Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge], URL: https://skepdic.ru/wpcontent/uploads/2013/05/Berger_Lukman_-_Sotcialnoe_konstruirovanie_realnosti_Skepdic.ru_.pdf.
- Вебер, М. (1994), Избранное: Образ общества [Favorites: The image of society], Москва.
- Каравашкин, А.В. (2017), «Конвенциональные модели и «жизненный мир» в источниках культуры» [Conventional models and the «life world» in cultural sources], *Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология*, № 5, URL: <https://history.rsuh.ru/jour/article/viewFile/299/300>.
- Качмазова, И.Р. (2013), «Перспективы развития Южной Осетии: независимость или вхождение в РФ?» [Prospects for the development of South Ossetia: independence or entry into the Russian Federation?], *Вестник Владикавказского научного центра*, № 2, URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-buduschego-razvitiya-respubliki-yuzhnaya-osetiya-nezavisimost-ili-vhozhdenie-v-rf/viewer>.
- Неусыхин, А.И. (1994), «Эмпирическая социология» Макса Вебера и логика исторической науки [«Empirical Sociology» by Max Weber and the Logic of Historical Science], Вебер М. Избранное: Образ общества, Москва.
- Осьмук, Л.А. (2004), Теоретические основания социальной конвенциональности [Theoretical foundations of social conventionality]. Автореферат дисс. д-ра социолог. наук. Барнаул.
- Пушкарева, В.Г. (2013), «Homo politicus: политическая реальность и политический дискурс» [Homo politicus: Political reality and political discourse], *Общественные науки и современность*, № 5.
- Сунгуров, А.Ю. (2009), Модели взаимодействия структур гражданского общества и органов власти: российский опыт. Модернизация экономики и глобализация [Models of interaction between civil society structures and authorities: Russian experience. Economic modernization and globalization]: В 3 кн. / Отв. ред. Е.Г. Ясин, Кн. 1, Москва: Изд. дом ГУ-ВШЭ, с. 500-508, URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Sungurov_modeli.pdf.
- Чимири, Е.С. (2020), «Легитимация власти: к формулированию операциональной модели» [Legitimization of power: towards the formulation of an operational model], *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*, Том 10, № 3 (45).
- Шкирчак, С.И. (2013), «К вопросу о моделях взаимодействия государственной власти и гражданского общества» [On the issue of models of interaction between State power and civil society], *Научные ведомости*, № 22 (165), Вып. 28.

DOI: 10.53658/RW2022-2-1(3)-92-107

УДК: 323.21

Conventional model of interaction between government and society in the republic of South Ossetia

Ataev A.V.

Moscow State Institute of Culture (Moscow, Russia)

Abstract. The article is devoted to a comprehensive analysis of the conventional model of interaction between government and society in the Republic of South Ossetia. Attention is focused on ideological meanings and processes of transformation of political reality in this Transcaucasian state. It was ideological meanings and the new political reality that radically transformed after the August 2008 war that contributed to the formation of a conventional model of interaction between government and society. The article also analyzes the role of the current President of South Ossetia A.I. Bibilov in the formation and consolidation of the conventional model of interaction.

The South Ossetian conventional model of interaction between government and society has a number of features, the key of which is an obvious vision of the future and progressive movement towards it based on public consensus. The image of the future formed by the current President A.I. Bibilov and the United Ossetia party headed by him provides for the entry of South Ossetia into Russia.

The model of interaction between the government and society provides for a clear regulation prescribed by the United Ossetia political party, which was outlined by the current President of South Ossetia in the framework of two election campaigns. The program of the current President of the Republic of South Ossetia A.I. Bibilov «Five steps to Russia» is part of the conventional model of interaction between government and society. Thus, the conventional model of interaction in South Ossetia also has the function of a regulator of public relations, providing an explanation of the current political reality, as well as movement towards a new political status, which provides for joining Russia.

Keywords: conventional model, effective interaction, government, society, South Ossetia, political reality, image of the future

About the author: Artur V. ATAEV. Candidate of Political Sciences. Associate Professor of the Department of Cultural Studies of the Moscow State Institute of Culture. Address: 7 Bibliotekhnaya str., Khimki, Moscow region, 141406. arturataev@gmail.com.

References

- Berger, P., Lukman, T. (2013), Social construction of reality. A treatise on the Sociology of Knowledge [Sotsialnoe konstruirovaniye realnosti.. Traktat po sotsiologii], URL: https://skepdic.ru/wpcontent/uploads/2013/05/Berger_Lukman_-_Sotsialnoe_konstruirovaniye_realnosti_Skepdic.ru.pdf. (In Russian)
- Weber, M. (1994), Favorites: The image of society [Izbrannoe: Obraz obshchestva], Moscow. (In Russian)
- Karavashkin, A.V. (2017), "Conventional models and the «life world» in cultural sources, [«Convenzionalnye modeli i zhiznennyi mir v istochnikakh kultury»]" *Bulletin of the Russian State University. The series «Literary studies. Linguistics. Cultural studies»*, № 5, URL: <https://history.rsu.ru/jour/article/viewFile/299/300>. (In Russian)
- Kachmazova, I.R. (2013), "Prospects for the development of South Ossetia: independence or entry into the Russian Federation? [«Perspektivy razvitiya Yuzhnoi Osetii: nezavisimost ili vkhozhdenie v RF?»]" *Bulletin of the Vladikavkaz Scientific Center*, № 2, URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/>

- perspektivy-buduschego-razvitiya-respubliki-yuzhnaya-osetiya-nezavisimost-ili-vhozhdenie-v-rf/viewer. (In Russian)
- Neusykhnin, A.I. (1994), «Empirical sociology» by Max Weber and the Logic of Historical Science [«Empiricheskaya sotsiologiya Maksa Vebera i logika istoricheskoi nauki», Weber M. Favorites: The Image of society, Moscow. (In Russian)
- Osmuk, L.A. (2004), Theoretical foundations of social conventionality [Teoreticheskie osnovaniya sotsialnoi konventsionalnosti]. Abstract of the dissertation of the Doctor of Social Sciences, Barnaul. (In Russian)
- Pushkareva, V.G. (2013), "Political Man: Political Reality and Political Discourse," [«Homo politicus: politicheskaiya realnost i politicheskii diskurs»] *Social sciences and modernity*, № 5. (In Russian)
- Sungurov, A.Yu. (2009), Models of interaction between civil society structures and authorities: Russian experience. Modernization of the Economy and globalization [Modeli vzaimodeistviya struktur grazhdanskogo obshchestva i organov vlasti: rossiski opyt. Modernizatsiya ekonomiki i globalizatsiya.]. In 3 books / Ed. by E.G. Yasin. Book 1. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, pp. 500-508, URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Sungurov_modeli.pdf (In Russian)
- Chimiris, E.S. (2020), "Legitimization of Power: towards the Formulation of an Operational Model [«Legitimizatsiya vlasti: k formulirovaniyu operatsionnoi modeli»]" *Humanities. Bulletin of the Financial University*, Vol. 10, No. 3 (45). (In Russian)
- Shkirchak, S.I. (2013), "On the issue of models of interaction between state power and civil society [«K voprosy o modelyakh vzaimodeistviya gosudarstvennoi vlasti i grazhdanskogo obshchestva»]" *Scientific bulletin*, № 22 (165), Issue 28. (In Russian)

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННОСТЬ

RUSSIA & WORLD: SCIENTIFIC DIALOGUE
**РОССИЯ
И МИР**
НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

«Предлагаемые рассказчиками повествования о прошлом племен в общем лишены какой бы то ни было историчности, как лишен историчности эпос – обстоятельства места и времени носят в нем условный характер... Результатом становится формирование специфического племенного нарратива, в котором известные политические события (вроде сирийского конфликта) “переводятся” на язык племен, обретают новую логику, которой и подчиняется поведение племенных лидеров. Кажущееся непоследовательным, иррациональным или оппортунистическим извне, оно может оказываться единственно возможным в рамках созданного нарратива».

Кузнецов В.А.

Племенной нарратив в политическом пространстве Сирии

«История Хорезма неразрывно связана с историей обводнения дельты Амударьи, которая периодически кардинально изменяла свои очертания. В зависимости от направления основного стока реки изменялся и антропогенный ландшафт; цветущие некогда оазисы приходили в запустение и поглощались песками. Спустя какое-то время, когда водный режим опять менялся, жизнь в них вновь возрождалась».

Болелов С.Б.

Древний Хорезм в эпоху раннего железного века
(модели формирования социально-экономической структуры древних обществ
на территории Южного Приаралья по археологическим данным)

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННОСТЬ

DOI: 10.53658/RW2022-2-1(3)-110-123

УДК: 338.14; 338.054.23

Племенной нарратив в политическом пространстве Сирии

Кузнецов В.А.

Институт востоковедения Российской академии наук (Москва, Россия)

Аннотация. Статья посвящена проблеме формирования и функционирования племенных нарративов в политическом пространстве Сирии. Показывается, как племенной нарратив выстраивается в форме эпического повествования, в рамках которого те или иные политические события обретают особую логику и наделяются новыми смыслами. Племя, осмысляющее политические отношения через призму этого нарратива, особым образом выстраивает коммуникацию с внешними по отношению к нему силами, в том числе и с государством. Проведенное исследование основывается как на открытых источниках, так и на материалах интервью автора с представителями племени хасана, взятых летом и осенью 2021 года. Результаты исследования, как представляется, могут быть полезны для изучения общих проблем трайбализма и отношений племен и государства на Ближнем Востоке.

Ключевые слова: племя, 'ашира, хасана, Сирия, сирийский конфликт, политический нарратив

Об авторе: КУЗНЕЦОВ Василий Александрович. Кандидат исторических наук. Заведующий Центром арабских и исламских исследований Института востоковедения Российской академии наук. ORCID 0000-0003-3646-4037. Адрес: 107031, Российская Федерация, Москва, ул. Рождественка, 12. cais@ivran.ru.

Введение

Настоящая статья посвящена проблеме функционирования племенного нарратива в политическом пространстве Сирии.

В первой части статьи предлагается общий обзор роли племен в общественно-политической жизни САР¹ и специфики государственной политики в отношении племен. Во второй части реконструируется пять племенных повествований, два из которых записано автором во время общения с представителями племени хасана летом и осенью 2021 года. Три повествования посвящены общей истории хасана, еще в одном, опубликованном в 2011 году Т. Шоелем, приводится конкретный эпизод 1979 года, связанный с конфликтом между хасана и фава'ира. И, наконец, в пятом говорится о событиях в Дер'ба в 2011 году. В последнем разделе статьи делаются выводы,

показывающие особенности племенного нарратива: роль в нем идей чести, благородства, доминирования, его антиисторичность, характерное для него персонифицированное восприятие политических отношений.

Задача, которая ставится в настоящем исследовании, может быть описана следующим образом: попытаться понять, на каких принципах выстраивается рассказ о политической реальности сирийских племен и, следовательно, коммуникация племен с другими политическими акторами, прежде всего – с государственной властью САР.

Материалы и методы

Методологически статья основывается на подходах, разрабатывавшихся автором в ряде публикаций, посвященных проблемам неомодернизма и возможностям изучения политических процессов при помощи реконструкции нарративов политических акторов (Кузнецов 2020). В самом общем виде эти подходы состоят в следующем. Политический процесс рассматривается в них как коммуникативное взаимодействие (диалог) между акторами, каждый из которых выстраивает свое поведение в соответствии с собственным представлением о политической реальности, выражающемся в нарративной форме. Это, в свою очередь, означает, что представление актора о реальности выстраивается, с одной стороны, логически (и хронологически), а с другой – литературно, посредством тропов. Соответственно, чтобы восстановить логику его поведения, необходимо реконструировать тот нарратив, в рамках которого он действует.

Источниковую базу исследования составили интервью автора с представителями племени хасана летом и осенью 2021 года; одни из них были взяты во время командировки в Сирию и встреч с шейхом Навафом, другие же были проведены удаленно. Кроме того, использовались уже опубликованные другими исследователями материалы племенных преданий.

Результаты исследования

Некоторые вехи племенной политики в Сирии

История племенной политики сирийского государства была довольно подробно исследована рядом авторов (Chatty 2010; Аганин 2018), показавших в своих работах сложную, маятниковую траекторию этих отношений, которые на протяжении всего XX века сохраняли характер, пусть и не всегда равноправного, но диалога между племенами и правительством. Некоторые специалисты обозначают период вплоть до прихода к власти партии Баас как «время шейхов» (заман аш-шуйух) (Schoel 2011, p. 102) – эпоху, когда племенные лидеры играли определяющую роль во внутриполитическом процессе.

1 Сирийской Арабской Республики.

Жесткая идеологизированная политика баасистов и насеристов (в период существования ОАР) в 1950–1960 годах сопровождалась давлением на племена, подрывом их социально-экономической базы и политического влияния. Принятый в 1958 году Акт № 166 от 28 сентября лишил их правового статуса, а баасистская конституция продемонстрировала решимость властей в стремлении покончить с трайбализмом, результатом чего среди прочего стала массовая миграция сирийских племен в другие страны, прежде всего в Саудовскую Аравию (Chatty 2010, p. 38). Тем не менее краткосрочность этого курса и некоторая его непоследовательность в контексте общего исторического развития страны не позволили в Сирии делегитимизировать племенной нарратив в той же степени, в какой это произошло в некоторых других государствах арабского мира (Египте, Тунисе), где он со временем стал восприниматься как совершенно маргинальный (Bisson 2012, p. 17; Kark, Frantzman 2012, p. 495). Даже в самых сложных условиях в регионе Бадия, занимающем более половины всей территории страны, сохранялись альтернативные, связанные с вождями племен, представления о власти (Chatty 2010, p. 30).

С приходом к власти Хафеза Асада сирийское правительство взяло курс на определенную политическую и правовую автономию племен. Новый глава государства не только способствовал возвращению в страну тех шейхов, что вынуждены были эмигрировать в 1958–1970 годах, но и негласно допускал использование традиционных механизмов арбитража в решении межплеменных конфликтов (Chatty 2010, p. 44). Этот курс, судя по всему, продолжался и при Башаре Асаде, кажется, по крайней мере до начала конфликта, не придававшим племенному фактору значительной роли во внутренней политике.

На протяжении всей истории сирийского парламентаризма племена получали представительство в высшем органе законодательной власти (даже в 1960-е годы). Если в 1943 году к ним принадлежало 7% депутатов (Chatty 2010, p. 47), то после 1982 года они получили 10% мест (Dukhan 2014, p. 6), а также стали играть заметную роль в аппарате безопасности, министерстве внутренних дел и в профильном для них министерстве сельского хозяйства (Dukhan 2014, p. 6). К 2007 году их парламентское представительство достигло 12% (Chatty 2010, p. 47). К 2022 году, согласно данным наших информантов, из 250 депутатов 21 был бедуином (8,5%), что «по проценту гораздо меньше, чем было раньше», причем есть племена, которые не получили представительства, хотя какие-то их члены и проходят в парламент от регионов².

Довольно сложно определить, насколько парламентское представительство соответствует социальной структуре сирийского общества. Ни сегодня, ни десятилетием ранее общая численность племенного населения в Сирии нигде официально не регистрировалась, однако Даун Чатти, ссылаясь на заявления тогдашнего министра здравоохранения, оценивает число бедуинов в 2007 году в 900 000 человек (5,5% населения)

² Довольно существенен в этом признании не только сам факт племенного представительства, но и то, что близкие к политическому руководству страны информанты легко оперируют подобной статистикой. Кузнецов В.А. Интервью с сирийскими информантами. Январь 2022 года [Kuznetsov V.A. Interview with Syrian informers. January 2022].

(Chatty 2010, p. 47). Другие исследователи также оперируют цифрами в 5–7%, некоторые говорят о 15% племенного населения (Dukhan 2014, p. 14). В то же время возглавляющий ‘ашира хасана шейх Наваф в 2021 году утверждал, что члены племен составляют до 40% населения страны³, некоторые другие источники говорят чуть ли не о 70% населения, относящих себя к различным племенам (Hussain 2018). Последняя цифра представляется чрезвычайно завышенной. Тем не менее, учитывая уровень урбанизации в 51–55% накануне конфликта и последующий взрывной рост численности городского населения (согласно данным UN-Habitat, в 2014 году она достигла 76% (Syria Urban Statistics, 2014)), а также то, что седентеризация и урбанизация далеко не сразу ведут к отказу от племенной идентичности, данные шейха Навафа представляются не совсем фантастическими. Вероятно, можно говорить о 5–10% населения, ведущего племенной образ жизни, и еще о 10–20%, сохраняющих племенную идентичность.

Таким образом, нельзя не согласиться с Х. Духаном, отмечающим (Dukhan 2014, p. 1), что, несмотря на общепринятое восприятие сирийского общества как преимущественно городского (что связано со спецификой государственностроительства (Khoury 1991)), в реальности племенной фактор сохраняет в нем существенное влияние. В особенности это касается конфедераций (каба’ил) ‘аназа и шаммар, широко представленных и в других государствах региона (в Ираке, Саудовской Аравии и др.).

Трансграничные связи племен не только не пресекались, но и поддерживались сирийским правительством как при Хафезе Асаде, так и при Башаре. Саудовское правительство оказывало племенам ‘аназа и политическую (см. далее), и финансовую помощь. Х. Духан упоминает о щедрых подарках, розданных королем Абдаллой бин ‘Абд аль-‘Азизом шейхам ‘аназа во время его визита в Сирию в 2010 году (Dukhan 2014, p. 17). О финансовой поддержке шейхов в доконфликтный период сообщали и наши информанты в Сирии, отмечая при этом, что в последние десять лет эта поддержка была прекращена для тех племен, которые сохранили лояльность Дамаску. Несмотря на то, что это неизбежно вело к росту зависимости шейхов от правительства, у них все же сохранялись и иные источники дохода, связанные прежде всего с нелегальной трансграничной торговлей, контрабандой оружия, а также (вероятно) с переводами от соплеменников, работавших в странах Залива (учитывая отключенность сирийских банков от SWIFT, речь может идти только о ввозе в страну наличных).

Так или иначе, вооруженное противостояние, развернувшееся в Сирии после 2011 года, редко позволяло племенам сохранять нейтралитет. Выбор стороны определялся разными факторами: территорией расселения, историей отношений с Дамаском, степенью зависимости от сирийского или зарубежных правительств и т.д. Несмотря на то, что принято считать, будто большинство сирийских племен встали на сторону оппозиции (Х. Духан даже считает возможным говорить о формировании монархиями Залива «племенного пояса» в противовес шиитскому (Dukhan 2014, p. 16)), в реальности довольно значительная их часть сохраняла лояльность правительству или же оказывалась расколотой.

³ Кузнецов В.А. Интервью с шейхом Навафом. Июль 2021 года [Kuznetsov V.A. Interview with Shaykh Nawaf. July 2021].

Немалую роль здесь играли не только внешние обстоятельства, но и внутри-племенные конфликты. Х. Духан в связи с этим приводит слова одного из представителей оппозиционно настроенного племени хадидин. Объясняя, почему некоторые племена раскололись, он отмечал, что Х. Асад десятилетиями содействовал оттеснению традиционных вождей и поддерживал лояльных ему шейхов, которые были тесно связаны с аппаратом государственной безопасности, однако не пользовались доверием среди рядовых членов племени: «Шейхи, которых режим создал внутри каждого племени, сейчас играют в игру режима, но они опозорили себя и свое племя, и придет время, когда они предстанут перед судом за свои преступления» (Dukhan 2014, p. 17).

При том, что целенаправленность такой политики властей подтверждается и иными источниками, нельзя не заметить, что во многих случаях внутриплеменные конфликты были связаны не со специальными действиями властей, а с процессами седентеризации, в результате которых шейхи превращались в крупных землевладельцев, что естественным образом вело к росту напряженности в их отношениях с рядовыми соплеменниками (Lange 2006).

Племенные предания хасана

В рамках дальнейшего анализа имеет смысл сосредоточиться на одном конкретном случае.

Речь пойдет о племени хасана, принадлежащем к конфедерации 'аназа. Одному из эпизодов в истории этого племени посвящена статья Торстона Шоеля (Schoel 2011), другие же примеры племенного нарратива были почерпнуты нами из общения с шейхом Навафом 'Абд аль-'Азизом летом 2021 года и некоторыми другими хасана осенью того же года.

Как Т. Шоель, так и все информанты начинают свой рассказ о племени с краткой экспозиции его истории и политического устройства.

Вот как представляет ее Т. Шоель. Он отмечает, что племя мигрировало в район Хомса из Северной Аравии в XVII веке, однако потом значительная его часть вернулась в Саудовскую Аравию, поселившись в Эр-Рияде и в Джидде. В период Арабского восстания племя активно поддержало эмира Фейсала и вместе с ним вошло в Дамаск в 1918 году. Однако во время мандата хасана демонстрировали полную лояльность французским властям и уже накануне сирийского конфликта с гордостью показывали Т. Шоелю хранящееся в мадафе⁴ соглашение, заключенное с французами шейхом Традом (Schoel 2011, p. 104).

Несмотря на то, что «время шейхов» кануло в Лету, обитавшие в стратегически важном районе хасана сохраняли существенное влияние на протяжении всего XX – начала XXI века.

На момент написания Т. Шоелем статьи во главе хасана стоял триумвират шейхов, принадлежавших к роду Мильхим: 'Абд аль-'Азиз бин Трад, член парламен-

та, и два его племянника – Мансур и 'Абд аль-Илах, сыновья брата шейха Тамира, 'Абд аль-'Азиза, который возглавлял племя с 1946 по 1998 год. Будучи старшим сыном, лидер саудовской ветви племени 'Абд аль-Илах носил титул шайх аш-шуйух, Мансур же считался его заместителем в Сирии (Schoel 2011, p. 96).

Один из хасана, рассказывая мне осенью 2021 года про свое племя, презентовал его совершенно иначе, не выходя за рамки принятого племенного нарратива. Он начал с описания генеалогии 'ашира (племени или рода) хасана, принадлежащих к дана муслим бутн вахб из фахз аль-манабиха, где дана, бутн и фахз обозначают объединения разного уровня. При том, что в русском языке для них нет очевидных терминологических аналогий, А.Р. Аганин предлагает переводить 'ашира как «род», дана – как «секцию» (Аганин 2018, с. 47), а бутн и фахд – как «линию» и «ветвь» (Аганин 2013, с. 19).

Тем самым хасана являются двоюродными братьями племени ар-раула (или ар-рвала), и подобно тому, как ар-раула в аш-Шам господствуют над всеми родами из батн аль-джилас, они господствуют над всеми родами из батн вахб.

Хасана были первым племенем из конфедерации 'аназа, переселившимся в Сирию. В результате многочисленных столкновений с различными племенами они сумели занять территорию в районе Хамы и Хомса и на протяжении веков отстаивать права на нее. Рассказчик довольно подробно говорит о битвах хасана с шаммар, ар-раула, аль-фад'ан, и особенно – с ранее владевшими этими землями аль-мавали, подчеркивая, что почти всегда хасана побеждали своих врагов. Попутно он приводит цитаты из работ европейских путешественников, упоминавших хасана в позитивном ключе.

Заканчивается рассказ обращением к памяти шейха Трада аль-Мульхима, возглавлявшего племя в период мандата. Рассказчик вспоминает о его касыдах, многие из которых были обращены к французскому верховному комиссару Жувенелю, который намеревался разделить Сирию на несколько небольших государств и поставить во главе одного из них – Бадии со столицей в Пальмире – шейха Трада:

Однако шейх Трад категорически отказался от этого предложения. Он отверг [возможность того, чтобы] Сирия не была единым государством со всеми своими регионами и составляющими, и произнес свою известную речь: “Мы не примем разделения нашей страны – единой арабской Сирии на государства, покуда грудной младенец не примет расчленения материнской груди. Великая наша мечта – построить Великую Сирию, а величайшая – чтобы вы ушли от нас”⁵.

При сравнении двух рассказов о племени бросается в глаза несколько моментов.

Европейскому исследователю принципиально важно ввести прошлое хасана в контекст общей истории Сирии, и потому он начинает с того, когда и откуда племя мигрировало в страну, как оно расселилось в современных государствах региона. Однако для представителя самого племени гораздо важнее показать, какое место хасана занимают в генеалогической системе арабских племен. Переселение в Сирию существенно потому, что означало занятие новых территорий, а также потому, что

4 Место племенных собраний и приема гостей.

5 Кузнецов В.А. Интервью с сирийскими информантами. Январь 2022 года [Kuznetsov V.A. Interview with Syrian informers. January 2022].

позволяет подчеркнуть первенство хасана среди всех племен 'аназа. Рассказ о следующих двух сотнях лет ведется таким образом, словно племя существует вовсе в безгосударственной среде – все сводится к отстаиванию земель от притязаний других племен и к доказательству собственной славы и могущества. В этой же связи приводятся и цитаты из путешественников. Так, дело доходит до XX века, когда племя вдруг начинает демонстрировать свой арабский и затем сирийский патриотизм, сначала встав на сторону эмира Файсала (против османов), а затем, в период мандата, оказавшись поборниками сирийской государственности. Здесь два нарратива вступают в прямое противоречие. Если Т. Шоель со ссылками на известные западные источники подчеркивает лояльность хасана французам, то десятью годами позже информант, напротив, подчеркивает неприятие шейхом Традом планов по разделению Сирии.

Наконец, третий рассказ о племени предлагает шейх Наваф.

Как и предыдущие рассказчики, он начинает с описания истории племени, однако представляет ее совершенно по-своему. Его не интересует ни переселение из Северной Аравии, ни войны хасана с другими племенами, о которых он вовсе не упоминает. Он начинает с утверждения, что «хасана выдвинулись во время борьбы с Мухаммедом ибн 'Абд аль-Ваххабом, пытавшимся распространить свою власть на территорию Сирии и Ирака». После этого он тут же переходит к борьбе хасана с османами, их участию в Арабском восстании, и, наконец, к участию в национально-освободительном движении против французов.

Борьба племени против джихадистов в 2010-е годы, о которой говорится в конце, таким образом, становится естественным продолжением той политической линии, которой племя придерживалось на протяжении последних двухсот лет, а сами радикалы становятся современным аналогом ваххабитов и других иностранных захватчиков. Характерно в этом отношении, что тремя основными врагами хасана оказываются французы (по всей видимости, символизирующие Запад как таковой), османы и ваххабиты (но не Аль Сауд, как стоило бы ожидать) – в сущности, те же силы, которым Дамаск противостоял и в 2010-е годы. Вполне естественно, что противники хасана 2010-х годов описываются не как оппозиция, а как преступники, террористы и наймиты внешних сил.

После краткого исторического обзора шейх разъясняет, какое место хасана занимают в современной Сирии и вообще на Ближнем Востоке. Несмотря на глубокую модернизацию и то, что многие представители хасана давно переселились в города, получили высшее образование и зачастую интегрировались в политическую элиту страны, племенная идентичность, как подчеркивает шейх Наваф, не только сохраняется, но даже укрепляется в последние годы. Немаловажную роль в этом играет трансграничный характер расселения хасана, члены которого обитают не только в Сирии, но также в Турции, Ираке, Саудовской Аравии и т.д. Будучи лояльны своим правительствам, они в то же время поддерживают внутривременные контакты на личном уровне, что, между прочим, создает возможности для развития племенной дипломатии и (как шейх признает в ходе дальнейшей дискуссии) основу для нефор-

мальной племенной экономики. Трансграничный характер расселения хасана настолько важен, что шейх несколько раз возвращается к этому моменту в своем повествовании.

Наконец, он делится соображениями о том, какую роль племена играли в истории региона: именно они, по его представлению, связывавшие между собой Хиджаз и Левант, были изначальными носителями и защитниками «арабскости» ('уруба), сердцем которой, естественно, была Сирия. Здесь племенная версия истории не без элегантности смыкается с официальной баасистской идеологией, для которой идея 'урубы была и остается центральной, даже если и интерпретируется по-разному (Наумкин 2021, с. 54).

Развивая идею о центральной роли племен в истории страны, шейх утверждает, что они были не только источниками и хранителями идентичности, но и основой государственности, определяя политический облик региона с доисламских времен.

Таким образом, «патриотический» элемент, который представлен во втором рассказе, в повествовании шейха Навафа становится ключевым. Как отмечает К. Лэндж, подчеркивание патриотичности (ватанийи) племени вообще довольно типично для современных сирийских племенных нарративов (хотя раньше такой традиции и не было) – во всех исследованных ею рассказах говорится о противостоянии шейхов иностранным захватчикам (Lange 2006, p. 945).

Отмечая многочисленность племенного населения, его важную роль в сирийском обществе, вроде бы шейх Наваф следует той же логике противопоставления города и племени, что можно видеть в некоторых других арабских странах. Так, если в прибрежных районах Туниса племена хилалийцев, мигрировавших в Магриб в XI веке, до сих пор воспринимаются как варвары-разрушители, то в южных, где еще сохраняются некоторые следы племенной культуры, – как носители истинной арабской культуры. В обоих случаях происходит своеобразное «переворачивание» устоявшихся исторических представлений: не «современный» город подчиняет себе «отсталые» племена, а племена распространяют свое влияние на города, оставаясь одновременно хранителями «арабскости» и культурной идентичности общества.

Вместе с тем нарратив шейха Навафа принципиальным образом отличается от иных в том, что, утверждая значимость племен, шейх подчеркивает их позитивный вклад в развитие сирийской государственности. Племена не враждебны государству (как в Тунисе), не подчинены ему (как у Т. Шоеля) и не существуют в параллельной реальности (как у второго рассказчика), а служат ему опорой – не случайно они отстаивают сирийскую независимость от многочисленных внешних врагов на протяжении всей истории.

Формирование именно такого нарратива, по всей видимости, корреспондирует с изменениями в руководстве племени, которые произошли на фоне конфликта, когда саудовская ветвь во главе с 'Абд аль-Илахом поддержала оппозицию, шейх Мансур вынужден был уехать в Саудовскую Аравию, 'Абд аль-'Азиз умер, а единственным лидером сирийской ветви хасана стал его сын Наваф, демонстрировавший свою полную

верность Дамаску и сосредоточивший в своих руках все рычаги управления – помимо статуса шейха он получил место в парламенте и в 2012 году возглавил лояльную правительству партию «Хизб аш-ша'б», хотя и не прервал отношений с соплеменниками за границей.

Для полноты картины рассмотрим еще два эпизода, демонстрирующих специфику племенного нарратива в Сирии – в отличие от предыдущих, они относятся не к общей самопрезентации племен, а к конкретным событиям их истории.

Первый из них приводится в вышеупомянутой статье Т. Шоеля и был поведен исследователю шейхом Мансуром.

Дело было в 1979 году. Однажды сыновья тогдашнего шейха Тамира бин Трада – девятнадцатилетний Трад и семнадцатилетний Муваффах отправились в город и столкнулись на дороге с молодежью из близкого к хасана племени фава'ира. Разгорелся спор о том, кто кому должен уступить дорогу: сыновья шейха апеллировали к более высокому положению своего племени и к собственному статусу. Фава'ира не уступали. Спор перетек в ссору, которая закончилась убийством Трада.

Прибыв в больницу, шейх Тамир увидел, что здание окружено кордонами полиции, и понял, что его сын мертв. Тогда он вернулся в мадафа, однако и там наткнулся на полицейские отряды. Договорившись с полицией об отводе сил, он собрал приближенных на совещание, которое было прервано приездом губернатора Латакии. Этот близкий к Х. Асаду алавит состоял в дружеских отношениях с шейхом и, опасаясь акций мщения со стороны Тамира, приехал сделать ему предложение от имени президента: «Назови, кого из фава'ира ты хочешь видеть мертвым, и вечером их привезут к городским часам Хомса» (Schoel 2011).

Тамир был возмущен – во-первых, тем, что его собеседник полагал, будто шейх может подвергнуть опасности жителей Хомса, а во-вторых, тем, что ему предложили просто убить кого-то – ведь этого ему не позволяла богобоязненность.

Во время похорон Трада, чтобы не допустить столкновений, Тамир обратился ко всем жителям из мечети: «Я сын этого города и я один из вас. Я люблю Хомс и вас, жители Хомса...» (Schoel 2011).

Чтобы не допустить кровопролития, он предложил фава'ира прийти к нему и подтвердить лояльность, гарантировав им неприкосновенность. Тех же, кто прийти откажется, ожидала смерть.

Соплеменникам шейха его позиция не понравилась – они обвинили его в страхе перед правительством или фава'ира, однако он ответил, что боится одного лишь Аллаха. Почти все фава'ира откликнулись на призыв, и похороны прошли без происшествий – на них присутствовали все шейхи конфедерации 'аназа.

Ситуация вновь накалилась весной. Родственники убийц Трада, все еще опасаясь мести, отказались отгонять скот на земли хасана, как это было заведено, и предпочли остаться на собственном небольшом пастбище, располагавшемся между полицейским участком и военными казармами вблизи города. Тамир считал такое поведение оскорбительным, ведь оно свидетельствовало о недоверии к его благородству (карама). Договорившись с ливанскими друзьями, шейх получил

два автомобиля американского стрелкового оружия и отправил к фава'ира своего друга-христианина предупредить, что через неделю на рассвете хасана придут к ним мстить за убийство Трада. Те не поверили, и когда в начале мая 1979 года 50 автомобилей хасана приехали на стоянку фава'ира, то не встретили никакого сопротивления. Результатом нападения стало более 50 убитых и множество раненых со стороны фава'ира, в то время как потери хасана были совсем небольшими. Поскольку нападавшие были в масках, правительство могло идентифицировать только тех из них, кто оказался ранен. Чтобы избежать формирования опасного прецедента, было принято решение их примерно наказать. Тогда шейх Тамир обратился к своему другу – королю Саудовской Аравии Халиду бин 'Абд аль-'Азизу, и тот срочно направил делегацию к Хафезу Асаду. Заверив последнего в том, что использовавшееся хасана оружие было получено ими в подарок от саудовских братьев, саудовцы убедили президента простить племя и забыть об этом деле. Х. Асад, всецело поглощенный разгоревшейся тогда борьбой с «Братьями-мусульманами» (Пир-Будагова 2015, с. 233–249), считал за лучшее согласиться с доводами саудовцев и не вступать в конфликт еще и с ними (Schoel 2011, p. 97–102).

Последний рассказ совсем короткий – он непосредственно связан с событиями 2011 года, когда были арестованы подростки, нарисовавшие антиправительственные граффити в г. Дер'я. Сам эпизод с расправой над ними широко известен и приводится едва ли не в любом рассказе о начале сирийского конфликта. Однако среди племен распространен следующий апокриф относительно дальнейших событий, его приводит в своей статье Х. Духан (Dukhan 2014), и, судя по проведенным нами интервью, он в целом довольно известен. Документальных подтверждений ему, разумеется, нет, люди, лично знакомые с антагонистом этой истории, очень сомневаются в том, что он мог себя вести подобным образом. Однако в данном случае важна сама популярность рассказа среди племенного населения.

После ареста молодых людей в городское отделение политической безопасности пришла делегация племен, которую принял руководитель отделения (и родственник президента Асада) Атеф Наджиб. Пришедшие попросили его отпустить детей. Традиционным жестом они подняли головы, сняли повязки и положили их на стол, сказав, что возьмутся за них снова, когда вопрос будет решен. Поскольку повязка на голове служит символом мужественности и чести в племенных традициях, обращаясь с серьезной просьбой, бедуины снимают ее, демонстрируя тем самым свою приниженность и ожидая, что собеседник ответит им положительно. Однако вместо этого Наджиб взял со стола повязки старших племенных шейхов и выбросил их в мусорное ведро. Ответом на оскорбление стала первая демонстрация в Дер'я, организованная племенами аз-зуби и аль-масалмих. Это дало начало проведению «племенных пятниц» в знак признания участия сирийских племен в протестах против сирийского режима (Dukhan 2014, p. 7–8).

В двух последних эпизодах можно видеть те особенности племенного нарратива, которые не столь заметны при описании общей истории племен и касаются исторической роли индивидуумов.

Выводы

Если сравнить все приведенные повествования, то можно выделить некоторые их общие черты.

Во-первых, во всех них главными героями оказываются племенные шейхи. Им приписываются такие неизменные качества, как храбрость, благородство и патриотизм (ватанийя). Именно неверие в его благородство заставляет Тамира бин Трада наказывать фава'ира, не считаясь при этом с возможными последствиями, а чувство патриотизма к родному городу заставляет его отказаться от мести обидчикам. В то же время в рассказе о Дер'ба хамству офицера противопоставляется благородство шейхов.

Во-вторых, все упоминаемые конфликты разворачиваются из-за чести. Одни молодые люди не уступают дорогу другим, и начинается стрельба, фава'ира не верят в благородство шейха Тамира, и это приводит к пяти десяткам жертв; наконец, восстание в Дер'ба начинается не из-за гибели молодых людей, но из-за оскорбления, нанесенного офицером госбезопасности племенным лидерам. Во всех случаях честь и демонстрация уважения оказываются важнее жизни отдельных людей. Характерно при этом, что рассказ о событиях в Дер'ба очень похож на южнотунисское повествование о восстании в Сиди-Бу-Зиде, начавшемся после самосожжения местного торговца фруктами Мухаммеда Буазизи 17 декабря 2010 года. Если в тунисском случае оскорбление, якобы нанесенное женщиной – офицером полиции торговцу, привело к самоубийству Буазизи и массовым протестам его соплеменников, то в Сирии, согласно рассказу, оскорбление шейхов со стороны офицера госбезопасности привело к восстанию. В тунисской истории роль родства вымышленная, сирийская же история апокрифична. Однако в обоих случаях важно само появление этих историй, благодаря которым событие вписывается в логику племенного нарратива. Импульс, давший начало массовым протестам, революции, вооруженному конфликту, получает вполне приемлемое с точки зрения племенного повествования объяснение, и таким образом такое объяснение получают и все последующие события.

В-третьих, отношения племен с окружающим миром – это всегда отношения доминирования / подчинения, немаловажную роль в которых неизменно играет страх. К. Лэндж отмечает при этом, что

господство, основная тема всех этих нарративов, неизменно реализуется за пределами племенной группы – там племя подчиняет себе соседей или сопротивляется колонизаторам. Неравенство, процессы доминирования и конфликты внутри племени исключаются из «официального» нарратива племенной истории (Lange 2006, p. 960).

При этом отношения доминирования развиваются по-разному. Если речь идет о взаимодействии между племенными группами, то дело неизменно сводится к тому, кто кем повелевает. Когда же говорится о взаимодействии племен и «своего» государства, племена признают власть последнего, если оно уважает их традиционные права. При этом племена готовы проявить свою верность государству в случае его столкновения с внешними врагами.

В-четвертых, отношение племен к государству амбивалентно. С одной стороны, последнее воспринимается как внешняя и в целом довлеющая сила. С другой – оно рассматривается как возможный партнер для диалога, а также как пространство отстаивания племенных интересов (обращение Тамира бин Трада к королю Саудовской Аравии) и как источник ресурсов (в данном случае – политических). Не случайно в рассказе о событиях 1979 года подчеркиваются связи племенных лидеров и с губернатором Латакии, и с Хафезом Асадом, и с саудовским королем.

Наконец, в-пятых, во всех рассказах можно наблюдать феномен персонификации власти. Любой конфликт между представителями племен – это всегда конфликт между племенами как таковыми, личное достоинство шейха – это и достоинство всего племени, и т.д. Такая же персонификация переносится и на государство, которое неизменно представляют конкретные люди, находящиеся в тех или иных личных отношениях с племенами.

Довольно очевиден эпический характер сирийского племенного нарратива – все рассказчики, обращаясь к истории племени, нанизывают в своем повествовании один эпизод за другим, и в каждом эпизоде племя побеждает своих врагов, подобно тому, как это рассказывается в классических арабских героических эпосах (например, в «Тагрибат Бани Хилаль» или в «Сире Антара бин Шаддада»)

Предлагаемые рассказчиками повествования о прошлом племен в общем лишены какой бы то ни было историчности, как лишен историчности эпос – обстоятельства места и времени носят в нем условный характер. Если в 2000-е годы в рассказах подчеркивалось позитивное отношение хасана к олицетворяемому французами Западу, их тесные отношения с саудовскими лидерами, то в 2021–2022 годах вся история племени сводится к борьбе с врагами за единство сирийской государственности. Структурно и функционально идентичные друг другу эпизоды нанизываются на нитку времени, отрицая какое бы то ни было развитие, однако усиливая друг друга и подчиняясь политической конъюнктуре.

Связующим тропом повествования здесь становится простая метонимия, позволяющая соотносить отдельных шейхов с их племенами, отдельных чиновников с государством, эпизоды сто-, двухсот- или трехсотлетней давности друг с другом и с современностью, племя с государством и т.д.

Результатом становится формирование специфического племенного нарратива, в котором известные политические события (вроде сирийского конфликта) «переводятся» на язык племен, обретают новую логику, которой и подчиняется поведение племенных лидеров. Кажущееся непоследовательным, иррациональным или оппортунистическим извне, оно может оказываться единственно возможным в рамках созданного нарратива.

Источники

- Аганин, А.Р. (2013), Племена, кланы и семейства Катара [Tribes, Clans and Families of Qatar]. Москва: Институт Ближнего Востока.
- Аганин, А.Р. (2018), Племена Сирийской пустыни и долины Евфрата [Tribes of the Syrian Desert and Euphrates Valley]. Москва: Институт Ближнего Востока.
- Кузнецов, В.А. (2020), "Концепция неомодерна: новые рамки политического бытия. Ближневосточный кейс" [Neo-Modernity: A New Framework for Political Reality. The Middle Eastern Case], Восточный курьер, № 3–4, с. 27–43. DOI: 10.18254/S268684310012374-9.
- Наумкин, В.В. (2021), "Современный конвергентный арабский национализм в зеркале исторической памяти" [Modern Convergent Arab Nationalism in the Mirror of Historic Memory], Полис. Политические исследования, № 6, с. 42–59. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.06.04>.
- Пир-Будагова, Э.П. (2015), История Сирии. XX век [History of Syria. 20th Century]. Москва: ИВ РАН.
- Bisson, V. (2012), "Tunisie post-Ben Ali: le réveil des solidarités tribales? Retour dans un Sud communautarisé en pleine transition" [The Awakening of Tribal Solidarity? Return to a Communitarian South in Transition], Maghreb-Machrek, No. 212, pp. 15–26.
- Chatty, D. (2010), "The Bedouin in Contemporary Syria: The Persistence of Tribal Authority and Control," Middle East Journal, Vol. 64, No. 1, pp. 29–49.
- Dukhan, H. (2014), "Tribes and Tribalism in the Syrian Uprising," Syria Studies, Vol. 6, No. 2, pp. 1–28.
- Hussain, A. (2018), "Analysis: Division Defines Syria's Tribes and Clans," The New Humanitarian: Syria Deeply, January 16. URL: <https://deeply.thenewhumanitarian.org/syria/articles/2018/01/16/analysis-division-defines-syrias-tribes-and-clans> (accessed 24.01.2022).
- Kark, R., Frantzman, S.J. (2012), "Empire, State and the Bedouin of the Middle East, Past and Present: A Comparative Study of Land and Settlement Policies," Middle Eastern Studies, Vol. 48, No. 4, pp. 487–510.
- Khoury, P.S. (1991), "Continuity and Change in Syrian Political Life: The Nineteenth and Twentieth Centuries," The American Historical Review, Vol. 96, No. 5, pp. 1374–1395.
- Lange, K. (2006), "Heroic Faces, Disruptive Deeds: Remembering the Tribal Shaykh on the Syrian Euphrates," Nomadic Societies in the Middle East and North Africa. Ed. D. Chatty. Leiden: E.J. Brill, pp. 940–965.
- Schoel, T. (2011), "The Hsana's Revenge: Syrian Tribes And Politics In Their Shaykh's Story," Nomadic Peoples, Vol. 15, No. 1, pp. 96–113.
- Syria Urban Statistics. UN Habitat. 2014. URL: <https://unhabitat.org/syria-urban-statistics> (accessed 24.01.2022).

DOI: 10.53658/RW2022-2-1(3)-110-123

Tribal narrative in the Syrian political universe

Vasily A. Kuznetsov

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Abstract: The following article deals with the problem of formation and functioning of tribal narratives in the political universe of Syria. The author shows how tribe narrative is structured in the form of epic narration within the framework of which different political events acquire a special logic and vested with new connotations. The tribe which comprehends political relations through the prism of this narrative, structures its communication with forces external relative to it, the state included, in a special way. The accomplished research is based both on open sources and on materials of the author's interviews with the representatives of Hsana tribe, which he took in summer and autumn 2021. The results of the research, as it seems, could be useful for studying the general problems of tribalism and relations of tribes and state in the Middle East.

Keywords: tribe, 'ashira, Hsana, Syria, Syrian conflict, political narrative

About the author: VASILY A. KUZNETSOV – PhD (History), Head of the Center for Arab and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. ORCID 0000-0003-3646-4037. Address: 107031, Russia, Moscow, Rozhdestvenka st., 12. cais@ivran.ru.

References

- Aganin, A.R. (2013), Tribes, Clans and Families of Qatar [Plemena, klany i semejstva Katara]. Moscow: Institut Blizhnego Vostoka. (In Russian)
- Aganin, A.R. (2018), Tribes of the Syrian Desert and Euphrates Valley [Plemena Sirijskoj pustyni i doliny Evfrata]. Moscow: Institut Blizhnego Vostoka. (In Russian)
- Bisson, V. (2012), "Tunisiaafter Ben Ali: The Awakening of Tribal Solidarity? Return to a Communitarian South in Transition," Maghreb-Machrek, No. 212, pp. 15–26. (In French)
- Chatty, D. (2010), "The Bedouin in Contemporary Syria: The Persistence of Tribal Authority and Control," Middle East Journal, Vol. 64, No. 1, pp. 29–49.
- Dukhan, H. (2014), "Tribes and Tribalism in the Syrian Uprising," Syria Studies, Vol. 6, No. 2, pp. 1–28.
- Hussain, A. (2018), "Analysis: Division Defines Syria's Tribes and Clans," The New Humanitarian: Syria Deeply, January 16. URL: <https://deeply.thenewhumanitarian.org/syria/articles/2018/01/16/analysis-division-defines-syrias-tribes-and-clans> (accessed 24.01.2022).
- Kark, R., Frantzman, S.J. (2012), "Empire, State and the Bedouin of the Middle East, Past and Present: A Comparative Study of Land and Settlement Policies," Middle Eastern Studies, Vol. 48, No. 4, pp. 487–510.
- Khoury, P.S. (1991), "Continuity and Change in Syrian Political Life: The Nineteenth and Twentieth Centuries," The American Historical Review, Vol. 96, No. 5, pp. 1374–1395.
- Kuznetsov, V.A. (2020), "Neo-Modernity: A New Framework for Political Reality. The Middle Eastern Case [Konceptiya neomoderna: novye ramki politicheskogo bytiya. Blizhnevostochnyi keis]," Oriental Courier, No. 3–4, pp. 27–43. DOI: 10.18254/S268684310012374-9 (In Russian)
- Lange, K. (2006), "Heroic Faces, Disruptive Deeds: Remembering the Tribal Shaykh on the Syrian Euphrates," Nomadic Societies in the Middle East and North Africa. Ed. D. Chatty. Leiden: E.J. Brill, pp. 940–965.
- Naumkin, V.V. (2021), "Modern Convergent Arab Nationalism in the Mirror of Historic Memory [Sovremennyyi konvergentnyi arabskii nacionalizm v zerkale istoricheskoy pamyati]," Polis. Political Studies, No. 6, pp. 42–59. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.06.04> (In Russian)
- Pir-Budagova, E.P. (2015), History of Syria. 20th Century. Moscow: IOS RAS, 2015. (In Russian)
- Schoel, T. (2011), "The Hsana's Revenge: Syrian Tribes And Politics In Their Shaykh's Story," Nomadic Peoples, Vol. 15, No. 1, pp. 96–113.
- Syria Urban Statistics. UN Habitat. 2014. URL: <https://unhabitat.org/syria-urban-statistics> (accessed 24.01.2022).

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННОСТЬ

DOI: 10.53658/RW2022-2-1(3)-124-139

УДК: 904

Древний Хорезм в эпоху раннего железного века (Модели формирования социально-экономической структуры древних обществ на территории Южного Приаралья по археологическим данным)

Болелов С.Б.

Государственный музей искусств народов Востока (Москва, Россия)

Аннотация. В данной статье рассматривается ранний период становления земледельческой цивилизации на территории древней дельты Амударьи в Южном Приаралье – Древнего Хорезма. Основной проблемой, которая долгие годы остается дискуссионной, является время начального этапа становления древнеземледельческой культуры и урбанизации на территории Хорезма. Кроме того, до настоящего времени не до конца ясна роль автохтонного населения низовьев Амударьи в этих процессах, а также степень влияния на них земледельческих культур юга Средней Азии. На основании археологических источников в эпоху раннего железного века Хорезма – VII–V вв. до н.э. выделяются два этапа. На раннем, сако-куясайском этапе, VII – начало VI в. до н.э. – начало постоянного обводнения Присаракамышской дельты на территории Левобережья Амударьи в результате взаимодействия двух различных по происхождению и по способу ведения хозяйства групп скотоводов – формируется довольно устойчивая палеоэкономическая система, основой которой было преимущественно отгонное пастбищное скотоводство и примитивное мотыжное земледелие. В стационарных поселениях оседлых скотоводов (Куюсайская культура) функционировало общинное ремесленное производство. Второй этап – архаический период истории Хорезма (VI–V вв. до н.э.) характеризуется внедрением передовых технологий (ирригация, строительство, гончарное производство), которые появились на территории Южного Приаралья в результате мощного культурного импульса из южных древнеземледельческих областей Средней Азии. В этот период кардинально изменяется палеоэкономическая система историко-культурной области, где доминантой становится земледелие на базе искусственного орошения. При этом необходимо подчеркнуть, что эти изменения не связаны со сменой населения. Хорезмийская земледельческая культура в период РЖВХ-II рождается в результате взаимодействия автохтонного, преимущественно скотоводческого, сако-куясайского населения Присаракамышья и групп земледельцев и ремесленников, выходцев из древнеземледельческих областей юга Средней Азии.

Ключевые слова: Южное Приаралье, Древний Хорезм, городище, курганный могильник, ирригация, археологический комплекс, лепная керамика

Об авторе: БОЛЕЛОВ Сергей Борисович, кандидат исторических наук, заведующий Отделом истории материальной культуры и древнего искусства. Государственный музей искусств народов Востока. Москва, Никитский бульвар, 12а, Россия. ORCID: 0000-0003-1423-293X; BSB1958@yandex.ru

Введение

Южное Приаралье (территория к югу от бывшего южного и юго-восточного побережья Аральского моря) является частью обширной области на севере Средней Азии, которая простирается от восточного побережья Каспийского моря на западе до Центрального Казахстана на востоке; зоны Приуральских степей на севере, до южных окраин пустынь Каракум и Кызылкум на юге (Вайнберг, 1999, с. 18). На территории Южного Приаралья особое место занимают низовья великих среднеазиатских рек Амударьи и Сырдарьи, которые берут свое начало в высокогорных районах Памира и Тянь-Шаня, пройдя через пустынные области Кызылкумов и Каракумов, разливались широкими дельтами перед впадением в Аральское море. История функционирования древних гидрографических систем этих двух рек неразрывно связана с историей освоения человеком Приаральского региона, которая насчитывает уже без малого семь тысячелетий. В условиях аридного климата жизнедеятельность людей целиком и полностью зависела от режима обводнения этих областей, периодически изменявшегося. Особенностью этнокультурной истории Южного Приаралья, обусловленной своеобразными природными условиями, где пустынные территории вплотную соприкасаются обводненными дельтовыми районами, является тесное взаимодействие земледельцев и скотоводов. Зачастую на одной сравнительно небольшой по площади территории (например, Присаракамышская дельта Амударьи) сосуществовали различные по этническому происхождению группы населения и хозяйственно-культурные типы (далее – ХКТ). В определенные периоды времени это взаимодействие преобразовывалось в достаточно устойчивую социально-экономическую структуру.

Хорезм (область в низовьях Амударьи) является одной из древнейших историко-культурных областей Средней Азии. Он упоминается уже в Авесте, наряду с другими областями, «...где рек судоходных широкие потоки стремят свое течение...» (Авеста, Яшт 10)¹. Однако развитие культуры в этой области в силу особенностей географического положения и природных условий несколько отличалось от поступательно развивавшихся древнеземледельческих культур южных областей Средней Азии.

В данной статье предлагается реконструкция палеоэкономической и социальной структуры древнего общества, которая формировалась на территории региона в первой половине I тыс. до н.э., то есть в период, предшествовавший становлению в низовьях Амударьи первого государственного образования. Динамика этих процессов, насколько мы можем судить по известным и доступным в настоящее время мате-

¹ Авеста. Избранные гимны из Видевдата. Перевод с авестийского И. Стеблин-Каменского. М., 1993.

риалам, в значительной, если не в основной, степени зависела от природной и гидрографической ситуации, складывающейся в области дельты в определенные периоды указанного выше хронологического отрезка.

Материалы и методы

Основным источником для этой статьи послужили археологические материалы, полученные в ходе исследований Хорезмской археолого-этнографической экспедиции ИЭ АН СССР, которые проводились на территории Южного Приаралья более 50-ти лет, на отдельных памятниках при непосредственном участии автора. Для интерпретации археологических данных привлекались сведения доступных письменных источников, в первую очередь античных авторов (Ктесий, Геродот, Птоломей, Курций Руф) и эпиграфические памятники, которые были найдены в процессе археологических раскопок. В первую очередь это персидские документы периода Ахеменидов из Персеполя, надписи III–II вв. до н.э. на хорезмийском языке из раскопок культовых центров Кой-Крылган-кала и Калалы-гыр 2, отчасти архив II–III вв. н.э., найденный во дворце городища Топрак-кала.

В процессе исследования археологических комплексов, когда это было возможно, использовалась методика сравнительно-типологического анализа. В заключении, где предлагаются возможные варианты реконструкции социально-экономической структуры, привлекался широкий круг аналогий и параллелей, а также этнографические данные.

Результаты исследования

История Хорезма неразрывно связана с историей обводнения дельты Амударьи, которая периодически кардинально изменяла свои очертания. В зависимости от направления основного стока реки изменялся и антропогенный ландшафт; цветущие некогда оазисы приходили в запустение и поглощались песками. Спустя какое-то время, когда водный режим опять менялся, жизнь в них вновь возрождалась.

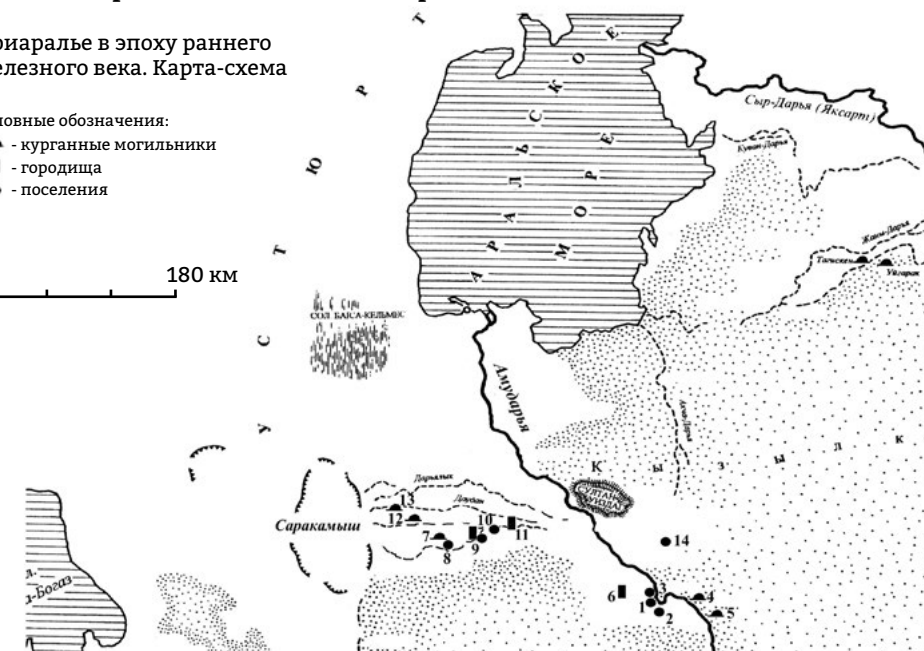
Во второй половине II – начале I тыс. до н.э. была обводнена только восточная Акчадарьинская дельта Амударьи (Правобережный Хорезм), где во второй половине II тыс. до н.э. формируется Тазабагьябская культура эпохи бронзы, хозяйство которой можно охарактеризовать как комплексное земледельческо-скотоводческое (Итина, 1977, с. 176–187). Позднее, уже в начале I тыс. до н.э., на этой же территории появляются поселения Амирабадской археологической культуры эпохи поздней бронзы, которую можно рассматривать как прямую наследницу Тазабагьябской археологической культуры. Хозяйство амирабадцев также было комплексным, однако с большей долей скотоводства, нежели раньше. Кроме того, определенно можно говорить о том, что в этот период времени происходит выделение полукочевого типа скотоводства (Итина, 1977, с. 193).

Рисунок 1. Карта. Памятники РЖВ Хорезма

Приаралье в эпоху раннего железного века. Карта-схема

Условные обозначения:
▲ - курганные могильники
■ - городища
● - поселения

0 180 км

1 - Хумбузтепе; 2 - Караташ; 3 - Ташсага; 4 - м-к Мешекли; 5 - м-к Уч-Очак; 6 - Хазарасп; 7 - м-к Сакар-чага; 8 - Куюсайское поселение; 9 - Кюзеги-Гыр; 10 - Яссы-Гыр; 11 - Калалы-Гыр; 12 - м-к Тумек-Кичиджик; 13 - м-к Тарым-Кая; 14 - Дингильдже

На рубеже VIII–VII вв. до н.э. сток по Акчадарьинским руслу резко сокращается (Низовья..., 1960, с. 66). Это стало причиной миграции амирабадцев в пределы северной части дельты и далее в низовья Сырдарьи (Итина, 1998, с. 88). Кризис культуры эпохи поздней бронзы на территории Хорезма был глубоким и необратимым; с изменением гидрографической и экологической ситуации была разрушена палеоэкономическая система, сложившаяся на этой территории во второй половине II – начале I тыс. до н.э.

В конце VIII – начале VII вв. до н.э. начинается обводнение западной Присаракамышской дельты (Вайнберг, 1991, с. 126). В это время на безлюдных равнинах левобережья Амударьи появляются две различные по происхождению и культурным традициям группы населения, которые были мигрантами и никак не были связаны с предыдущей Амирабадской культурной традицией. Именно рубеж VIII–VII вв. до н.э. и следует считать начальным этапом раннего железного века в Хорезме (далее – РЖВХ), начальный этап которого связан с территорией Присаракамышской дельты Амударьи (рис. 1).

В начале 70-х годов XX в. на берегу Южного Давдана (руслового протока Присаракамышской дельты) проводились раскопки поселения Куюсай 2. Здесь раскопаны крупные наземные дома каркасной конструкции и землянки глубиной до 3 м. В это

же время исследовались курганные могильники Тумек-Кичиджик и Тарым-Кая I. Погребение совершалось по обряду труположения в небольших грунтовых ямах (Вайнберг, 1979, с. 27-42). В процессе раскопок получен характерный археологический комплекс. Вся керамика местного производства, изготовленная вручную из глины с обильными примесями дресвы, иногда органики и толченой ракушки, обжигалась в костре. Это были небольшие кружки и горшки с одной петлевидной ручкой, цилиндрические плоскодонные сосуды – «стаканы», кувшиновидные сосуды с одной ручкой, горшки различных размеров с невысокой горловиной и шаровидным сферическим туловом, сосуды с трубчатым носиком-сливом. В комплексе выделяется группа горшков с округлым дном на плоском дисковидном или невысоком кольцевидном поддоне (Вайнберг 1979, с. 13). Подобный способ формовки нижней части сосуда известен на памятниках федоровского типа (поздняя бронза). Такая керамика представлена в смешанных срубно-федоровских комплексах Башкирии и Поволжья (Кузьмина 1986, с. 157-158). В комплексе есть также гончарная посуда середины VII–VI вв. до н.э. (комплекс типа Яз-II), происходящая из южных сельскохозяйственных областей Средней Азии (Вайнберг, 1977, с. 35). На поселении найдены орудия труда, изделия из железа (Вайнберг 1979, с. 16; табл. X). Однако о металлургии железа на Куюсайском поселении говорить не приходится, так как в низовьях Амударьи, да и во всем южном Приаралье рудопроявлений железа нет. Можно предполагать здесь кузнечное производство, работавшее на привозных полуфабрикатах (кричное железо) (Вайнберг 1979, с. 24). В культурном слое встречаются литки меди и изделия из медных сплавов. О бронзолитейном производстве свидетельствует находка части бракованного удила (Вайнберг 1975, с. 45). На памятнике зафиксированы следы ювелирного производства – обработка бирюзы; встречаются полуфабрикаты и бракованные изделия, в основном это бусы и подвески ромбовидной формы (Вайнберг 1977, с. 44).

Основой хозяйства обитателей поселения Куюсай 2 было полукочевое скотоводство с преобладанием в стаде крупного рогатого скота, лошадей и верблюдов, в общем – 55%. На поселении найдены зернотерки и куранты, свидетельствующие о занятии земледелием. Следы искусственной ирригации отсутствуют (Вайнберг 1979, с. 23-24). Поселение Куюсай 2 датируется на основании различных категорий находок, прежде всего наконечников стрел, в пределах VII–VI вв. до н.э. (Вайнберг 1979, с. 42-43).

Своеобразный археологический комплекс был выделен Б.И. Вайнберг в отдельную Куюсайскую культуру и сформулирована гипотеза о моноэтничности населения Присаракамышской дельты в эпоху РЖВХ. Первоначально Куюсайская культура, не связанная с предыдущей Амирабадской культурой, была отнесена к кругу сакских культур (в широком смысле этого слова) (Вайнберг 1975, с. 48). Позднее был сделан вывод о том, что «по общему облику культуры поселение Куюсай 2 несомненно отличается от сакских памятников» (Вайнберг 1977, с. 45), а носители куюсайской культуры – это группа иранцев-скотоводов, отождествляемая с древними хорасмскими, к VII в. до н.э. продвигнувшимися к северным границам Ирана, а затем, в начале VII в. до н.э., мигрировавшими в обводненную Присаракамышскую дельту (Вайнберг 1979,

с. 45-52; 1992, с. 117). М.А. Итина высказала другую точку зрения. Куюсайская культура, по ее мнению, сформировалась в результате взаимодействия двух компонентов. На раннем этапе она демонстрирует черты, сближающие ее с сельскохозяйственными культурами юго-западных районов Средней Азии, причем речь может идти и о возможной инфильтрации каких-то этнических групп из этих районов, но основой ее был местный сакский компонент (Итина 1979, с. 5-6).

Позднее на территории Присаракамышской дельты на возвышенности Сакар-чага, у подножья которой находится поселение Куюсай 2, были открыты курганные могильники, которые изменили представления о формировании культуры и ходе этногенетических процессов на раннем этапе раннего железного века Хорезма (далее – РЖВХ). Захоронения по обряду кремации и по обряду труположения совершались как в ямах, так и на уровне древнего горизонта. По характеристикам погребального обряда они обнаруживают прямые параллели с памятниками эпохи раннего железа азиатской части степей (Яблонский 1998, с. 38-39). Среди погребального инвентаря могильников Сакар-чага представлена лепная керамика, во многом сходная с куюсайской: горшки с трубчатым носиком-сливом, небольшие плоскодонные сосуды-чаши, цилиндрические или невысокие усеченно-конические кружки, горшковидные сосуды со сравнительно высокой горловиной и раздутым шаровидным туловом. Здесь же, как и на Куюсайском поселении, найдена гончарная посуда типа Яз-II и керамика архаического Дахистана.

В захоронениях сакских курганов найдены бусы, серьги, подвески с бирюзовыми вставками, полностью аналогичные подвескам из поселения Куюсай 2 (Яблонский 2017, с. 113), железные и бронзовые ножи, каменные зернотерки и оселки. В женских захоронениях обнаружены каменные жертвенники (Яблонский, 1986, с. 31-34). В комплексе Сакар-Чага представлены предметы вооружения, детали конской упряжи, предметы, выполненные в классических традициях «скифо-сибирского звериного стиля». Это розетка и семь подпружных пряжек. В центре розетки помещено изображение свернувшегося в кольцо хищника кошачьей породы. На двух пряжках также изображен свернувшийся в кольцо хищник; пять пряжек выполнены в виде головы грифона. Принадлежность этих предметов к ранним формам скифо-сибирских изображений, которые датируются довольно широко – в пределах VIII–VII вв. до н.э., не вызывает сомнения (Яблонский, 1996, с. 48). По наконечникам стрел Сакарчагинские ранние комплексы датируются в пределах конца VIII–VII вв. до н.э. (Яблонский 1996, с. 52).

Никаких конкретных данных о хозяйстве населения, хоронившего своих умерших на возвышенности Сакар-Чага, нет. Возможно, они занимались разведением крупного рогатого скота и лошадей, не последнее место в их хозяйстве занимали охота и рыболовство, что дало основание охарактеризовать эту группу населения как полуседлых скотоводов (Яблонский 1996, с. 58, 59, 65).

Совокупность всех археологических данных, приведенная выше, никак не свидетельствует в пользу гипотезы о монокультурности населения Присаракамышской дельты на раннем этапе ЖВХ. В это время в Левобережном Хорезме происходило взаимодействие разных по происхождению и культурным традициям групп населения

(Яблонский 1998, с. 38; Вайнберг 1999, с. 155), что подтверждается и данными палеоантропологии. В результате межгруппового краниологического анализа установлено, что территория Южного Приаралья заселялась разными группами скотоводов из разных, причем весьма отдаленных друг от друга, районов. Население, оставившее могильники сакского культурного типа, по данным антропологии, связано с восточным, «сакским», ареалом степи, здесь фиксируется комплекс краниологических признаков, свидетельствующий о монголоидной примеси, особенно отчетливо проявляющейся на женских черепах. Прародина населения, оставившего памятники второй группы (Куюсайской), располагалась в Волго-Уральских степях (Яблонский 1991, с. 3-11; 1996, с. 45-46; 1996а, с. 45-46; 2005; с. 781; 2015, с. 94-99).

В процессе взаимодействия этих двух групп населения в Левобережном Хорезме формируется взаимосвязанная палеоэкономическая система, базировавшаяся на природных и водных ресурсах области проживания. Оседлое население, в данном случае – обитатели Куюсайского поселения, обеспечивало скотоводов продуктами ремесла и сельского хозяйства (Болелов, 2010 с. 414; 2016 с. 25). Видимо, следует говорить об археологической культуре РЖВХ как о явлении эпохальном, а конец VIII–VII вв до н.э. следует считать ранним периодом этой культуры РЖВХ-I (сако-куюсайским), когда в результате консолидации двух компонентов формируется этнокультурная общность, ставшая тем фундаментом, на котором возникла древнехорезмийская цивилизация.

В самом конце VII – начале VI в. до н.э. на территории Южного Приаралья происходят коренные изменения в социальной и экономической системах, что привело к скачкообразной трансформации в материальной и духовной культуре региона (Итина, Яблонский, 1997, с. 81; Рапопорт, 1998, с. 30).

Рубеж VII–VI вв. до н.э. можно считать началом второго периода РЖВХ. В археологической литературе он называется «архаическим периодом» и подразделяется на два этапа: ранний (рубеж VII–VI – начало V в. до н.э.) и поздний (вторая половина V – первая половина IV в. до н.э.).

В этот период начинается новый этап в хозяйственном освоении области низовьев Амударьи: возникают первые ирригационные сооружения, возводятся здания из форматного сырцового кирпича. Керамика изготавливается на гончарном круге, появляется двухъярусный обжигательный керамический горн. Это связано с культурным импульсом из южных древнеземледельческих областей Средней Азии, прежде всего Маргианы (юго-восточные районы Кара-Кумов). Нет никаких оснований считать, что на территорию Хорезма переселились или были переселены большие группы народа из южных областей (Воробьева, 1979, с. 38-41; Рапопорт, 1998, с. 30). Видимо, речь может идти об инфильтрации каких-то групп населения, прежде всего ремесленников, покидавших уже недостаточно обводненные протоки дельты Мургаба.

Наиболее ранний археологический комплекс периода РЖВХ-II получен на поселении Хумбузтепа, расположенном в юго-западной части оазиса на левом берегу Амударьи. На поселении открыто несколько жилищно-производственных комплексов, связанных с керамическим производством, один обжигательный горн и несколь-

ко теплотехнических сооружений явно производственного характера (Баратов, Матрасулов, 2003, с. 41-42).

К наиболее раннему периоду (ХТ-I) относится жилищно-производственный комплекс, в котором сочетаются помещения полуземляночного типа и легкие каркасные постройки. Здесь же раскопан производственный комплекс, включавший в себя двухъярусный обжигательный горн, схожий с маргианскими обжигательными горнами второй четверти – середины I тыс. до н.э. и производственное помещение-мастерская рядом с ним.

Во второй период (ХТ-II) на остатках стен жилищно-производственного комплекса 1-го периода строится новое здание, а рядом сооружается двухкамерная однопоярусная производственная печь. Обжигательный горн капитально ремонтируется. К этому же периоду или, во всяком случае, к финальному его этапу относится монументальное здание (храм), раскопанное в северной части поселения (Баратов, Рахманов и др., 2013, с. 33-42; Баратов, 2017, с. 6-7).

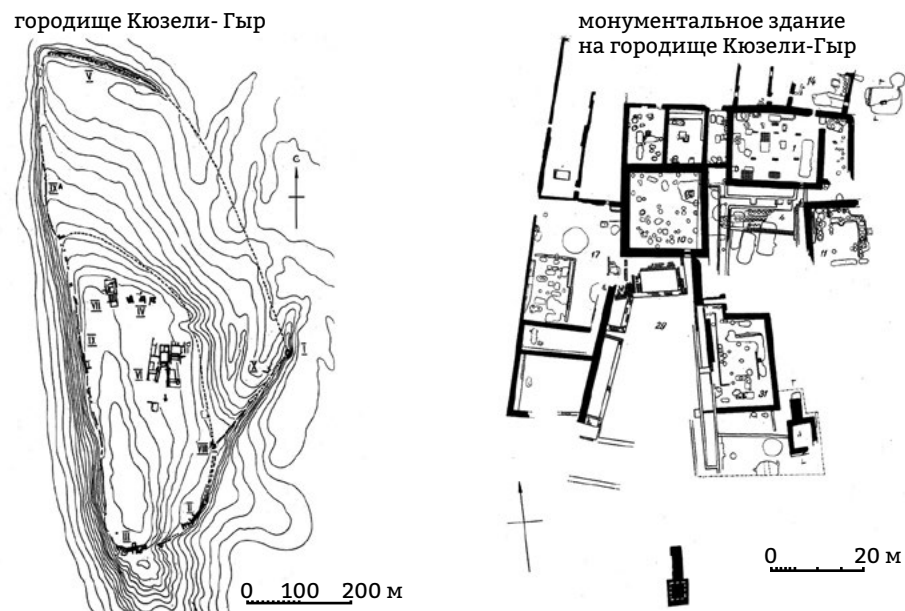
Построек третьего периода (ХТ-III) в пределах раскопов не выявлено, к этому периоду существования поселения относятся мощные слои керамических отвалов с большим количеством фрагментов бракованных сосудов и керамического шлака.

Основным датировочным материалом на Хумбузтепа является керамика. Комплекс ХТ-I (ранний этап РЖВХ-II) можно суммарно датировать в пределах второй половины VII – первой половины VI в. до н.э. По сути, это на сегодняшний день самый ранний археологический комплекс периода РЖВХ-II, выявленный на территории Хорезма.

Хумбузтепа можно квалифицировать как ремесленный производственный центр, где помимо гончарного функционировало и металлообрабатывающее производство. Поселение было основано на раннем этапе становления урбанистической культуры в низовьях Амударьи профессионалами-ремесленниками – выходцами из южных областей Средней Азии неподалеку от крупного городского центра городища Хазарасп (Болелов, 2019, с. 59-64). Нижние культурные слои этих двух памятников, как можно предполагать, синхронны (Баратов, 2004, с. 46). В трех километрах от Хумбузтепа, ниже по течению реки, открыт еще один производственный керамический центр – Таш-Сака, функционировавший в тот же период времени, что и Хумбузтепа. Еще одно поселение периода РЖВХ-II обнаружено к югу от Хумбузтепа, на возвышенности Караташ (рис. 1). Все эти данные дают основания считать Южный Хорезм, во всяком случае, левобережную его часть, тем «плацдармом», где первоначально обосновались группы населения из южных древнеземледельческих областей Средней Азии. Отсюда передовые технологии распространились на территорию всего Хорезма, в первую очередь Присаракамышской дельты Амударьи.

В конце 30-х годов прошлого столетия были начаты раскопки на городище Кюзели-Гыр, укрепленном поселении площадью свыше 25 га на берегу Южного Давдана, протока Присаракамышской дельты (Толстов 1948, с. 77-83; 1962, с. 96-101). Городище окружали крепостные стены со стрелковым коридором и прямоугольными бойницами. Оборонительная стена, в которой было трое ворот, фланкирована округлыми башнями. Памятник разделяется на две части: возвышенная юго-западная – первоначаль-

Рисунок 2. Городище Кюзели-Гыр

ное ядро городища – и пониженная северная (рис. 2). В юго-западной части («верхний город») выделяется монументальный архитектурный комплекс площадью около 1 га, центром которого был квадратный зал площадью 270 кв. м, и примыкавший к нему с юга трапециевидный двор. Вдоль стен двора были возвышения-суфы. Северную из них, наиболее высокую, можно рассматривать как тронное место (рис. 2). За пределами двора, напротив него, открыто основание массивного сооружения прямоугольной формы (4 × 5 м), высотой не менее 3 м. С северной стороны была лестница, ведущая на верхнюю площадку сооружения (Вишневская, Рапопорт, 1997, с. 155-157; Рапопорт, 1998, с. 26-29). На территории «верхнего города» выявлено еще несколько монументальных построек – три массивные башни с незначительными по площади внутренними помещениями в северной части и прямоугольное здание рядом с ними. Считается, что эти здания были культовыми и составляли единый ансамбль (Вишневская, Рапопорт, 1997, с. 158-159; Рапопорт, 2000, с. 27-29). Остальная площадь Кюзели-Гыр была не застроена. Культурный слой с остатками каркасных построек зафиксирован у крепостных стен в южной части «верхнего города», здесь же отмечены следы железоделательного производства. Наличие фортификационных сооружений, монументального дворцового комплекса, культовых построек, а также следов ремесленного производства, казалось бы, дает основания считать Кюзели-Гыр городом. Однако нерегулярность застройки, большие пустующие площади в нижней части городища, служившие, вероятно, загонами для скота, не позволяют с полным основанием считать его таковым. Скорее это был протогород – центр обширной земледельческой области, населенной племенем или союзом племен (Вишневская, Рапопорт, 1997, с. 159), которую можно сопоставить

с единицей общественного устройства дахью (область, упоминаемая в Яштах), а Кюзели-Гыр мог быть резиденцией правителя области – дахьюпати (Дьяконов, 1961, с. 61).

Комплекс бронзовых наконечников стрел, как и весь археологический комплекс Кюзели-Гыр, датируется в пределах VI – возможно, первой половины V в. до н.э., при этом не исключается и некоторое омоложение даты до рубежа VII–VI вв. до н.э. (Вишневская, Рапопорт, 1997, с. 163; Рапопорт, 1998, с. 30). Учитывая датировку раннего комплекса ХТ-I и различия в керамических комплексах двух памятников, следует признать, что строительство Кюзели-Гыра началось уже после того, как была освоена южная часть левобережья Амударьи в районе Хазараспа. В любом случае строительство Кюзели-Гыра, как и начало периода ЖВХ-II, предшествовало завоеванию Хорезма персидским царем Киром II Ахеменидом, которое произошло между 545 и 539 гг. до н.э. (Дандамаев, Луконин, 1980, с. 104).

В период РЖВХ-II на территории Присаракамышья известны три группы археологических памятников: а) поселения и могильники Куюсайской культуры; б) могильники сакского культурного типа; в) укрепленные и неукрепленные поселения кюзелигырского типа (Яблонский, 2008, с. 309) (рис. 1). Эти данные противоречат точке зрения о том, что хорасмий (хорезмийцы), обитавшие ранее в районах Юго-Восточного Туркменистана и Северо-Западного Афганистана, под давлением персидских войск под предводительством Кира II мигрировали в области нижнего течения Амударьи во второй половине VI в. до н.э. Данная гипотеза основана исключительно на сведениях письменных источников: Гекатея Милетского, в передаче более поздних авторов – Геродота, Афиней (II–III вв.) и Стефана Византийского (VI в.) (Пьянков 1972, с. 4-21). Надо полагать, что она, да и то лишь отчасти, относится к территории Южного Хорезма в его левобережной части, где во второй половине VII в. до н.э. достоверно зафиксированы следы освоения пустующих земель группами пришлого населения (Хумбузтепа). Присаракамышская дельта в это время уже была заселена группами скотоводов (саки и куюсайцы), которых и следует считать автохтонным населением этой области (Вайнберг 1979, с. 44-45; Рапопорт, 1998, с. 30). Видимо, уже в самом конце VII–VI вв. до н.э. в результате прямых контактов с ремесленниками из южных областей сако-куюсайское население Присаракамышья осваивает передовые технологии как в строительстве и гончарном производстве, так и в области агротехники. В это же время начинается строительство Кюзели-Гыра.

В кюзелигырском археологическом комплексе (ранний этап ЖВХ-II) широко представлена гончарная посуда типа Яз-III. Археологические материалы свидетельствуют о том, что на городище функционировало развитое бронзолитейное и кузнечное производство. В восточной части городища найдены скопления железных шлаков, фрагменты кричного железа и, возможно, развалы кузнечных горнов в виде скоплений печины, керамические сопла, которые, по всей видимости, использовались для нагнетания воздуха в горны. Обращает на себя внимание большое количество изделий из железа (45 предметов), найденных на Кюзели-Гыр. Это едва ли не больше, чем на всех известных в настоящее время синхронных памятниках Средней Азии. В комплексе представлены преимущественно орудия труда: ножи, серпы, иглы,

проколки и т.д. Есть все основания предполагать существование на Кюзели-Гыр крупного металлообрабатывающего центра, где изготавливались все эти предметы. О бронзолитейном производстве на памятнике свидетельствуют многочисленные находки медных шлаков и литков. В комплексе керамики Кюзели-Гыр выявлена группа небольших толстостенных лепных сосудов цилиндрической или полусферической формы – тигли для выплавки медных криц-полуфабрикатов (подробно об этом см.: Болелов 2013, с. 82-83).

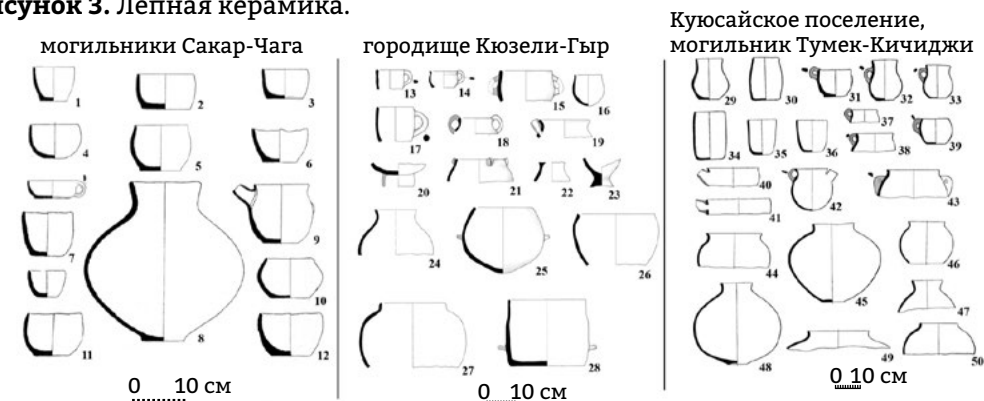
Все эти данные, наряду с использованием в строительстве сырцового кирпича и высоким для своего времени уровнем развития строительной техники, свидетельствуют о мощном влиянии земледельческих культур юга Средней Азии. В то же время в археологическом комплексе представлены категории предметов, которые находят близкие параллели (а иногда и прямые аналогии) в комплексах сако-куясайской культуры. Наиболее показательной категорией является лепная керамика. По количеству и, что самое важное, по составу форм комплекс лепной посуды Кюзели-Гыр отличается от той же группы керамики в комплексах ХТ-I-II, где представлены только кухонные котлы и жаровни. На Кюзели-Гыр они тоже есть. Однако эти формы кухонной посуды являются лишь малой частью комплекса. В основном в нем присутствуют сосуды, аналогичные более ранней керамике периода РЖВХ-I: кружки полусферической или цилиндрической формы с боковой вертикальной С-образной ручкой; небольшие плоскодонные или круглодонные чаши полусферической или эллипсоидной формы; кувшиновидные лепные сосуды со сравнительно высокой горловиной, туловом шаровидной или эллипсоидной формы, небольшие горшки с трубчатым носиком-сливом под венчиком сосуда. Такие же сосуды широко представлены в археологических комплексах РЖВ на территории Нижней Сырдарьи (Вишневская 1973, с. 154: Табл. XXII; Итина, Яблонский 1997, с. 162-163: рис. 66-67).

Большинство указанных выше форм и типов лепных сосудов Кюзели-Гыр связаны, прежде всего, с керамической традицией сако-куясайского периода истории Хорезма (РЖВХ-I).

Данный вывод подтверждается и на основе химико-технологического анализа хорезмской керамики VII–IV вв. до н.э.² Это свидетельствует о том, что не только по формам, но и по технологии приготовления исходного материала лепную керамику Кюзели-Гыр, Куюсайского поселения и Сакарчагинских могильников следует рассматривать как единый комплекс (рис. 3). Керамическая традиция формовки лепной керамики в период РЖВХ-I, безусловно, связанная со степной зоной восточной части Евразии эпохи раннего железного века (восточным ареалом скифо-сакского мира), продолжается и в более поздний период РЖВХ-II.

О прочных культурных связях жителей Кюзели-Гыр с окружавшим Хорезм сакским миром свидетельствуют и другие категории предметов. Кроме предметов воо-

Рисунок 3. Лепная керамика.

ружения (наконечники стрел), необходимо отметить каменные прямоугольные или овальные «алтарики»-жертвенники на четырех ножках, находящие себе прямые аналогии в погребальных комплексах курганных могильников Южного Урала и Волго-Уральского междуречья (Смирнов, Петренко 1963: Табл. XXX. 20-21, 23-24).

Выводы

В период РЖВХ-II на территории Левобережного Хорезма формируется принципиально новая по сравнению с предыдущим периодом палеоэкономическая система хозяйствования, основанная на ирригационном земледелии. Археологические данные, полученные в результате раскопок памятников эпохи РЖВХ-II на территории Присаракамышской дельты, свидетельствуют о том, что на начальном этапе становления древнехорезмийской земледельческой культуры этнический состав населения Левобережного Хорезма принципиально не меняется. Куюсайцы и саки, населявшие просторы Присаракамышской дельты Амударьи по крайней мере с конца VIII в. до н.э., уже в конце VII – начале VI в. до н.э. в результате изменения экологической и гидрографической ситуации, а также благодаря мощному культурному импульсу из южных земледельческих областей Средней Азии переходят к оседлому земледельческо-скотоводческому способу хозяйствования с доминирующей ролью ирригационного земледелия.

Хорезмийская земледельческая культура в период РЖВХ-II рождается в результате взаимодействия автохтонного, преимущественно скотоводческого, сако-куясайского населения Присаракамышья и групп земледельцев и ремесленников, выходцев из древнеземледельческих областей юга Средней Азии, первоначально заселивших область Южного Хорезма на левом берегу Амударьи, которую в этот период времени можно считать ретранслятором передовых ирригационных, ремесленных и строительных технологий из южных областей Средней Азии в среду скотоводов, населявших область Присаракамышской дельты.

² Анализ элементного состава выполнен на спектрометре последовательного действия PW-2400 в лаборатории рентгенофлуоресцентного анализа Института геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии РАН под руководством с.н.с. М.А. Бронниковой.

Источники

- Баратов, С.Р. (2017), “О проблеме истоков урбанизированной культуры Древнего Хорезма” [On the problem of the originns of the urbanized culture of Ancient Khorezm], Археология Узбекистана, № 2 (15).
- Баратов, С., Матрасулов, Ш. (2003), “Археологические работы в южном Хорезме” [Archaeological work in southern Khorezm], Археологические исследования в Узбекистане – 2002 год. Ташкент.
- Баратов, С.Р., Рахманов, У.В., Матрасулов, Ш., Садуллаев, Б., Рахимов, Ш. (2013), “Археологические исследования поселения Хумбузтепа в 2011–2012 гг.,” Археологические исследования в Узбекистане. 2012, Самарканд.
- Болелов, С.Б. (2013), “Ремесло Древнего Хорезма по археологическим данным. Этапы становления” [The handicraft of Ancient Khorezm according to archaeological evidence. Stages of formation], РА, № 2, с. 77-86.
- Болелов, С.Б. (2019), “Хумбузтепа. Производственный центр эпохи раннего железного века в Южном Хорезме (археологические исследования 1996–1997 гг.)” [Humbuztepa. The production center of the Early Iron Age in South Khorezm (archaeological research 1996–1997)], Эпоха империй. Восточный Иран от Ахеменидов до Сасанидов: история, археология, культура, Москва.
- Вайнберг, Б.И. (1975), “Куюсайская культура раннего железного века в Присаракамышской дельте Амударьи” [Kuyusai culture of the Early Iron Age in the Prisarykamysch delta of the Amu Darya], УСА, Вып. 3, Москва.
- Вайнберг, Б.И. (1977), “Памятник раннего железного века в Северной Туркмении” [Monument of the Early Iron Age in Northern Turkmenistan], КД, Вып. V, Ашхабад.
- Вайнберг, Б.И. (1979), “Памятники Куюсайской культуры” [Monuments of Kuyusai culture], Кочевники на границах Хорезма. Труды ХАЭЭ, Том XI, Москва.
- Вайнберг, Б.И. (1991), “Древняя история обводнения Присаракамышской дельты Амударьи в свете археологических работ последних десятилетий” [The ancient history of the flooding of the Prisarykamysch delta of the Amu Darya in the light of archaeological work in recent decades], Аральский кризис, Москва.
- Вайнберг, Б.И. (1992), “Памятники скотоводческих племен в Левобережном Хорезме” [Monuments of pastoral tribes in the Left-bank Khorezm], Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР, Москва.
- Вайнберг, Б.И. (1999), Этногеография Турана в древности [Ethnogeography of Turan in ancient times], Москва.
- Вишневская, О.А. (1973), “Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э.” [Culture of the Saka tribes of the lower reaches of the Syr Darya in the VII–V centuries BC], Труды ХАЭЭ, Том VIII, Москва.
- Вишневская, О.А., Рапопорт, Ю.А. (1997), “Городище Кюзели-гыр. К вопросу о раннем этапе истории Хорезма” [The settlement of Kuyuzeli-gyr. On the question of the early stage of the history of Khorezm], ВДИ, № 2.
- Воробьева, М.Г. (1979), “Проблема “Большого Хорезма” и археология” [The problem of «Greater Khorezm» and archeology], Этнография и археология Средней Азии, Москва.
- Дандамаев, М.А., Луконин, В.Г. (1980), Культура и экономика Древнего Ирана [Culture and economy of Ancient Iran], Москва.
- Дьяконов, М.М. Очерк истории древнего Ирана [An essay on the history of ancient Iran], Москва.
- Итина, М.А. (1977), “История степных племен Южного Приаралья” [History of steppe tribes of the Southern Aral Sea region], Труды ХАЭЭ, Том X, Москва.
- Итина, М.А. (1979), “От редактора” [From the editor], Кочевники на границах Хорезма. Труды ХАЭЭ, Том XI, Москва.
- Итина, М.А. (1998), “К истории изучения бронзового века Южного Приаралья” [On the History of the Study of the Bronze Age of the Southern Aral Sea Region], Приаралье в древности и средневековье, Москва.
- Итина, М.А., Яблонский, Л.Т. (1997), Саки нижней Сырдарьи [Saki of the lower Syr Darya], Москва.
- Кузьмина, Е.Е. (1986), “Гончарное производство у племен андроновской культурной общности (об одном археологическом аспекте проблемы происхождения индоиранцев)” [Pottery production among the tribes of the Andronovo cultural community (about one archaeological aspect of the problem of the origin of the Indo-Iranians)], Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока, Москва.
- Низовья Аму-Дарьи, Саракамыш, Узбой (1960) [Lower reaches of Amu-darya, Sarykamysch, Uzboy], Материалы ХАЭ, Вып. 3, Москва.
- Пьянков, И.В. (1972), “Хорасмий Гекатея Милетского” [Chorasmia of Hecateus of Miletus], ВДИ, № 2.

- Рапопорт, Ю.А. (1998), “Краткий очерк истории Хорезма в древности” [A brief sketch of the history of Khorezm in antiquity], Приаралье в древности и средневековье, Москва.
- Рапопорт, Ю.А. (2000), “Хорезм в древности” [Khorezm in ancient times], В низовьях Окса и Яксарта. Образы древнего Приаралья, Москва.
- Смирнов, К.Ф., Петренко, В.Г. (1963), “Савроматы Поволжья и Южного Приуралья” [Sauromats of the Volga region and the Southern Urals], САИ, Д 1-9, Москва.
- Толстов, С.П. (1948), Древний Хорезм [Ancient Khorezm], Москва.
- Толстов, С.П. (1962), По древним дельтам Окса и Яксарта [Along the ancient deltas of the Oxus and Jaxartes], Москва.
- Яблонский, Л.Т. (1996), Саки Южного Приаралья [Saki of the Southern Aral Sea region], Москва.
- Яблонский, Л.Т. (1998), “Модель раннего этногенеза в скифо-сакской контактной зоне” [A model of early ethnogenesis in the Scythian-Saka contact zone], РА, № 4.
- Яблонский, Л.Т. (2005), “Археолого-антропологическая гипотеза к проблеме формирования культур сакского типа” [Archaeological and anthropological hypothesis to the problem of the formation of Saka-type cultures], Центральная Азия: источники, история, культура, Москва.
- Яблонский, Л.Т. (2010), “С.П. Толстов и изучение памятников ранних скотоводов Приаралья (сакская проблема)” [S.P. Tolstov and the study of monuments of early pastoralists of the Aral Sea region (Saka problem)], Отзвуки Великого Хорезма, Москва.
- Яблонский, Л.Т. (2015), Саки в дельте Окса. Теория и практика этногенетического исследования [Saki in the Oxus Delta. Theory and practice of ethnogenetic research], Москва.
- Яблонский, Л.Т. (2017), На востоке скифской Ойкумены [In the east of the Scythian Eumene], Москва.

DOI: 10.53658/RW2022-2-1(3)-124-139

УДК: 904

Ancient Khorezm in the era of the early iron age (Models of the formation of the socio-economic structure of ancient societies on the territory of the Southern Aral Sea region according to archaeological data)

Bolelov S.B.

State Museum of the East (Moscow, Russia)

Abstract. This article examines the early period of the formation of agricultural civilization on the territory of the ancient delta of the Amu Darya river in the southern Aral Sea region - Ancient Khorezm. The basic problem, that has remained debatable for many years, is the time of the initial stage of the ancient agricultural culture formation and urbanization on the territory of Khorezm. Besides until the recent time the role of autochthonous population on the lower reaches of the Amu Darya in these processes is not so clear, as well as the degree of the influence of agricultural cultures of the south of the Middle Asia on them. Based on archaeological sources in the era of the early Iron Age of Khorezm – VII-V centuries BC, two stages are singled out. The early - Sako-Kuyusai stage, VII- early VI BC was the beginning of the permanent flooding of the Near-Kamysch delta on the territory of the Left Bank of the Amu Darya, as a result of the interaction of two groups of pastoralists, different in origin and in the way of farming; a fairly stable paleoeconomical system is being formed, the basis of which was mainly pasture cattle breeding and primitive hoe farming. Community handicraft production functioned in stationary settlements of settled cattle breeders (Kuyusai culture). The second stage is the archaic period of the history of

Khorezm (VI-V centuries BC) is characterized by the introduction of advanced technologies (irrigation, construction, pottery) that appeared on the territory of the southern Aral Sea region as a result of a powerful cultural impulse from the southern ancient agricultural regions of Central Asia. During this period, the paleoeconomical system of the historical and cultural region is radically changing; agriculture there, based on artificial irrigation, becomes dominant. At the same time, it should be emphasized that these changes are not related to the change of population. The Khorezm agricultural culture in the period of the RSVC-II was born as a result of the interaction of the autochthonous, mainly pastoral, Sakoi-Kuyusai population of the Near-Kama region and groups of farmers and artisans, natives of the ancient agricultural regions of the south of Central Asia.

Keywords: Southern Aral Sea region, Ancient Khorezm, ancient settlement, burial mound, irrigation, archaeological complex, stucco ceramics

About the authors: Sergey B. BOLELOV, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of the History of Material Culture and Ancient Art of the State Museum of Oriental Arts. Moscow.

References

- Baratov, S.R. (2017), "On the problem of the origins of the urbanized culture of Ancient Khorezm [O probleme istokov urbanizirovannoj kul'tury Drevnego Horezma]," Archeology of Uzbekistan, No. 2 (15).
- Baratov, S., Matrasulov, S. (2003), "Archaeological work in southern Khorezm [Arheologicheskie raboty v yuzhnom Horezme]," Archaeological research in Uzbekistan – 2002, Tashkent.
- Baratov, S.R., Rakhmanov, U.V. Marasulov, Sh., Sadulaev, B., Rakhimov, Sh. (2013), "Archaeological studies of the settlement of Khumbuztepa in 2011–2012 [Arheologicheskie issledovaniya poseleniya Humbuztepa v 2011–2012 gg.]," Archaeological research in Uzbekistan. 2012, Samarkand.
- Bolelov, S.B. (2013), "The Craft of Ancient Khorezm archaeological data. Stages of formation [Remeslo Drevnego Horezma po arheologicheskim dannym. Etapy stanovleniya]," RA, No. 2, pp. 77-86. (In Russian)
- Bolelov, S.B. (2013), "The Craft of Ancient Khorezm archaeological data. Stages of formation," RA, No. 2, pp. 77-86.
- Bolelov, S.B. (2019), "Khumbuztepa. The production center of the Early Iron Age in Southern Khorezm (archaeological research 1996–1997) [Humbuztepa. Proizvodstvennyj centr epohi rannego zheleznoogo veka v YUzhnom Horezme (arheologicheskie issledovaniya 1996–1997 gg.)]," The Age of Empires. Eastern Iran from Achaemenids to Sassanids: History, Archeology, Culture, Moscow.
- Weinberg, B.I. (1975), "Kuyusai culture of the Early Iron Age in the Prisyakmysh delta of the Amu Darya [Kuyusajskaya kul'tura rannego zheleznoogo veka v Prisyakmyshskoj del'te Amudar'i]," USA, Vol. 3. Moscow.
- Weinberg, B.I. (1977), "Monument of the Early Iron Age in Northern Turkmenistan [Pamyatnik rannego zheleznoogo veka v Severnoj Turkmenii]," CD, Issue V, Ashgabat.
- Weinberg, B.I. (1979), "Monuments of Kuyusai culture [Pamyatniki Kuyusajskoj kul'tury]," Nomads on the borders of Khorezm. Proceedings of HAAE, Volume XI, Moscow.
- Weinberg, B.I. (1991), "Ancient history watering Prekrasnyimi Delta of the Amu Darya in the light of archaeological works of the last decades [Drevnyaya istoriya obvodneniya Prisyakmyshskoj del'ty Amudar'i v svete arheologicheskikh rabot poslednih desyatiletij]," The Aral sea crisis, Moscow.
- Weinberg, B.I. (1992), "Monuments pastoral tribes on the left Bank Khorezm [Pamyatniki skotovodcheskikh plemen v Levoberezhnom Horezme]," Steppe strip of the Asian part of the USSR in the Scythian-Sarmatian time. Archaeology of the USSR, Moscow.
- Weinberg, B.I. (1999), Ethnogeography of Turan in antiquity [Etnogeografiya Turana v drevnosti], Moscow.
- Vishnevskaya, O.A. (1973), "Culture of the Saka tribes of the lower reaches of the Syr Darya in the VII–V centuries BC [Kul'tura saksikh plemen nizov'ev Syrdar'i v VII–V vv. do n.e.]," Proceedings of the KHAE, Vol. VIII, Moscow.
- Vishnevskaya, O.A., Rapoport, Yu.A. (1997), "Kyuzeli-gyr settlement. On the question of the early stage of the history of Khorezm [Gorodishche Kyuzeli-gyr. K voprosu o rannem etape istorii Horezma]," VDI, No. 2. (In Russian)
- Vorobyova, M.G. (1979), "The problem of «Greater Khorezm» and archeology [Bol'shogo Horezma] i arheologiya]," Ethnography and archeology of Central Asia, Moscow.

- Dandamaev, M.A., Lukonin, V.G. (1980), Culture and Economy of Ancient Iran [Kul'tura i ekonomika Drevnego Irana], Moscow.
- Diakonov, M.M. Essay on the history of ancient Iran [Ocherk istorii drevnego Irana], Moscow.
- Itina, M.A. (1977), "History of steppe tribes of the Southern Aral Sea region [Istoriya stepnykh plemen YUzhnogo Priaral'ya]," The works of HAAE, Volume X, Moscow.
- Itina, M.A. (1979), "From the editor [Ot redaktora]," Nomads on the borders of Khorezm. Proceedings of HAAE, Vol. XI, Moscow.
- Itina, M.A. (1998), "On the History of the Study of the Bronze Age of the Southern Aral Sea Region [K istorii izucheniya bronzovogo veka YUzhnogo Priaral'ya]," "The Aral Sea region in antiquity and the Middle Ages, Moscow.
- Itina, M.A., Yablonsky L.T. (1997), Saki of the lower Syr Darya [Saki nizhnej Syrdar'i], Moscow.
- Kuzmina, E.E. (1986), "Pottery production among the tribes of the Andronovo cultural community (about one archaeological aspect of the problem of the origin of the Indo-Iranians) [Goncharnoe proizvodstvo u plemen andronovskoj kul'turnoj obshchnosti (ob odnom arheologicheskom aspekte problemy proiskhozhdeniya indoirancev)]," East Turkestan and Central Asia in the system of cultures of the ancient and medieval East, Moscow.
- The lower reaches of the Amu Darya, Sarykamys, Uzboy [Nizov'ya Amu-Dar'i, Sarakamys, Uzboy]. (1960), Materials of KHAI, Issue 3, Moscow.
- Pyankov, I.V. (1972), "Chorasmiya of Hecateus of Miletus [Horasmii Gekateya Miletskogo]," VDI, No. 2. (In Russian)
- Rapoport, Yu.A. (1998), "A brief sketch of the history of Khorezm in antiquity [Kratkij ocherk istorii Horezma v drevnosti]," The Aral Sea region in antiquity and the Middle Ages, Moscow. (In Russian)
- Rapoport, Yu.A. (2000), "Khorezm in antiquity [Horezm v drevnosti]," In the lower reaches of the Oxus and Jaxartes. Images of the ancient Aral Sea region, Moscow.
- Smirnov, K.F., Petrenko, V.G. (1963), "Savromats of the Volga region and the Southern Urals [Savromaty Povolzh'ya i YUzhnogo Priural'ya]," SAI, D 1-9, Moscow. (In Russian)
- Tolstov, S.P. (1948), Ancient Khorezm [Drevnij Horezm], Moscow. (In Russian)
- Tolstov, S.P. (1962), Along the ancient deltas of the Oxus and Jaxartes [Po drevnim del'tam Oksa i Yaksarta], Moscow. (In Russian)
- Yablonsky, L.T. (1996), Saki of the Southern Aral Sea region [Saki YUzhnogo Priaral'ya], Moscow. (In Russian)
- Yablonsky, L.T. (1998), "A model of the early ethnogenesis in the Scythian-Saka contact zone [Model' rannego etnogeneza v skifo-saksoj kontaktnoj zone]," RA, No 4. (In Russian)
- Yablonsky, L.T. (2005), "Archaeological and anthropological hypothesis to the problem of forming cultures Saka [Arheologo-antropologicheskaya gipoteza k probleme formirovaniya kul'tur saksogo tipa]," Central Asia. Sources. History. Culture, Moscow. (In Russian)
- Yablonsky L.T. (2010), "S.P. Tolstov and the study of monuments of early pastoralists of the Aral Sea region (the Saka problem) [S.P. Tolstov i izuchenie pamyatnikov rannih skotovodov Priaral'ya (saksaya problema)]," Echoes of the Great Khorezm, Moscow. (In Russian)
- Yablonsky, L.T. (2015), Saki in the Oxus Delta. Theory and practice of ethnogenetic research [Saki v del'te Oksa. Teoriya i praktika etnogeneticheskogo issledovaniya], Moscow. (In Russian)
- Yablonsky, L.T. (2017), In the east of the Scythian Ecumene [Na vostoke skifskoj Ojkumeny], Moscow. (In Russian)

ДИАЛОГ КУЛЬТУР И НАРОДОВ

RUSSIA & WORLD: SCIENTIFIC DIALOGUE
**РОССИЯ
И МИР**
НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

«В условиях цивилизационного кризиса глобальной мир-системы происходит хаотизация всех сфер человеческой жизни, и наши времена характеризуются его небывалыми масштабами и информационными синхрониями, которые принято называть Большим антропологическим переходом. Происходит распад и столкновение огромного числа ценностных матриц, этик и идентичностей разных стран и народов, создается травматичный внутренний мир миллионов, обреченных долгое время быть в состоянии перманентной неопределенности жизни».

**Буданов В.Г., Кучуков М.М., Барахвостов П.А., Санаков И.Б.,
Дзугаев К.Г., Шохов А.С.**

Межцивилизационный диалог: возможности локальных цивилизаций

«Длительное историческое время, как, впрочем, в настоящее время, диалог цивилизаций на практике сводился и сводится к навязыванию собственной культуры и языка другим народам. Люди, принадлежащие к тому или иному народу, стремятся последовательно и настойчиво отстаивать свои интересы, что неизбежно перетекает в процесс культурной и языковой ассимиляции. И здесь различие между народами состоит только в том, что одни народы делают это более успешно, а другие – нет».

Стамова Р.Д.

Некоторые особенности современного диалога цивилизаций

«Русскому человеку необходима высокая культура и сильное государство не потому, что он «раб» (как полагают русофобы), а потому, что в глубине души он хочет служить чему-то более высокому, чем наслаждение и комфорт. Государству не следует стремиться превратить жизнь в рай, но оно обязано защитить народ от инволюции темных (низовых) энергий».

Казин А.Л.

Русская культура как цивилизационный феномен: ценностный аспект

«По существу, Россия составила из тысячелетних цивилизаций, которые объединялись славянским языком со своими диалектами и православной верой, они обладали уникальными культурными качествами, этнографическими особенностями, собственными художественными школами и традициями, выработанными за тысячелетие их жизни».

Чекурин Л.В.

Культурные коды Рязанской речной цивилизации и русское аканье

ДИАЛОГ КУЛЬТУР И НАРОДОВ

DOI: 10.53658/RW2022-2-1(3)-142-159

УДК: 316.722; 316.75; 008.2

Межцивилизационный диалог: возможности локальных цивилизаций (материалы научной дискуссии)

Буданов В.Г.

Институт философии Российской академии наук (Москва, Россия)

Кучуков М.М.

Кабардино-Балкарский государственный аграрный университет
им. В.М. Кокова (Нальчик, Россия)

Барахвостов П.А.

Белорусский государственный экономический университет
(Минск, Беларусь)

Санакоев И.Б.

Юго-Осетинский государственный университет (Цхинвал,
Республика Южная Осетия)

Дзугаев К.Г.

Юго-Осетинский научно-исследовательский институт
им. З.Н. Ванеева (Цхинвал, Республика Южная Осетия)

Шохов А.С.

Центр реализации стратегических проектов (Москва, Россия)

Аннотация. Статья содержит материалы научной дискуссии, прошедшей в Национальном исследовательском институте развития коммуникаций (НИИРК). Во время дискуссии обсуждались вопросы методологии исследования цивилизаций, сложности формирования понятийного аппарата, разные грани проблематики диалога цивилизаций, особенности и потенциал локальных цивилизаций. Выявлены общие подходы и различия в них, вопросы способности цивилизаций к диалогу, субъектности в межцивилизационном диалоге. Было предложено использовать ритмокаскадный подход, который может способствовать развитию методологии сравнительного анализа цивилизаций, приращению

научных знаний в этой сфере научных исследований. Участниками обращено внимание на константные факторы, детерминирующие развитие цивилизаций в настоящее время, на возможности конструктивного диалога цивилизаций. В процессе обсуждения рассмотрены особенности российского типа модернизации, развивавшегося в условиях обширного фронта в Азиатской России, культурно-историческая традиция как механизм межнационального диалога в российско-осетинских отношениях, общность социокультурных кодов между Россией и Осетией.

Ключевые слова: локальные цивилизации, межцивилизационный диалог, фронт

Об авторах:

БУДАНОВ Владимир Григорьевич. Доктор философских наук, кандидат физико-математических наук. Главный научный сотрудник, руководитель сектора междисциплинарных проблем научно-технического развития Института философии РАН, эксперт Центра междисциплинарных исследований им. С.П. Курдюмова «Сретенский клуб». ORCID: 0000-0003-2371-8659. Адрес: 119991, Российская Федерация, Москва, Волхонка, 14. budsyn@yandex.ru.

КУЧУКОВ Магомед Мусаевич. Доктор философских наук. Профессор кафедры истории и философии Кабардино-Балкарского государственного аграрного университета им. В.М. Кокова. ORCID: 0000-0002-9510-8676. Адрес: 360004, Российская Федерация, Нальчик, ул. Толстого, 109а. kuchukovm@mail.ru.

БАРАХВОСТОВ Павел Александрович. Кандидат политических наук. Доцент кафедры политологии Белорусского государственного экономического университета. ORCID: 0000-0001-8943-5980. Адрес: 220070, Беларусь, г. Минск, Партизанский пр-т, 26. barakhvostov@yandex.by.

САНАКОЕВ Инал Борисович. Кандидат политических наук. Заведующий кафедрой политологии и социологии Юго-Осетинского государственного университета им. А.А. Тибилова. Адрес: 100001, Республика Южная Осетия, г. Цхинвал, ул. Островского, 85. inal59@mail.ru.

ДЗУГАЕВ Коста Георгиевич. Кандидат философских наук. Доцент кафедры философии и культурологии Юго-Осетинского государственного университета им. А.А. Тибилова. Адрес: 100001, Республика Южная Осетия, г. Цхинвал, ул. 8 июня, пер. Г. Дзугаева, 2. kostadzugaev@mail.ru.

ШОХОВ Александр Сергеевич. Кандидат философских наук (PhD). Генеральный директор ООО «Центр реализации стратегических проектов», <https://центрреализациистратегическихпроектов.рф>, эксперт Центра междисциплинарных исследований им. С.П. Курдюмова «Сретенский клуб». ORCID: 0000-0002-2982-3479, www.shokhov.com, shokhov@gmail.com.

Введение

Проблемы цивилизации являются предметом научного интереса весьма длительное время, но в последние годы активизировалась проблематика переосмысления категории «цивилизации», роли цивилизаций в международных процессах, поиска механизмов диалога цивилизаций. Востребованность исследования цивилизаций в разных контекстах и с разных сторон подтверждается наличием многочисленных специальных центров цивилизационных исследований в России и за рубежом.

Из них отметим, в частности, Центр цивилизационных и региональных исследований Института Африки Российской академии наук¹, который исследует цивилизационную динамику и цивилизационные векторы современного мира, разрабатывает концепции диалога и конфликта цивилизаций и их роль в формировании нового мирового порядка, а также рассматривает место Африки в проектах диалога цивилизаций и новые центры интеграционных процессов в арабском мире. Важнейшим направлением работы Центра является анализ радикального ислама в контексте рисков социально-политической дестабилизации, участия исламистских проектов в борьбе за лидерство в геополитическом пространстве Ближнего Востока и Северной Африки в Африке, на Ближнем Востоке².

С позиций современной цивилизационной теории учеными Центра ставится задача разграничения противоположных по своему культурно-историческому содержанию и значению глобальных трендов развития: сохранение мировыми цивилизациями высших духовных принципов регуляции общественных изменений, с одной стороны, и ослабление, подрыв этих принципов – с другой. Анализируется опыт изучения этой проблематики в философских, социологических и политических исследованиях, ставится вопрос о социальных издержках, деструктивных процессах и явлениях глобализации, противоречащих морально-этическому наследию мировых цивилизаций (распро-

1 Центр цивилизационных и региональных исследований Института Африки Российской академии наук. URL: <https://www.inafran.ru/node/23>.

2 Цивилизационные альтернативы Африки / Отв. ред. И.В. Следзевский. Том 2. М.: Институт Африки РАН, 2017. 232 с. Том 3. М.: Институт Африки РАН, 2020. 208 с. Исламские радикальные движения на политической карте современного мира. Выпуск 2. Северный и Южный Кавказ / Отв. ред. А.Д. Саватеев, Н.А. Нефляшева, Э.Ф. Кисриев. М.: Институт Африки РАН – РУДН, 2017. 608 с. Исламские радикальные движения на политической карте современного мира. Выпуск 3. Афразийская зона нестабильности / Отв. ред. Саватеев А.Д., Гринин Л.Е. М.: ИАФР РАН, 2018. 342 с. Исламские радикальные движения на политической карте современного мира. Выпуск 4. Зона Сахары-Сахеля и Африканский Рог. Отв. ред. Пономарев И.В. М.: ИАФР РАН, 2020. 220 с. Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Ежегодник. Выпуск 9 / Отв. ред. Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев, К.В. Мещерина. Волгоград: Учитель, 2018. 556 с.

Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Ежегодник. Выпуск 10 / Отв. ред. Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев, К.В. Мещерина. Волгоград: Учитель, 2019. 688 с.

Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Ежегодник. Выпуск 11 / Отв. ред. Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев, Д.А. Быканова. Волгоград: Учитель, 2020. 624 с. Схватка за Ближний Восток: Региональные акторы в условиях реконфигурации ближневосточного конфликта / Отв. ред. А.М. Васильев, А.В. Коротаев, Л.М. Исаев. М.: ЛЕНАНД, 2019. 256 с. Бобохонов Р.С. Современный исламизм как политический способ реализации исламского цивилизационного проекта (африканский опыт) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». 2020. № 10. С. 6-18. Bobokhonov R., Sledzevsky I. The Conflict between the West and the World of Islam: Causes and Dynamics in the Historical Dimension // International Journal of Psychosocial Rehabilitation, Vol. 24, Issue 06, 2020. P. 5079-5087. Мосейко А.Н., Харитонов Е.В. Современная христианская философско-теологическая мысль в Африке: особенности и проблемы // Вопросы философии. 2020. № 5. С. 69-83. Неклесса А.И. Афразийская зона нестабильности и проблемы российского стратегического планирования // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2020. № 2. С. 138-148. Хайруллин Т.Р. Политизация салафизма на Ближнем Востоке и в Северной Африке // Азия и Африка сегодня. 2020. № 12. С. 19-26. Харитонов Е.В. Этика и политика в Африке: прецеденты применения элементов традиционных этических систем в урегулировании политических конфликтов (на примере Руанды и ЮАР) // Конфликтология / nota bene. 2018. № 3. С. 55-69. Шишкина А.Р. Цивилизационный аспект формирования гражданского общества в арабских странах // Азия и Африка сегодня. 2016. № 4. С. 212-221.

странение коррупции, обычной и организованной преступности, терроризма, упадок высокой культуры). Исследуются цивилизационные (культурно-гуманитарные) риски современного мирового развития, обусловленные разрушением цивилизационных рамок социальной и международной стабильности, единства и устойчивости общества.

Институт востоковедения РАН³ является научным центром мирового масштаба и ведет комплексные исследования, в том числе и проблем межкультурного диалога⁴. Регион исследования достаточно широк – от западного побережья Северной Африки до островов Тихого океана, а сами исследования охватывают все исторические периоды истории Востока – от древности до наших дней.

Центр сравнительного изучения цивилизаций ИНИОН РАН⁵ ведет научно-исследовательскую работу в области истории цивилизаций и их сравнительного анализа. Основными тематическими направлениями исследований Центра являются: развитие цивилизаций Востока и Запада от древности до современности; современные тенденции изучения крупных цивилизационных комплексов; методологические проблемы сравнительного анализа цивилизаций; влияние восточных и западных цивилизаций на культуру России; проблема устойчивости развития цивилизаций и ее роль в развитии государств и наций на современном этапе; взаимосвязь политической культуры с цивилизационными особенностями. Институт философии РАН разрабатывает методологические основы исследования цивилизаций, в частности, известны работы В.Г. Буданова.

Материалы и методы исследования

Авторы использовали разные методологические подходы и методы для своих исследований. Обмен этими подходами в ходе научной дискуссии позволил выделить наиболее результативные и перспективные, к числу которых относится системный метод, ритмокаскадный метод, метод исторической перспективы, компаративный метод.

Метаэтика диалога цивилизаций: ритмокаскадный подход (Буданов В.Г.)

В условиях цивилизационного кризиса глобальной мир-системы происходит хаотизация всех сфер человеческой жизни, и наши времена характеризуются его не-

3 Институт востоковедения Российской академии наук. URL: <https://www.ivran.ru/about-institute-200-let>.

4 Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте Исаев Л.М., Серебров С., Акимов А. и др. М.: Институт востоковедения РАН, 2018. Глобализация и мусульманский мир: оценка современной исламской правовой мысли / Леонид Сюкияйнен, Институт востоковедения РАН, 2012. Российский ислам: Очерки истории и культуры Аликберов А.К., Бобровников В.О., Бустанов А.К. и др. М.: Институт востоковедения РАН, 2018. Сакральное на традиционном Востоке / под ред. А.Л. Рябинина. М.: ИВ РАН, 2017.

5 Центр сравнительного изучения цивилизаций ИНИОН РАН. URL: http://legacy.inion.ru/index.php?page_id=259.

бывальными масштабами и информационными синхрониями, которые принято называть «Большим антропологическим переходом». Происходит распад и столкновение огромного числа ценностных матриц, этик и идентичностей разных стран и народов, создается травматичный внутренний мир миллионов, обреченных долгое время быть в состоянии перманентной неопределенности жизни.

Стабилизация внутреннего мира людей становится крайне важной задачей, которая решается переосмыслением и обновлением этических норм, определяющих взаимоотношения с миром и другими.

Для построения метаэтики или интегральной этики мы используем максимум, в которой, помимо заповедей Христа, предложен собирательный образ ключа к пониманию духовного пути и удержания целостности внутреннего мира человека [Буданов 2021]. Следуя христианской метаэтике, должно относиться: к высшему – с верой, к будущему – с надеждой, к прошлому – с благодарностью, к низшему – с покаянием, к своей душе (внутреннему) – со вниманием, к миру (внешнему) – с любовью.

Поскольку эта сборка-ключ этических отношений к базовым категориям должна осуществляться не механистически, но самосогласованно и гармонично, то есть мудро, «софийно» (тем более что в этой сборке уже наличествуют категории «вера», «надежда» и «любовь»), то можно было бы назвать эту сборку «Софийным ключом метаэтики».

Однако существует множество других форм духовного понимания реальности, выбор категориальных отношений определяется культурой, задает тип метаэтики и тип ключа этики, уже не обязательно софийного. Например, сопоставив в христианской этике антонимы в категориальных отношениях, получим полную манифестацию антихристианской этики, хотя достаточно уже и одного антонима, чтобы нарушить софийный ключ. Древние греки или китайцы боялись будущего, а революционеры презирали прошлое. Близость или родство этик разных народов нами предлагается определять, например, по общности 6 приведенных категорий отношений или нескольких их комбинаций. Думаю, что традиционные культуры и мировые религии имеют максимально полные и схожие ключи метаэтик. Цивилизационные различия метаэтик необходимо обязательно учитывать в диалоге стран, народов при создании международных проектов.

Помимо различия метаэтических ключей цивилизационные общности имеют условно разный исторический возраст, а также несовпадающие фазы активного бытия и фазы релаксации, восстановления народов и этносов. Россия, например, сейчас должна находиться в фазе релаксации, народосбережения после социальных сверхусилий и жертв XX века, что оказывается непростым делом. Расцвет Китая и закат Запада, которые всем очевидны, также повторяют ситуацию, бывшую 500 лет назад. Именно поэтому нельзя создавать жесткий планетарный, единый организм человечества, так как он обязательно деградирует через определенное время, а вот экосистема многих цивилизаций может существовать заметно дольше, за счет цивилизационных эстафет, когда одни цивилизации засыпают, а другие занимают место лидеров. Именно поэтому следует особенно бережно относиться к традиционным культурам, являющимся пассионарным социогенетическим резервом человечества, а уходящим

странам-лидерам – заботиться об организации цивилизационной эстафеты, а не хоронить весь мир, уходя с исторической арены. Подобный темпоральный анализ состояния акторов исторического мирового развития предлагается проводить методом ритмокаскадов, развиваемым нами более 20 лет [Буданов 2007; Буданов 2009].

Авторский метод ритмокаскадов с успехом применялся для анализа различных исторических, социальных, психологических, экономических и других систем, он оптимально соединяет в себе идеи времени-ритма и времени-возраста системы. Время предстает как растущая конструкция – ритмокаскадное фрактальное дерево, ярусы которого, спирально развиваясь, отвечают все новым функциям и структурным уровням системы. Сейчас принято временную ткань развития системы представлять совокупностью линейных колебаний нескольких ритмов, при этом усложнение системы реально не происходит. В нашем подходе время представляется совокупностью нескольких ритмокаскадных деревьев, запускающихся от значимых для системы моментов времени (актов ее рождения, инициации, стресса или иных форс-мажорных обстоятельств), по мере развития системы время становится все более многомерным и дробным, хотя и поддающимся анализу. Веса ритмокаскадов задаются методом экспертизы с привлечением специалистов по моделируемой системе, что позволяет проводить комплексный анализ перспективного или ретроспективного развития системы. Заключение дается не в форме однозначного предсказания события, но в форме наиболее вероятных тенденций развития и доминирующих потенциалов системы. Подчеркнем, что удалось достаточно надежно прогнозировать развитие социально-психологических, ментальных и духовных уровней антропной сферы как социума, так и личности. Например, можно лучше понимать объективные механизмы и расписание социально-политических и исторических процессов, оптимизировать темпоральную ткань переговорных процессов. В качестве вполне проверяемого результата ритмокаскадного анализа обнаружены закономерности 128- и 90-летних циклов в расписании крупных войн и революций [Буданов 2018], а также даны реконструкция и прогноз развития социально-психологических архетипов России до 2050 года [Буданов 2009].

Результаты исследований

Цивилизации как предмет осмысления в современной социальной философии (Кучуков М.М.)

1. Последние два века войдут в историю как прошедшие на основе детерминации процессов развития человечества социально-философскими идеями. В настоящем же мало кто обращается к социальной философии, чтобы получить ответы на вопросы о том, что собою представляет современный социум, характер его функциональности и динамичности, возможное будущее народов и человечества. Социально-философское познание в настоящее время фрагментировано на основе выделения различных сторон, феноменов и процессов, структурирующих социальность. В апреле 2013 года

кафедры социальной философии философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета и Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова определялись в актуальных проблемах современной социальной философии. Философы из Санкт-Петербурга заявили следующие темы: «Философия интимного дневника», «Философия телесности», «Философия тайны», «Философия преферанса» и «Философия пива». Таковыми философы МГУ заявили: «Типология современных обществ и проблема посткапитализма», «Соотношение собственности и власти в современной истории», «Этносы и нации в глобализирующемся мире», «Цивилизационные ориентиры развития современной России» [Момджян 2012]. Такой разброс интересов является показателем состояния социальной философии. Актуальным является определение ключевого звена, задающего единство многообразным звеньям происходящих миросистемных трансформаций, планетарной социумной жизни.

2. Создателем и транслятором человеческой социальности является род человеческий. Но субъектом социальности человечество становится лишь на определенном этапе своей жизнедеятельности. Исторически первой формой кооперации деятельности, носителем и творцом социальности были родоплеменные общности. Одновременно в эту эпоху формируются ареалы цивилизационного развития, в границах которых по настоящее время осуществляли и осуществляют свою жизнедеятельность этносы, государства и национальные государства. Они выполняли роль и функции субъекта, носителя социального развития. В последние десятилетия государства и национальные государства теряют свои функции и решающую роль стали играть цивилизационные общности, которые приобрели субъектные свойства и притязания. Человечество в настоящее время структурировано сосуществующими цивилизациями-государствами, определяющими планетарные трансформации современности.

Цивилизации сформировались естественно-исторически, в определенных природных условиях, в процессах эволюционного развития способов хозяйствования. Скрепляющими сообщество факторами являются выработанные духовно-нравственные ценности и традиции, формы самоорганизации, формирование своеобразного образа жизни, этничности, пространственных и временных рамок. В условиях постсовременности цивилизации приобрели властно-организационные возможности. Цивилизации-государства стали определяющим фактором процессов глобализации, приобрели функции и роль субъекта социально-исторического развития.

В человеческой социальности как тренд эволюционных процессов существует феномен планетизации социально-исторической субъектности. Специфичность и особенность трансформационных процессов современной эпохи глобализации не в глобализации, а в изменениях или же возникшей практике воздействия на содержание и форму существования социально-исторической субъектности на планетарном уровне. Такое воздействие способны оказывать цивилизационные общности.

3. Парадигмальные формы существования и сосуществования цивилизаций. Цивилизации сосуществуют, имея определенный тип взаимоотношений, константных, выполняющих функции организации самостоятельного существования общности. Константной и значимой для каждой цивилизации является стремление к рас-

ширению пространства и времени существования, то есть экспансия. Экспансионизм сопровождает историю человечества, цивилизаций, реализуется посредством насилия и войн. Экспансия, насилие и войны являются средством роста и увеличения социальной организованности, расширения взаимозависимости и взаимосвязанности.

Другой характеристикой сосуществования цивилизаций является социальный диалогизм. Понятие «диалог» вводит в картину сосуществования цивилизаций момент субъектности. Но отношения цивилизации трудно подвести к понятию «диалог». В диалоге участвуют две стороны, которые стремятся закрепить собственные позиции, это форма взаимоотношений, направленная на обоснование собственной точки зрения участниками диалога. И объективен вывод Киплинга: «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись». Понятие «диалог» по отношению к социально-групповым образованиям – красивая метафора, предмет дискуссий и рассуждений, но при обращении к конкретным обществам, необходимо обратиться к конкретным разломам, расколам – видимым и обсуждаемым.

Цивилизации существуют, будучи многосоставными, в том числе состоящими из разнородных обществ. Каждая цивилизация вырабатывает свой собственный стиль организации внутренней, социумной жизни. Традиционными и альтернативными стали принципы, формы и методы решения обозначенной проблемы, выработанные в евразийской и европейской цивилизациях.

Для цивилизации Запада характерным стало исключение захваченных племен, народов из сообщества этносов, составляющих население государства, обладающих субъектными правами. Такое отношение к иным этносам существовало в Римской империи. И такой тип отношения к покоряемым народам и племенам был проявлен англичанами в период колонизации Северной Америки. С середины XVII века и до конца XIX века коренное население страны сократилось до грани исчезновения, и остатки были помещены в резервации. Проблема сосуществования колонистов и коренных обитателей страны была решена однажды и навсегда. При этом в исторических сочинениях и литературоведении этот процесс и время определяются понятием «фронтир», что может быть переведено как «эпоха освоения» свободных земель на Западе США. Коренное население этих территорий не воспринималось в качестве племен и народов.

В цивилизациях Востока складывается другой тип отношений, характеризующийся консенсусным сосуществованием народов, субъектов империй и покоренных народов. На такой основе существовали евразийские цивилизации. Империя монголов включила в свой состав многие племена и народы, отличающиеся особыми языками, образом жизни культурой. Они стали частью империи и жили на базе Великой Ясы. Чингисхан и его наследники в равной степени покровительствовали всем религиозным организациям.

Русская Церковь была автономна и самоуправляема, свободна в отправлении религиозных обрядов. Когда в 1246 году была произведена перепись населения с целью обложения его данью, все духовенство было освобождено от налогов. Все народы империи находились в одинаковом положении, нет положений, утверждающих

исключительность завоевателей. И фактом исторического прошлого России является то, что спустя всего два столетия на землях, занятых в домонгольский период непрерывными междоусобными войнами, возникает мощное государство со столицей в Москве, претендующее на роль «третьего Рима» и ставшее одним из самых больших имперских государств. Консенсусная система сосуществования народов возникает и в процессе становления и развития Российского царства (1547–1721), Российской империи (1721–1917), Советского Союза и федеративной России.

Сложившиеся принципы, способы и формы сосуществования цивилизации, система внутренних цивилизационных связей и взаимоотношений являются константными факторами, детерминирующими стиль жизни цивилизаций в настоящее время.

Особенности эволюции русского фронта: интегрально-институциональный анализ (Барахвостов П.А.)

Геополитические трансформации последних десятилетий актуализировали проблему исследования фронтиров и их роли в генезисе и взаимодействии социальных систем. Существует множество дефиниций данного концепта. Его определяют как «особый вид границы, осуществляющей как пространственное, так и социокультурное разделение» (Turner 1920), «территорию встречи и контактов различных культур и цивилизаций» (Левяш 2016, с. 194), «размытую область переменной ширины» (Замятина 1988).

В последние десятилетия данный термин начал применяться в отношении истории освоения Сибири и Дальнего Востока (Якушенков 2016; Буканова, Тычинских, Муратова 2018), при исследовании расширения Российской империи на юго-восток (Khodarkovsky 2002; Мизис, Скобелкин, Папков 2015). В настоящем сообщении феномен фронта в Азиатской России исследуется, базируясь на интегрально-институциональном анализе. В его основе – представление об обществе как о целостном образовании взаимосвязанных и взаимозависимых равнозначных подсистем – экономической, политической, социокультурной (Парсонс 1996), регулируемой сложной системой институтов, в которой можно выделить «ядро», формирующее институциональную матрицу и образованное сосуществующими на условиях «доминантность – компенсаторность» институтами двух типов: дистрибутивными и рыночными.

Несмотря на асинхронность фронтальных процессов в Азиатской России, в эволюции каждого фронта можно выделить несколько фаз: формирование военного фронта, оформление юридического статуса фронтальных территорий и установление особых военизированных форм управления, трансплантация на новые территории экономических институтов редистрибутивного типа, доминировавших в институциональной матрице России, перестройка социокультурных институтов, дефронтализация.

Особенностью эволюции русского фронта является государственное руководство фронтальными процессами, направленное на «расширение» имперского «ядра». Главным механизмом, задействованным при этом российскими властями, стало насаждение русского православного элемента. Центральными фигурами азиатских фронтальных территорий стали казак, крестьянин и ссыльный.

Особенности экономических взаимоотношений центра и фронта обусловили укрепление на новых территориях рыночных институтов: купли-продажи в качестве института обмена, наемного труда, распространения элементов субсидиарного мировоззрения, укрепления системы местного самоуправления, – и, как следствие, возникновение пространственной неоднородности российской институциональной матрицы. Проводимая российскими властями политика контроля развития рыночных институтов на фронтальных территориях (например, отклонение предложения П.А. Столыпина о распространении в Сибири права собственности на землю) тормозила дефронтализацию. Ее последствием стало наличие огромного числа слабо заселенных и неосвоенных ресурсно богатых территорий. В конечном счете это обусловило выбор экстенсивного пути развития, причем подобная ориентация сохранилась даже в XX веке, когда решение вопроса о продовольственной безопасности увязывалось с необходимостью освоения целины.

Наличие обширного фронта в Азиатской России, его «расширение» вглубь континента, от перекрестков западноевропейской цивилизации, обусловило особый, российский тип модернизации.

Обсуждения

Культурно-историческая традиция как механизм межнационального диалога в российско-осетинских отношениях (Санкоев И.Б.)

Механизмы межнационального диалога могут базироваться на факторах самого разного порядка: экономических, политических, военных, геополитических, направленных на взаимное согласование национальных интересов. При этом, на наш взгляд, существенную роль в межнациональном диалоге могут играть также и факторы, обусловленные богатым культурно-историческим наследием во взаимоотношениях народов.

В процессе оформления и развития отношений между Россией и Осетией немаловажную роль, на наш взгляд, играет механизм культурно-исторической традиции, обусловленный достаточно богатым опытом взаимодействия двух народов. При этом данную традицию следует понимать как совокупность фактов наследия и, что самое главное, – ценностное отношение к ней со стороны различных субъектов. Особая роль культурно-исторического фактора обусловлена также и тем обстоятельством, что она обладает способностью оказывать мощное воздействие и на политический процесс, а также определять поведение самого субъекта в целом.

Наличие давней, формировавшейся в течение почти 300 лет, и устойчивой культурно-исторической традиции, вытекающей из всей совокупности российско-осетинских отношений – факт, на наш взгляд, совершенно бесспорный. Причем подобная традиция формировалась в русле как минимум двух важнейших составляющих: военно-политической и этнокультурной.

В военно-политическом плане данная традиция формировалась в русле становления тесных союзнических отношений между Россией и Осетией. На протяжении всего периода российско-осетинских связей Россия всегда приходила на помощь Осетии в самые трудные для нее времена. Со своей стороны, Осетия не оставалась в долгу, проявляя лояльность по отношению к российским властям и принимая самое активное участие во всех военно-политических и социально-политических мероприятиях России на протяжении последних столетий. При этом осетинам удавалось достаточно успешно интегрироваться в состав российского социума.

В этнокультурном плане российско-осетинская историческая традиция формировалась в условиях достаточно интенсивного взаимодействия двух культур при явном перевесе, безусловно, российского влияния. Этнокультурное влияние России на Осетию (как Северную, так и Южную) было настолько интенсивным, что способствовало формированию и самой осетинской этнокультурной идентичности. Одним из важнейших элементов этой идентичности, бесспорно, стал русско-осетинский билингвизм, который способствовал расцвету этнической культуры осетинского общества.

Свидетельством устойчивости российско-осетинской культурно-исторической традиции явилось и то обстоятельство, что она стала оказывать мощное воздействие и на общественное сознание, определяя во многом и линии политического поведения сторон. В этом плане очень показательны данные социологических опросов, проводившихся в России непосредственно после августовской войны 2008 года в Южной Осетии. Так, на вопрос о том, почему следует помогать Южной Осетии, почти половина опрошенных респондентов в РФ отвечала, что у России и Южной Осетии давние культурно-исторические связи. В качестве ответов респонденты приводили следующие формулировки: «У нас общая культура, родственные отношения русских и осетин», «У осетин всегда был контакт с Россией», «Исторически мы связаны», «Народы знают друг друга давно», «Наши корни исторические», «Там наши 300 лет дружбы», «У нас дружеские отношения с Осетией». В силу подобного отношения к Осетии российские граждане поддерживали политику российского руководства в период августовской войны. По данным ВЦИОМ от 21 сентября 2008 года, подавляющее большинство россиян (87%) одобрили признание республик Южная Осетия и Абхазия и подписание с ними соглашений о дружбе и взаимопомощи⁶.

Таким образом, следует подчеркнуть, что российско-осетинская культурно-историческая традиция выдержала полную проверку временем, формируясь в условиях сложных социально-политических коллизий, развиваясь и еще более укрепляясь в кризисные для обоих народов времена. Очевидно, что данная традиция как механизм межнациональной коммуникации и до сегодняшнего дня играет значительную роль в процессе поддержания и дальнейшего совершенствования процессов интеграции между Южной Осетией и РФ на всех уровнях взаимодействия. При этом такая традиция в дополнение к военно- и геополитическим мотивам играет значительную

стабилизирующую роль, являясь фактором устойчивости и поступательного развития российско-осетинских отношений в целом.

Россия и Осетия: общность социокультурных кодов (Дзугаев К.Г.)

1. Взаимодействие русского и осетинского (осетины – аланы Кавказа) народов насчитывает многие века, а после прихода Российской империи на Кавказ начинается история взаимоотношений российского государства и Осетии, имеющей конфедеративный строй свободно самоуправляемых сообществ. С 1774 года, то есть с присоединения единой Осетии к России, ведется отсчет совместного государственного проживания. Советский период российско-осетинских отношений нас интересует в рамках данного рассмотрения тем, что была институтирована Юго-Осетинская автономная область, административно-политическим насилием введенная в состав Грузинской ССР. Наконец, с 1990 года, с момента провозглашения 20 сентября Республики Южная Осетия, мы вправе ставить научно-политологическую и культурологическую задачу изучения некоей глубокой комплементарности российско-югоосетинских отношений.

Дело в том, что южные осетины продемонстрировали поразительный историко-политический феномен государственного творения: им удалось, числом около 50 000, создать свое государство, отстоять в кровопролитных столкновениях с пяти-миллионным грузинским государством и выстоять, дожидаясь, добиться его признания Россией и еще несколькими государствами (последнее в этом ряду – признание со стороны Сирии). Это было невозможно, но южные осетины это сделали. Как это удалось, за счет чего?

Из российских экспертов впервые поставил вопрос о причинах невероятной успешности южных осетин коллега Александр Сергеев, попытавшись разобраться в социокультурных механизмах, обеспечивших южным осетинам выживание в почти невыносимых геополитических, экономических и военных условиях.

2. Для исследования этого исключительно важного для наших общих судеб вопроса предлагается понятийный инструментальный парадигмы самоорганизации, в ее применении к изучению философии истории, а также в общенаучном плане и в прикладной ее экспликации в форме синергетики. В этом контексте интересна догадка первого президента Приднестровской Молдавской Республики И. Смирнова, указавшего именно на то обстоятельство, что народ ПМР оказался способен на самоорганизацию.

Действительно, этот методологический ключ позволяет не только правильно ставить исследовательскую задачу, но и предлагает способы ее эффективного исследования и решения.

Суть в том, что южные осетины продемонстрировали ярко выраженную способность к мгновенной самоорганизации в ответ на возникающие ситуативные военно-политические вызовы. Эта способность отслеживается в поколениях, то есть не является новейшим приобретением. Социокультурные механизмы и коды, обеспечи-

⁶ ВЦИОМ: Россияне одобряют дружбу РФ с Абхазией и Ю. Осетией. Подробнее на РБК: URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/25/09/2008/5592c17e9a79473b7f4bb09b.

вающие ее наследование и применение, хорошо видны и поддаются культурологическому и социологическому анализу.

Можно утверждать, что по этому сущностному признаку югоосетинский социум имеет глубокую общность с русским народом, который также со всей очевидностью обладает уникальной способностью к самоорганизации в кризисных условиях, когда надо принять исторический вызов и победить. Доказательством тому является поистине феноменальная история русского государства, оказавшегося способным ликвидировать все военно-политические силы, посягавшие на его историческое бытие. Пожалуй, наиболее сильно эта способность к самоорганизации проявляется у великоросского ядра; отдельно можно сказать и о поморах.

Не отвлекаясь на обширные сопоставления, из других ярких примеров проявления этой способности к самоорганизации, пожалуй, можно назвать баварских немцев; совсем не случайно Гитлер инициировал быстрый рост фашистского движения именно оттуда.

3. Речь идет, следовательно, о цивилизационном идентификаторе. Известные классификации цивилизаций (от Н. Данилевского и А. Тойнби до наших дней) основаны в большинстве на религиозном и языковом идентификаторах; способность к эффективной самоорганизации как ответу на исторические вызовы выступает здесь как нетривиальный идентификатор, безусловно, заслуживающий специального рассмотрения.

Предлагаемая проблематика имеет, как это вполне понятно, чрезвычайную актуальность, так как умение создать и задействовать самоорганизационные социальные механизмы (в том числе так называемые «режимы с обострением») создает очевидное преимущество стороне в цивилизационном конфликте, владеющей этим умением. Ближайшее будущее мира определится в виде результата взаимодействия нескольких государств-цивилизаций, включая Россию.

Наша небольшая Республика в этом отношении может дать научный материал – подспорье для соответствующих российских структур реагирования на возникающие вызовы глобальной и региональной политики.

Как возможен конструктивный диалог цивилизаций? (Шохов А.С.)

Как и многие фундаментальные термины, термин «цивилизация» не имеет (и не может иметь) четкого и общепринятого определения. Можно сказать, что цивилизация – это общность людей (граждан), имеющих общее пространство для социально-экономической деятельности, выстраивающих культуру взаимодействия друг с другом, создающих социальные институты, которые позволяют им мирно сосуществовать и реализовывать разноплановые проекты развития на взаимовыгодных условиях.

Культура и цивилизация – это взаимосвязанные, но принципиально различные характеристики общности людей. Различие в первую очередь проявляется в выборе

тезауруса, которым описываются культурные и цивилизационные феномены. Цивилизация в большей степени ассоциируется с технологией, прогрессом, комфортом, достижениями науки, техническими устройствами.

Культура более тесно связана с мировоззрением, национальным языком, научными, философскими, духовными учениями, этикой, традициями и обычаями, ритуалами и мифами, литературой, различными формами искусства (живописью, музыкой, театром, балетом и др.). Конечно же, существуют жесткие ограничения, накладываемые культурой на цивилизационные характеристики и цивилизацией – на культурные особенности, а в тех обществах, где культура и цивилизация вступают в жесткое противоречие друг с другом, возникают острые социальные конфликты. Каждая локальная культура питает смыслами локальные цивилизации, культура взращивает мотивы и цели акторов, формирует интересы и представления о добре и зле, определяет наиболее перспективные и приоритетные направления цивилизационного развития.

Культурно-цивилизационные общности людей, вступая друг с другом в коммуникацию, проявляют себя, с одной стороны, как цивилизации, с другой – как культуры; это во многом определяется темой и содержанием их коммуникации. Проявляясь как цивилизации, культурно-цивилизационные общности используют цивилизационный тезаурус, который легко переводится с одного языка на другой. Иными словами, в цивилизационном контексте все общности людей прозрачны и понятны друг для друга, что создает надежный фундамент для диалога локальных цивилизаций и возможности для формирования общемировой цивилизации.

Культуры, в отличие от цивилизаций, частично непроницаемы друг для друга, что создает значительные «трудности перевода» и сложности во взаимопонимании и доверии. Общемировая культура может существовать только как смысловая оболочка совместно создаваемой общемировой цивилизации, при этом в этой общемировой культуре элиминируются все те культурные особенности, которые остаются в зоне взаимной непроницаемости и понятны только тем людям, которые сформировались в лоне данной культуры.

Высказанные выше общие соображения позволяют сформулировать несколько важных выводов, касающихся условий, при которых возможен конструктивный диалог цивилизаций.

1. Выбирая по две разные культуры из всего множества, можно обнаружить, что некоторые пары культур более непроницаемы друг для друга, а другие – менее. Чем выше взаимная непроницаемость культур, тем меньше шансов на взаимопонимание, доверие, сотрудничество и взаимное прощение. Иными словами, межкультурный диалог тем менее эффективен, чем выше взаимная непроницаемость (и взаимная непонятность) культур.

2. Чем в меньшей степени соизмерим тезаурус локальной культуры с тезаурусом сцепленной с нею локальной цивилизации, тем меньше шансов, что данная культурно-цивилизационная общность вступит в конструктивный цивилизационный диалог с другими.

3. Чем больше цивилизационных контекстов возникает на начальной стадии диалога культурно-цивилизационных общностей, тем выше шансы на взаимопонимание и сотрудничество и тем более благоприятные условия создаются для культурного обмена и уменьшения взаимной непроницаемости культур.

4. Большие цивилизационные проекты, инициированные одной из культурно-цивилизационных общностей, являются наилучшим способом построения конструктивного диалога локальных цивилизаций и формирования глобального цивилизационного контекста. В качестве больших цивилизационных проектов могут выступать: развитие космического сотрудничества, сохранение биоразнообразия, решение экологических проблем технологическими средствами, производство энергии, обеспечение необходимыми ресурсами и т.п. Реализуя большие цивилизационные проекты совместно, культурно-цивилизационные общности становятся более открытыми друг для друга, их культуры становятся взаимно более проницаемыми, что увеличивает шансы на взаимопонимание и доверие.

5. Коммуникационные режимы (термин В.В. Комлевой) могут рассматриваться как универсальные конфигураторы диалога локальных цивилизаций и сцепленных с ними культур. Согласование и взаимная гармонизация коммуникационных режимов могут создать условия для конструктивного диалога культурно-цивилизационных общностей, интеграционных процессов и сотрудничества.

Выводы

Материалы научной дискуссии показывают многогранность проблематики диалога цивилизаций. В ходе дискуссии были обозначены как общие позиции участников, так и частные аргументированные позиции. Наибольшие разногласия вызвала проблематика способности цивилизаций к диалогу. Ряд ученых, ссылаясь на цивилизационную идентичность, устойчивые культурные коды, говорили о невозможности диалога цивилизаций. Альтернативной позиции придерживались ученые, выступающие за возможность межкультурного диалога. В качестве примера приводилась русская цивилизация с многоуровневой идентичностью и своей диалоговой моделью.

Дискуссия возникла и вокруг проблематики цивилизационной субъектности и субъектов межкультурного диалога. Подчеркивалась необходимость поиска новых субъектов диалога цивилизаций, так как государства оказались не способными к конструктивному диалогу и нередко своими действиями провоцировали конфликты цивилизаций.

Все участники дискуссии согласились с тем, что научное сообщество должно вернуться к вопросу формирования понятийного и категориального аппарата исследований цивилизаций и прийти к хотя бы относительному согласию в операционализации основных понятий. В этом случае будет возможно сравнение исследований, обмен полученными результатами и приращение знаний о развитии и диалоге цивилизаций.

Источники

- Буданов, В.Г. (2021), "О возможности интегральной этики большого антропологического перехода, [On the possibility of integral ethics of the great anthropological transition]" *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент*, Т. 11, № 6, с. 260-269.
- Буданов, В.Г. (2007), *Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании* [Methodology of synergetics in postnonclassical science and education]. Москва: УРСС. Гл. 4. Метод ритмокаскадов.
- Буданов, В.Г. (2009), "Ритмокаскады истории и прогноз развития социально-психологических архетипов России до 2050 года [Rhythmic cascades of history and forecast of development of socio-psychological archetypes of Russia until 2050]," *Синергетическая парадигма. Социальная синергетика. М.: Прогресс-Традиция*, с. 234-264.
- Буданов, В.Г. (2018), "Нелокальные квантово-синергетические онтологии архетипов общественного развития: ритмокаскадное расписание войн и революций," [Nonlocal quantum-synergetic ontologies of archetypes of social development: rhythmic cascade schedule of wars and revolutions] *SocioTime / Социальное время*, № 3 (15), с. 85-99.
- Буканова, Р.Г., Тычинских, З.А., Муратова, С.Р. (2018), "Особенности фронта на Урале и в Западной Сибири в XVI–XVIII вв.," [Features of the frontier in the Urals and Western Siberia in the XVI-XVIII centuries] *Уральский исторический вестник*, № 4., с. 89-95.
- Замятина, Н.Ю. (1998), "Зона освоения (фронт) и ее образ в американской и русской культурах," [Steppe Frontier of Russia: The Making of a Colonial Empire, 1500-1800] *Общественные науки и современность*, № 2, с. 75-88.
- Леваш, И.Я. (2016), *Культурное отчуждение и фронтиры: пропасти и мосты. Диалог культур в эпоху глобальных рисков* [Cultural alienation and frontiers: chasms and bridges. Dialogue of cultures in the Era of Global risks] / под ред. А.В. Данильченко, РИВШ, Минск, с. 193-196.
- Мизис, Ю.А., Скобелкин, О.В., Папков, А.И. (2015), "Теория фронта и юг России в XVI – первой половине XVIII века," [The theory of the frontier and the South of Russia in the XVI - first half of the XVIII century] *Вестник ТГУ*, Т. 20, № 10, с. 7-15.
- Момджян, К.Х. (2012), "Кризис фрагментации современной социальной философии," [The crisis of fragmentation of modern social philosophy] *Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия*.
- Парсонс, Т. (1996), *Система координат действия и общая теория систем действия. Функциональная теория изменения. Понятие общества*. [The coordinate system of action and the general theory of action systems. Functional theory of change. The concept of society. American Sociological Thought] *Американская социологическая мысль*, Изд. Международного ун-та бизнеса и управления, Москва, с. 462-525.
- Якушенков, С.Н. (2016), "На границе тучи ходят хмуро, край суровый тишиной объят," [Clouds walk gloomily on the border, the harsh edge is embraced by silence] *Journal of Frontier Studies*, № 4, pp. 7-32.
- Khodarkovsky, M. (2002), *Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500–1800*, Indiana University Press Bloomington, Indianapolis.
- Turner, F.J. (1920), *The Significance of Sections in American History*, available at: <http://nationalhumanitiescenter.org/pds/gilded/empire/text1/turner.pdf>. Date of access: 15.01.2021.

DOI: 10.53658/RW2022-2-1(3)-142-159

УДК: 316.722; 316.75; 008.2

Intercivilizational dialogue: the possibilities of local civilizations (materials of the scientific discussion)

Vladimir G. Budanov

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Magomed M. Kuchukov

Kabardino-Balkarian State Agrarian University named after V.M. Kokov
(Nalchik, Russia)

Pavel A. Barakhvostov

Belarusian State University of Economics (Minsk, Belarus)

Inal B. Sanakoev

South Ossetian State University (Tskhinval, Republic of South Ossetia)

Kosta G. Dzugaev

South Ossetian Scientific Research Institute named after Z.N. Vaneev (Tskhinval,
Republic of South Ossetia)

Aleksander S. Shokhov

Centre for the Implementation of Strategic Projects (Moscow, Russia)

Abstract: The article contains the basics of a scientific discussion held at the National Research Institute for the Development of Communications (NIIRC). In the course of the discussion, the issues of the methodology of civilizations studies, the complexity of the formation of the conceptual apparatus, different facets of the problems in civilizations dialogue, features and potential of local civilizations were discussed. Common approaches and differences in them, the issues of the ability of civilizations to a dialogue, subjectivity in the inter civilizational dialogue are revealed. It was proposed to use a rhythmic cascade approach, which can contribute to the development of the methodology of comparative analysis of civilizations, the increment of scientific knowledge in this field of scientific research. The participants drew attention to the constant factors determining the evolution of civilizations at the present time, to the possibilities of a constructive dialogue of civilizations. In the course of the discussion, the features of the Russian type of modernization, which developed under the conditions of a vast frontier in Asian Russia, cultural and historical tradition as a mechanism of interethnic dialogue in Russian-Ossetian relations, the community of social cultural codes between Russia and Ossetia are considered.

Keywords: local civilizations, inter civilizational dialogue, frontier

About the authors:

BUDANOV Vladimir G. DSc (Philos.), CandSc (Phys.&Math.). Chief Researcher of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, expert of the Centre of Interdisciplinary Studies named after Kurdumov S.P. «SRETENSKY CLUB». ORCID: 0000-0003-2371-8659. Address: 14 Volkhonka Street, Moscow, 119991, Russian Federation. E-mail: budsyn@yandex.ru

KUCHUKOV Magomed M. DSc (Philos.). Professor of the Department of History and Philosophy of the Kabardino-Balkarian State Agrarian University named after V.M.Kokov. ORCID: 0000-0002-9510-8676. Address: 109a Tolstogo str., Nalchik, 360004, Russian Federation, kuchukovm@mail.ru

BARAKHVOSTOV Pavel A. CandSc (Pol.). Associate Professor of the Department of Political Science of the Belarusian State University of Economics. ORCID: 0000-0001-8943-5980. Address: 26 Partizansky Ave., Minsk, 220070, Belarus, barakhvostov@yandex.by

SANAKOEV Inal B. CandSc (Pol.). Head of the Department of Political Science and Sociology of the A.A.Tibilov South Ossetian State University. Address: 100001, Republic of South Ossetia, Tskhinval, Ostrovsky str., 85, inal59@mail.ru

DZUGAEV Kosta G. CandSc (Philos.). Associate Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies of the A. A. Tibilov South Ossetian State University. Address: 100001, Republic of South Ossetia, Tskhinval, June 8, Dzugaev lane, 2, kostadzugaev@mail.ru

SHOKHOV Alexander S. Candidate of Philosophy (PhD). General Director of Strategic Project Implementation Center, <https://центрреализациистратегическихпроектов>, expert of the Centre of Interdisciplinary Studies named after Kurdumov S.P. «SRETENSKY CLUB». ORCID: 0000-0002-2982-3479, www.shokhov.com, shokhov@gmail.com, phone +79870473838.

References

- Budanov, V.G. (2021), "On the possibility of integral ethics of the great anthropological transition," [O vozmozhnosti integralnoi etiki bolshogo antropologicheskogo perekhoda"] *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Series: Economics. Sociology. Management*, Vol. 11, No. 6, pp. 260-269. (In Russian)
- Budanov, V.G. (2007), Methodology of synergetics in postnonclassical science and education [O vozmozhnosti integralnoi etiki bolshogo antropologicheskogo perekhoda"]. Moscow: URSS. Chapter 4. The method of rhythmic cascades. (In Russian)
- Budanov, V.G. (2009), "Rhythmic cascades of history and forecast of development of socio-psychological archetypes of Russia until 2050," [Ritmokaskady istorii i prognoz razvitiya sotsialno pshologicheskikh arkhetipov Rossii do 2050 goda.] *Synergetic paradigm. Social synergetics*, Moscow, Progress-Tradition, pp. 234-264. (In Russian)
- Budanov, V.G. (2018), "Nonlocal quantum-synergetic ontologies of archetypes of social development: rhythmic cascade schedule of wars and revolutions," [Neolokalnye kvantovo sinergeticheskie ontologii arkhetipov obshchestvennogo razvitiya: ritmokaskadnoie raspisanie voin i revoliutsii.] *SocioTime*, No. 3 (15), pp. 85-99. (In Russian)
- Bukanova, R.G., Tychinskikh, Z.A., Muratova, S.R. (2018), "Features of the frontier in the Urals and Western Siberia in the XVI-XVIII centuries," [Osobennosti frontira na Urale i v Zapadnoi Sibiri v XVI-XVIII v.v.,] *Ural Historical Bulletin*, No. 4, pp. 89-95. (In Russian)
- Levyash, I.Ya. (2016), Cultural alienation and frontiers: chasms and bridges. Dialogue of cultures in the Era of Global risks [Kulturnoe otchuzdenie i frontiry: propasti i mosty. Dialog kultur v epokhu globalnykh riskov], edited by A.V. Danilchenko, Riga, Minsk, pp. 193-196. (In Russian)
- Mizis, Yu.A., Skobelkin, O.V., Papkov, A.I. (2015), "The theory of the frontier and the South of Russia in the XVI – first half of the XVIII century," [Teoria frontira i Yug Rossii v XVI – pervoi polovine XVIII veka] *Bulletin of TSU*, Vol. 20. No. 10, pp. 7-15. (In Russian)
- Momdjian, K.H. (2012), "The crisis of fragmentation of modern social philosophy," [Krizis fragmentazii sovremennoi sotsialnoi filosofii] *Bulletin of the Moscow University. Ser. 7: Philosophy*. (In Russian)
- Parsons, T. (1996), The coordinate system of action and the general theory of action systems. Functional theory of change. The concept of society [Sistema koordinat deistviya i obshchaya teoriya sistem deistviya. Funktsionalnaya teoriya izmeneniya. Ponyatie obshchestva. Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl]. American Sociological Thought, Ed. of the International University of Business and Management, Moscow, pp. 462-525. (In Russian)
- Yakushenkov, S.N. (2016), "Clouds walk gloomily on the border, the harsh edge is embraced by silence," [Na ganize tuchi khodyat khmuro, krai surovy tishinoi ob'yat] *Bulletin of the Boundaries of Research*, No. 4, pp. 7-32. (In Russian)
- Khodarkovsky, M. (2002), Steppe Frontier of Russia: The Making of a Colonial Empire, 1500–1800, *Indiana University Press*, Bloomington, Indianapolis.
- Turner, F.J. (1920), The Meaning of Sections in American History, available at: URL: <http://nationalhumanitiescenter.org/pds/gilded/empire/text1/turner.pdf>. Date of application: 15.01.2021.
- Zamyatina, N.Yu. (1998), "The zone of development (frontier) and its image in American and Russian cultures," *Social Sciences and Modernity*, No. 2, pp. 75-88.

ДИАЛОГ КУЛЬТУР И НАРОДОВ

DOI: 10.53658/RW2022-2-1(3)-160-174

УДК: 316.722; 316.75; 008.2

Некоторые особенности современного диалога цивилизаций

Стамова Р.Д.

Институт философии, права и социально-политических наук
им. А.А. Алтмышбаева Национальной академии наук Кыргызской
Республики (Бишкек, Кыргызстан)

Аннотация. Понятие «диалог цивилизаций» возникло относительно недавно, однако за время своего существования претерпело ряд изменений, не говоря уже о том, что в научной среде не существует единого мнения, что именно считать диалогом цивилизаций. Очевидно, что существовали и существуют взаимоотношения между народами, принадлежащими к различным цивилизациям, – те взаимоотношения, которые в целом подпадают под понятие «диалог цивилизаций». И так же очевидно, что в зависимости от конкретного исторического отрезка времени или эпохи, конкретных обстоятельств и множества различных условий данный диалог изменял свои формы. Однако суть данного диалога и его основа, как нам представляется, оставалась неизменной, что было обусловлено самой природой человека. В статье раскрывается суть и естественная основа диалога цивилизаций. Кроме того, выясняется, какие формы данный диалог на глобальном уровне принял в последние десятилетия и что послужило причиной трансформации этих форм. Мир стремительно изменяется, темп изменений со временем будет только нарастать, и это нуждается в определенном анализе.

Ключевые слова: цивилизация, культура, диалог цивилизаций, особенности современного взаимодействия цивилизаций

Об авторе: СТАМОВА Рахат Дуйшембуевна. Доктор философских наук. Профессор. Заведующая Отделом социальной философии, эстетики и этики Института философии, права и социально-политических наук им. А.А. Алтмышбаева Национальной академии наук Кыргызской Республики. ORCID 0000-0001-5888-1371. Адрес: 720071, Кыргызская Республика, г. Бишкек, пр. Чуй, 265-а. stamrah@mail.ru.

Введение

Одной из основных, определяющих черт современного мира является его чрезвычайно стремительное и трудно предсказуемое, сложно прогнозируемое развитие. В течение жизни всего лишь одного-двух поколений мир может изменяться до неузнаваемости. Еще в начале восьмидесятых годов XX века редко кто мог предсказать распад огромной и могущественной империи в лице СССР, превращение двухполярного мира в однополярный. Еще десять-двадцать лет назад сложно было представить, что и од-

нополярный мир будет стремительно преобразовываться в многополярный, причем восточные цивилизации будут стремительно возвращать себе утраченное несколько столетий назад лидирующее положение в мире. Разумеется, в таких условиях взаимоотношения и взаимодействие между народами и цивилизациями, с одной стороны, резко интенсифицируются, а с другой – существенно усложняются. Что представляют собой по сути данные взаимоотношения и взаимодействие в настоящее время? Конечно, мы не сможем дать не только исчерпывающий, но и достаточно полный и точный ответ на данный вопрос. Тем не менее попытаемся дать определенный конкретный ответ.

Актуальность темы обусловлена тем, что мы, современные люди, существуем в условиях данного диалога, и очевидно, что от его характера в значительной степени зависит и характер наших судеб и судеб всех народов на планете. Целью данной статьи является выяснение характера и некоторых особенностей современных межцивилизационных отношений. Задачами являются выявление природы человека, которая в конечном счете определяет характер диалога цивилизаций, а также взаимосвязи между культурой и цивилизацией, которые в контексте данной статьи в значительной мере совпадают между собой.

Материалы и методы

Определяются его предметом, то есть самим феноменом диалога цивилизаций, предполагающим использование в первую очередь цивилизационного и исторического подходов. В качестве материалов статьи использовались произведения и статьи таких авторов-классиков философской и политической мысли, как Ф. Ницше, О. Шпенглер, С. Хантингтон и др., а также ряда современных авторов, перечень которых представлен в списке использованных источников.

Результаты исследования

Тот, кто пытается определить характер и последствия так называемого диалога цивилизаций, с самого начала наталкивается на несколько достаточно сложно решаемых проблем, обусловленных многозначностью обоих понятий. Поэтому уточним, что именно мы будем понимать под диалогом цивилизаций, и, разумеется, объясним собственный выбор.

Что касается диалога, то в соответствии с этимологией данного слова (от греч. *Διάλογος* – «разговор») оно означает (во всяком случае в первоначальном и привычном смысле слова) общение, беседу, коммуникацию, собеседование, происходящее между двумя либо большим количеством лиц. Однако все существенно усложняется, когда термин «диалог» употребляется уже не по отношению к конкретным людям, а к цивилизациям. Очевидно, что диалог в цивилизационном контексте может означать определенного рода контакты и взаимодействие между народами и цивилизациями, которые представлены этими народами. В представленном нами контексте диалог цивилизаций если не

тождествен, то, во всяком случае, очень близок понятию «диалог культур», под которым обычно понимается взаимодействие, взаимовлияние, взаимопроникновение либо взаимное отталкивание, отторжение, неприятие разных исторических или современных культур как формы их конфессионального либо политического сосуществования. В пользу данного мнения говорит тот факт, что в 2016 году был создан исследовательский институт «Диалог цивилизаций» (англ. Dialogue of Civilizations Research Institute), представляющий собой международную независимую некоммерческую организацию. Основной целью института является содействие росту международной безопасности путем выработки и предложения рекомендаций, направленных на предотвращение конфликтов либо, если они уже происходят, их устранение и снижение напряженности в различных регионах мира. Состав института образуют ученые различных профилей, интеллектуалы, действующие либо бывшие политики, предприниматели, деятели искусства и культуры из разных стран мира, представляющих широкий цивилизационный спектр. Следует указать на то, что существуют авторитетные аналитики и исследователи, которые не ставят знак тождества между диалогом культур и цивилизаций. Так, известный российский государственный и общественный деятель В.И. Якунин утверждает:

Цивилизационный подход к истории является реальностью уже на протяжении полутора столетий... Цивилизация рассматривается в данном отношении как предельное понятие, обозначающее все человечество в целом в его историческом развитии, как синоним понятия “культуры”. Но есть и другой способ трактовки цивилизации, более приемлемый в цивилизационной парадигме, где цивилизация мыслится как совокупность самостоятельных планов исторического развития, возникших на особой национально-территориальной почве.

(Якунин 2012)

Размытость или, вернее, обширность и многозначность самого понятия «цивилизация» естественным образом создают определенные сложности при определении двухсоставного понятия «диалог цивилизаций». Как справедливо указывает российский исследователь Б.С. Ерасов,

размытость в определении понятия “цивилизация” – результат существенных изменений в общественной мысли, воспринимающей сдвиги в научных построениях, но зачастую оказывающей на эти построения существенное, а подчас и деформирующее воздействие.

(Ерасов 1998)

Другой российский исследователь М.В. Харкевич обращает внимание на то, что

в мире существуют множество цивилизаций, понимаемых в общих чертах как макроструктуры, организованные вокруг определённых культурных, социальных и/или экономических отношений. Содержание исследований в рамках данного подхода заключается в операционализации определения цивилизаций, выявлении характеристик их поведения, взаимодействия, специфики их внутреннего устройства и развития.

(Харкевич 2015)

Само собой разумеется, диалог между людьми, конкретными лицами – далеко не одно и то же, что диалог цивилизаций. Как пишет российский политолог И.В. Следзевский, диалог цивилизаций представляет концептуальную смыслообразующую формулу (Следзевский 2011). Следует указать, что, как бы ни понимался диалог цивилизаций или, выражаясь словами И.В. Следзевского, смыслообразующая формула, она, данная формула, предполагает взаимодействие между цивилизациями. И, собственно, это взаимодействие на практике и есть диалог цивилизаций, в пользу чего говорит, в частности, характер и направление деятельности вышеупомянутого института «Диалог цивилизаций».

И это взаимодействие цивилизаций носит не только мирный, но и нередко конфликтный характер. В данной связи необходимо указать на то важное обстоятельство, что практически вся история человечества пронизана конфликтными взаимоотношениями между различными народами и цивилизациями. И эти конфликты часто носили самую острую форму – военного противостояния, войны. Если обратиться к конкретным историческим примерам, то первые цивилизации на Земле – Древняя Месопотамия, Индийская цивилизация, Древний Египет, Древняя Греция, Древняя китайская цивилизация, цивилизация Хеттов, цивилизация Майя, Древний Рим и др. – возникли в результате успешных военных экспансий, что вполне закономерно и даже неизбежно, поскольку возникновение первых цивилизаций было сопряжено с захватом и защитой территорий, наиболее пригодных для жизни. Государство – а именно с ними связано возникновение первых наиболее развитых цивилизаций в истории человечества – представляет собой форму организации определенных этнических сообществ, предназначение которой состояло в первую очередь в обеспечении защиты собственных территорий от внешних посягательств. Однако в условиях, когда одни общности опережали в своем экономическом или военном отношении (либо в обоих отношениях) другие общества, неизбежно возникала ситуация, что опережающие в своем развитии социумы тем или иным образом использовали в своих интересах имеющееся у них преимущество. Чаше это происходило, как это следует из множества исторических фактов, в виде военной экспансии. Так возникли первые могущественные империи, которые представляли собой не что иное, как вышедшие за первоначальные пределы и разросшиеся первые государства. Практически все вышеперечисленные цивилизации формировались именно таким образом. Постоянное и настойчивое расширение первых цивилизаций с необходимостью приводило к тому, что различные цивилизации приходили в соприкосновение друг с другом и затем вступали в единоборство друг с другом. Так, Персидская империя эпохи правления династии Ахеменидов простиралась во времена своего высшего могущества от реки Инд на востоке до Эгейского моря на западе, от первого порога реки Нил на юге до Закавказья на севере, охватив более 80 народов. Сама Персидская империя была, в конце концов, разгромлена Александром Македонским, в намерения которого входило завоевание всего мира, известного древним грекам. Древний Рим, захвативший большую часть территории Западной Европы, превратил Средиземное море во внутреннее. История Китая от империи Цинь, возникшей в период от 221 до 206 года до н.э., до империи Цин, существовавшей с 1645 по 1911 год, была историей империи, одерживавшей победы над соседями либо терпевшей от них поражения (например, от Монгольской империи,

которая была самой обширной за всю историю человечества). Примеры можно продолжать до бесконечности. Но в этом нет необходимости, поскольку вполне очевидно, что народы, создававшие империи, расширяли их, насколько это представлялось возможным, и прекращали свое продвижение, если встречали значительный отпор и уже фактически не были в состоянии расширяться. Население на подчиненных территориях, как правило, частично истреблялось (часть, не прекращавшая военное сопротивление), а оставшиеся подвергались ассимиляции. Так, Древний Рим в течение нескольких веков подверг подчиненные им народы латинизации, в процессе которой возникли французский, испанский, португальский, румынский и другие языки, которые в настоящее время составляют романскую группу языков. В дальнейшем испанцы, португальцы и французы создали собственные империи, внедрив на завоеванных территориях собственные языки и культуру. К настоящему времени на романских языках говорит около 600 млн людей (романские языки)¹. На китайском языке на сегодняшний день во всем мире говорят свыше 1,3 млрд человек (китайский язык)². В современном мире около 1,5 млрд человек на планете говорят на английском языке, что составляет приблизительно 20% от всех людей, проживающих в настоящее время. При этом для около 360 млн человек английский язык является родным, для остальных он является вторым, но которым они владеют практически свободно (английский язык)³. Кыргызцы, как известно, некоторую часть своей истории входили в состав Российской империи, которая на определенном историческом отрезке трансформировалась в СССР, в котором безусловно доминирующим был русский язык. По данным, опубликованным в № 3 за 1997 год журнала *Language Monthly*, около 300 млн человек по всей Земле владеют русским языком, при этом только 160 млн людей считают его родным (русский язык)⁴.

Диалог цивилизаций, таким образом, на деле сводился, как это следует из вышеприведенных примеров, в значительной мере к навязыванию собственной культуры и языка другим народам и культурам. Данное явление, по нашему мнению, следует отнести к явлениям универсального порядка. Другими словами, люди, принадлежащие к тому или иному социуму, стремятся последовательно и настойчиво отстаивать свои интересы, что неизбежно перетекает в процесс культурной и языковой ассимиляции. И здесь различие между народами состоит только в том, что одни народы делают это более или менее успешно, а другие – нет. Данный факт, связанный со стремлением народов подчинить себе другие народы, а затем ассимилировать их в собственной культуре и языке, можно объяснить, как нам представляется, самой природой человека, который естественным образом устремлен к доминированию или, во всяком случае, не терпит или внутренне не желает над собой власти, исходящей от других народов и культур.

¹ Романские языки [Электронный ресурс]. URL: https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/ROMANSKIE_YAZIKI.html.

² Китайский язык [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Китайский_язык#Ареал_и_численность.

³ Английский язык знают 20% населения Земли. Как так вышло? [Электронный ресурс]. URL: <https://magazine.skyeng.ru/history-of-english/>.

⁴ Русский язык в мире [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Русский_язык_в_мире#Распространение_в_мире.

Попытаемся объяснить данный факт, обстоятельство, опираясь на определенные философские подходы, а вернее, на основополагающее положение во взглядах Ф. Ницше на природу человека, сформулированное им как «воля к власти». Воля к власти, по мнению мыслителя, является основной движущей силой в людях, проявляющейся в их естественном стремлении к достижению, амбиции и желанию достичь максимально возможного преимущества, положения в жизни. Это стремление является прямым проявлением воли к власти, о которой Ф. Ницше писал, в частности, следующее:

Если глубочайшая сущность бытия есть воля к власти, если удовольствие сопутствует всякому росту власти, а неудовольствие всякому чувству невозможности сопротивления, чувству невозможности одержать верх, можем ли мы в таком случае принять удовольствие и неудовольствие за кардинальные факты? Возможна ли воля без этих обеих крайних точек; без да и нет? Но кто чувствует удовольствие?.. Но кто хочет власти?.. Нелепый вопрос! Когда всякое существо само есть воля к власти, а следовательно, и чувство удовольствия и неудовольствия! И все-таки – оно ощущает нужду в противоположностях, в сопротивлении, т. е. относительно, в других единствах, стремящихся к расширению своих пределов.

(Ницше 1994)

Таким образом, воля к власти, как считал Ф. Ницше, – это основополагающая суть всего живого на Земле (а не только человека), которое, будучи наделенным инстинктом к жизни, неизбежно тянется к ней, стремится избежать смерти. Однако в силу того, что человек наделен разумом, его воля к власти воплощается в значительно более сложной форме, чем у других живых существ. В частности, она реализуется через систему культурных отношений и ценностей, а также через язык. И по этой причине воля к власти в сфере взаимодействия различных народов с необходимостью приобретает форму противоборства культур и языков, когда каждый из участвующих во взаимодействии народов стремится как минимум сохранить собственную культуру и язык, а как максимум – навязать их другому народу. Такое стремление в условиях этнического и национального бытия неизбежно приобретает форму конкуренции культур, одним из важнейших элементов является язык. При этом интересы других народов и государств часто не принимаются в расчет, сознательно или подсознательно игнорируются либо учитываются настолько, насколько оказывается противодействие.

Описанный выше принцип работал и продолжает работать и в настоящее время, и он лежит в основе взаимодействия или, другими словами, диалога цивилизаций. Сама человеческая природа, устремленная, говоря словами Ф. Ницше, к власти, приводит к тому, что народы и цивилизации, взаимодействуя между собой, стремятся тем или иным образом к доминирующему положению, а если заведомо не способны занять это положение, то ведут себя таким образом, чтобы снизить и смягчить влияние противоположной стороны. Российский исследователь И.В. Кучерук справедливо указывает на то, что диалог цивилизаций в реальном историческом процессе часто происходил и происходит в условиях асимметричности, то есть неравноценности или неравносильности сторон диалога, что является качественной характеристикой

«межсубъектного диалога, включая диалог цивилизаций и культур, основанный на неравновесности позиций его субъектов, их статусов и ресурсов» (Кучерук 2013).

Особо драматический характер диалогу и конфликту цивилизаций придает тот факт, обстоятельство, что часто цивилизации придерживаются различных ценностных систем, которые не только не совпадают между собой, но отрицают друг друга и не могут, в сущности, быть приведены к общему знаменателю. Так, в настоящее время мы являемся не только свидетелями, но и фактически участниками двух систем ценностей – традиционных и так называемых либеральных. Их взаимное отличие носит принципиальный и фундаментальный характер. В связи с таким их отличием, в частности, Патриарх Московский и всея Руси Кирилл говорит следующее:

Следует отличать ценности, придуманные человеком, от ценностей, которые открыл Господь. Первые являются относительными, преходящими и зачастую меняются с ходом истории и развитием законов человеческого общежития. Вторые вечны и неизменны, как вечен и неизменен Бог. Первые зачастую основаны на личных интересах человека и ставят целью достижение земного благополучия и получение сиюминутной выгоды. Вторые призывают презреть блага земной жизни ради высших целей и ценностей. ...Церковь всегда свидетельствовала о важности следования традиционным, богозаповеданным нравственным идеалам, ибо именно они обеспечивают духовный иммунитет, стойкость и жизнеспособность всего общества.

(Кирилл (Гундяев) 2013)

Следует, однако, уточнить, что взаимоотношения между цивилизациями носили и носят не только конфликтный характер. Все определялось и определяется в конечном счете сложившимся балансом сил. Следует также указать, что конфликт всегда лежал в основе развития человеческого вида. Как бы он ни был неприятен и нежелателен сам по себе, конфликт, а вернее, боязнь потерпеть поражение в актуальном или потенциальном, возможном конфликте была и остается по настоящее время самым сильным стимулом в развитии народов и цивилизаций. Будет уместным привести мысль Ф. Энгельса, который, характеризуя внутреннюю суть не только европейской, но и любой другой цивилизации, писал:

Низкая алчность была движущей силой цивилизации с ее первого до сегодняшнего дня; богатство, еще раз богатство и трижды богатство, богатство не общества, а вот этого отдельного жалкого индивида было ее единственной, определяющей целью. Если при этом в недрах этого общества все более развивалась наука и повторялись периоды высшего расцвета искусства, то только потому, что без этого невозможны были бы все достижения нашего времени в области накопления богатства.

(Энгельс 1961, с. 177)

Таким образом, базовый принцип, на котором выстраивались взаимоотношения между первыми цивилизациями, не претерпел, по нашему мнению, никаких серьезных изменений и продолжает действовать в качестве основополагающего и в

современной системе международных и межкультурных отношений. Изменяются только формы этих взаимоотношений, которые подстраиваются под текущую реальность и технические, военные, экономические и прочие возможности современных государств и цивилизаций.

Обратимся к сегодняшней реальности, которая, как мы указывали во введении, характеризуется чрезвычайно стремительной изменчивостью. Для этого уточним, что мы будем понимать под цивилизацией применительно к текущей действительности. Современный философ А.А. Грицанов не без основания указывает на то, что категория цивилизации в настоящее время представляет собой

в высшей степени эклектичное и многозначное понятие, обозначающее: 1) одно из разнокачественных состояний общества в его изменении в реальном историческом времени; 2) этап в эволюции человеческого общества, пришедший на смену «первобытному варварству»; 3) совокупность организационных средств (программ деятельности), посредством которых люди стремятся достичь тех общественных целей, которые заданы существующими универсалиями культуры и фундаментальными символами последней⁵.

Данный термин имеет достаточно длительную историю, что и объясняет его высшую степень эклектичности и многозначности. Первым, кто употребил понятие «локальная цивилизация», был французский философ Ш. Ренувье, издавший в 1844 году свой научный труд «Руководство к древней философии». С тех пор термин «цивилизация» стал «странствовать» в различных научных трудах, обрастая новыми значениями и смыслами, продолжаясь в настоящее время.

Наиболее авторитетным научным трудом, посвященным проблеме цивилизации, по настоящее время признается фундаментальная работа немецкого философа и культуролога, одного из основоположников философии культуры О. Шпенглера «Закат Европы», изданная в 1923 году. Следует указать, что О. Шпенглер, испытав определенное влияние философии Ницше, как и последний, противопоставил друг другу два таких феномена, как культура и цивилизация:

У каждой культуры – своя собственная цивилизация. ...Цивилизация есть неизбежная судьба культуры. ...Цивилизация – это те самые крайние и искусственные состояния, осуществить которые способен высший вид людей. Они завершение, они следуют как ставшее за становлением, как смерть за жизнью, как неподвижность за развитием, как умственная старость... Они – неизбежный конец, и тем не менее с внутренней необходимостью к ним всегда приходили.

(Шпенглер 1993)

Культура и цивилизация – это живое тело души и ее мумия.

(Шпенглер 1993)

⁵ Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. Мн.: Изд. В.М. Скакун, 1998. С. 799.

Это – цивилизация вместо культуры, внешний механизм вместо внутреннего организма, интеллект в качестве душевной окаменелости вместо самой угасшей души.

(Шпенглер 1993)

О. Шпенглер был далеко не единственный, кто противопоставлял культуру и цивилизацию, считая последнюю смертью культуры. В контексте данной статьи такое понимание цивилизации едва ли приемлемо. Мы придерживаемся толкования цивилизации, принадлежащего известному американскому социологу и политологу XX и начала XXI века, автору концепции этнокультурного разделения цивилизаций, С. Хантингтону, который писал в нашумевшей в свое время статье «Столкновение цивилизаций», изданной им в 1993 году, следующее:

Сейчас гораздо уместнее группировать страны, основываясь не на их политических или экономических системах, не по уровню экономического развития, а исходя из культурных и цивилизационных критериев.

(Хантингтон 1994)

При этом цивилизация, как считает С. Хантингтон,

представляет собой некую культурную сущность. Деревни, регионы, этнические группы, народы, религиозные общины – все они обладают своей особой культурой, отражающей различные уровни культурной неоднородности.

(Хантингтон 1994)

Мы можем определить цивилизацию как культурную общность наивысшего ранга, как самый широкий уровень культурной идентичности людей... Цивилизации определяются наличием общих черт объективного порядка, таких как язык, история, религия, обычаи, институты, – а также субъективной самоидентификацией людей. Есть различные уровни самоидентификации... Цивилизация – это самый широкий уровень общности, с которой он себя соотносит. Культурная самоидентификация людей может меняться, и в результате меняются состав и границы той или иной цивилизации.

(Хантингтон 1994)

Идентичность же на уровне цивилизации, по его мнению, «будет становиться все более важной, и облик мира будет в значительной мере формироваться в ходе взаимодействия семи-восьми крупных цивилизаций» (Хантингтон 1994), что связано, по С. Хантингтону, с рядом важных причин. Во-первых, реальным различием современных цивилизаций, которое сложно устранить. Во-вторых, значительным сужением жизненного пространства, что обусловлено стремительным количественным ростом населения планеты, сопровождающимся заметным ростом экономик государств. В-третьих, интенсивными модернизационными процессами, которые повлекли за собой существенные социальные изменения в масштабах всей планеты, сопровождаемые размытием и болезненным изменением традиционной идентификации людей и ослаблением роли нации-государства, выступающего в качестве основного источника идентификации лю-

дей. В-четвертых, ростом цивилизационного самосознания, которое является реакцией на доминирующую роль Запада, который руководствуется в своих взаимоотношениях с остальным миром стремлением возглавлять и регулировать процесс глобализации. В-пятых, меньшей подверженностью изменениям культурных особенностей народов по сравнению с экономическими и политическими составляющими цивилизаций, по этой причине обнаруживающих большую устойчивость и менее подверженных к компромиссу. В-шестых, процессом экономического и политического регионализма, который заметно усилился в последние десятилетия. В связи с данным процессом С. Хантингтон указывал на то, что «экономический регионализм может быть успешным, только если он коренится в общности цивилизации» (Хантингтон, с. 38-40). Подводя выводы своим рассуждениям, С. Хантингтон отмечал, что

в классовых и идеологических конфликтах ключевым был вопрос: «На чьей ты стороне?» И человек мог выбирать – на чьей он стороне, а также менять раз избранные позиции. В конфликте же цивилизаций вопрос ставится иначе: «Кто ты такой?» Речь идет о том, что дано и не подлежит изменениям.

(Хантингтон 1994)

С. Хантингтон ошибался, по нашему мнению, утверждая, что речь «идет о том, что дано и не подлежит изменениям». Культурные изменения и идентификация также подвержены изменениям. Однако справедливости ради надо сказать, что именно культурные и ментальные трансформации происходят наиболее медленно и болезненно. И по этой причине в целом можно согласиться с мнением С. Хантингтона о том, что

в нарождающемся мире основным источником конфликтов будет уже не идеология и не экономика. Важнейшие границы, разделяющие человечество, и преобладающие источники конфликтов будут определяться культурой... Грядущий конфликт между цивилизациями – завершающая фаза эволюции глобальных конфликтов в современном мире.

(Хантингтон 1994)

Обсуждение

С другой стороны, следует иметь в виду, что С. Хантингтон, будучи горячим сторонником глобального господства США, оформил свои предпочтения и желания в концепцию, придал им теоретическую научную форму. США, какими могущественными ни были в девяностые годы, тем не менее не располагали достаточными людскими, материальными, экономическими и военными ресурсами и возможностями для подчинения себе всего мира. И по этой причине С. Хантингтон разработал концепцию консолидации Запада, которая и в настоящее время продолжает быть, по сути, программным документом для подчинения западной цивилизации всех остальных цивилизаций и народов. Для обоснования своего взгляда С. Хантингтон сформулировал следующую мысль:

По отношению к другим цивилизациям Запад находится сейчас на вершине своего могущества... Военный конфликт между западными странами немыслим, военная мощь Запада не имеет равных. Если не считать Японии, у Запада нет экономических соперников. Он главенствует в политической сфере, в сфере безопасности, а совместно с Японией – и в сфере экономики.

(Хантингтон 1994)

Таким образом, диалог цивилизаций, по С. Хантингтону, сводится в конечном счете к установлению безусловного господства в мире США и западной цивилизации в целом. Той же, по сути, точки зрения придерживался небезызвестный З. Бжезинский, который писал:

Америка и ее руководство должны заново оценить стратегическую обстановку, чтобы начать внутреннее и внешнее обновление страны, нацеленное на возрождение ее глобальной роли.

(Хантингтон 1994)

Однако современный мир, как мы неоднократно утверждали, подвержен стремительным изменениям. Причем практически на всех возможных уровнях – локальном, региональном и глобальном. Прошло чуть более 25 лет с момента написания цитируемой нами статьи, и ситуация коренным образом изменилась. Россия за это время, несмотря все катастрофы, произошедшие с ней после распада СССР, сумела восстановиться как военная держава и вернуть себе статус великой империи, стала одним из полюсов силы в современном мире. Китай превзошел США по валовому внутреннему продукту и, по сути, стал экономическим лидером в мире. США за прошедшее время обзавелись, как и Запад в целом, астрономическими внешними долгами и едва ли смогут погасить их. По прогнозам специалистов, в текущем десятилетии и Индия должна превзойти США по ВВП. Запад, или западная цивилизация, как показывают текущие события, не был по-настоящему консолидированной силой, как это пытались представить различного рода западные специалисты и политики. Можно уже утверждать, что Запад упустил свой исторический шанс стать безусловной доминирующей силой, цивилизацией в мире. Однако все эти факты никак не входят в противоречие с положениями С. Хантингтона относительно характера взаимоотношений современных цивилизаций, принципов, эти отношения выстраиваются – или, другими словами, на их основе происходит диалог цивилизаций.

Изменившийся глобальный баланс сил уже привел к тому, что так называемые либеральные ценности, будучи не воспринятыми русской, китайской, индийской, мусульманской и другими цивилизациями, фактически не претендуют на доминирующую роль в глобальной цивилизации. Так, итальянские авторы С. Феррари и Ф. Петито, стремясь найти компромисс между либеральной западной и традиционной системами ценностей, настаивают на том, что в современном мире необходимо реалистично признать появление нового многополярного мира «множественных современностей». При этом слияние «современных» политических ценностей и практики

с традиционными способами жизни, которые выражены в религиозных традициях, будет «скорее правилом, чем исключением» (Феррари, Петито 2013). Однако такой компромисс достаточно болезнен для западной политики и гуманитарной мысли, о чем свидетельствует, в частности, Ф. Петито, которого несколько удивляет и, возможно, раздражает разноречивость западных ученых с их

подозрительно двойственным отношением научного сообщества: с одной стороны – единогласное аналитическое отрицание и моральное неприятие концепции «Столкновение цивилизаций», а с другой – игнорирование или, что более уместно, обоснованное безразличие к концепции «Диалог цивилизаций».

(Феррари, Петито 2013)

Совершенно очевидно, что по мере изменения глобального баланса сил будет изменяться и отношение западного научного сообщества к взаимоотношению цивилизаций, причем таким образом, что «диалог цивилизаций» будет в конечном счете преобладать над «столкновением цивилизаций», поскольку более слабая сторона в любом случае вынуждена подчиняться более сильной и в лучшем случае идти на определенные компромиссы.

Необходимо указать на то, что конфликтный характер диалога или (что то же самое) взаимодействия цивилизаций не означает фатальность исторического процесса, а с другой стороны – и относительно мирное сосуществование цивилизаций и положительное их взаимодействие. Как пишет известный советский и российский историк и специалист в теории цивилизаций И.В. Следзевский,

за долгий путь своей истории, кризисов и подъемов в развитии человечество создало такие механизмы социального взаимодействия, которые не только восстанавливали, но и расширили сферу устойчивости миропорядка через постоянные (и даже растущие) нарушения равновесия. Ни один из политических катаклизмов XX в., связанных прежде всего с двумя мировыми войнами, не привел, несмотря на ужасающие человеческие жертвы и катастрофические материальные потери, к глобальному краху миропорядка; напротив, именно в XX в. он укрепился, обрел четкие правовые и институциональные рамки. Этот феномен можно объяснить ростом именно в последнее столетие разнообразных способов, форм и процедур согласования международных действий, взаимоотношений общества и государства, внутренней и внешней политики государств.

(Следзевский 2011)

С другой стороны, И.В. Следзевский указывает на то, что

среди всех возможностей и предпочтений конкретного государства наибольшим весом обладает «фактор силы». Глобализация и ее противоречия разрушают – быстро и масштабно – этот тип политической интерсубъективности как внутри, так и вне национальных государств. Глобальные отношения придают всем главным составляющим мировой политики невиданную до конца XX в. сложность, мобильность, изменчивость с точки зрения числа, интересов, возможных действий мировых игроков...

(Следзевский 2011)

Что касается кыргызского народа и других народов, подобных ему с точки зрения реальных их возможностей оказывать влияние на ход мировых событий и взаимоотношение цивилизаций, весьма скромных, надо сказать, что их судьба в значительной мере зависит от того, к какому полюсу силы они примкнут. По нашему мнению, для народа Кыргызстана наиболее удачным и целесообразным выбором была бы Россия и, соответственно, российская культура, что обусловлено как историческими, культурными, языковыми и географическими факторами, так и глубоким совпадением стратегических интересов России и Кыргызстана.

Выводы

1. Диалог цивилизаций на деле, в его реальных проявлениях, означает определенного рода контакты и взаимодействие между народами и цивилизациями. В представленном в статье контексте диалог цивилизаций если не тождествен, то, во всяком случае, очень близок понятию «диалог культур», под которым обычно понимается взаимодействие, взаимовлияние, взаимопроникновение либо взаимное отталкивание, отторжение, неприятие разных исторических или современных культур как формы их конфессионального либо политического сосуществования.

2. Практически вся история человечества пронизана конфликтными взаимоотношениями между различными народами и цивилизациями. И эти конфликты часто носили самую острую форму – военного противостояния, войны. Это вполне закономерно и даже неизбежно, поскольку возникновение первых цивилизаций было сопряжено с захватом и защитой территорий, наиболее пригодных для жизни. В настоящее время характер взаимоотношений между цивилизациями в значительной мере определяется двумя факторами: борьбой за глобальное доминирование государств и цивилизаций и борьбой за природные ресурсы.

3. Длительное историческое время, как, впрочем, и в настоящее время, диалог цивилизаций на практике сводился и сводится к навязыванию собственной культуры и языка другим народам. И данную особенность диалога следует отнести к явлениям универсального порядка. Люди, принадлежащие к тому или иному народу, стремятся последовательно и настойчиво отстаивать свои интересы, что неизбежно перетекает в процесс культурной и языковой ассимиляции. И здесь различие между народами состоит только в том, что одни народы делают это более успешно, а другие – менее.

4. Человеческая природа, устремленная к власти, приводит к тому, что народы и цивилизации, взаимодействуя между собой, стремятся к доминирующему положению, а если заведомо не способны занять это положение, то ведут себя таким образом, чтобы снизить и смягчить влияние противоположной стороны. Однако взаимоотношения между цивилизациями носили и носят не только конфликтный характер. Все определялось и определяется в конечном счете сложившимся балансом сил.

Источники

- Бжезинский, З. (2013), Стратегический взгляд. Америка и глобальный кризис [Strategic view. America and the global crisis], Москва: АСТ, Астрель.
- Ерасов, Б.С. (1998), Сравнительное изучение цивилизаций [Comparative study of civilization]: хрестоматия, Москва: Аспект-Пресс.
- Кирилл (Гундяев), патриарх МП РПЦ (2013), “Традиционные ценности и современный мир [Patriarch of the MP ROC. “Traditional values and the modern world],” Высшее образование сегодня, Москва: Логос, No 2, с. 5.
- Кучерук, И.В. (2013), “Феномен асимметрии в диалоге цивилизаций и культур [Asymmetry Phenomenon in the Dialogue of Civilizations and Cultures],” Философия образования, No 2 (57), с. 132-136.
- Ницше, Ф. (1994), Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей [The Will to Power: An Experience of Reassessing All Values]: В 3-х томах, Том 1, Москва: REFL-book.
- Петито, Ф. (2004), “Диалог цивилизаций как предмет для глобальных политических дискуссий: некоторые теоретические размышления [Dialogue of Civilizations as a Global Political Discourse: Some Theoretical Reflections],” Вестник Мирового общественного форума «Диалог цивилизаций», No 2 (1), с. 21-31.
- Следзевский, И.В. (2011), “Диалог цивилизаций как смысловое поле мировой политики [Dialogue of Civilizations as a Semantic Field of World Politics],” Общественные науки и современность, No 2, с. 141-157.
- Феррари, С., Петито, Ф. (2013), Содействие религиозной свободе и миру через межкультурный диалог [Promoting Religious Freedom and Peace through Intercultural Dialogue], Милан: ИСПИ, 2013.
- Хантингтон, С. (1994), “Столкновение цивилизаций? [Clash of Civilizations?],” Полис, No 1, с. 33-48.
- Харкевич, М.В. (2015), “Цивилизации в мировой политике: факторы столкновения и диалога [Civilizations in world politics: factors of clash and dialogue],” Вестник МГИМО Университета, No 4 (43), с. 159-165.
- Шпенглер, О. (1993), Закат Европы [Decline of Europe], Новосибирск: Наука.
- Энгельс, Ф. (1961), “Происхождение семьи, частной собственности и государства [The origin of the family, private property and the state],” В: Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч., Изд. второе, Том 21, Москва: Государственное издательство политической литературы, с. 23-178.
- Якунин, В.И. (2012), “Цивилизационное многообразие как условие успешности глобальных изменений [Civilization diversity as a condition for the success of global changes]”. Выступление на Десятой сессии Мирового общественного форума «Диалог цивилизаций», 3-8 окт. 2012 г. [Электронный ресурс], Мировой общественный форум «Диалог цивилизаций», URL: http://wpfdc.org/images/docs/Rhodes_2012_Vladimir_Yakunin_Opening_plenary_speech_rus.pdf.

DOI: 10.53658/RW2022-2-1(3)-160-174

Some features of the modern dialogue of civilizations

Rakhat D. Stamova

Institute of philosophy, law and socio-political researches named after A.A. Altymyshbaev of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic (Bishkek, Kyrgyzstan)

Abstract. The concept of civilizations dialogue has emerged relatively recently but has undergone a number of changes during its existence. Not to mention the fact that there is no consensus in the scientific community on what exactly should be considered as a dialogue of civilizations. However, it is obvious that there have been and still exist mutual relations between peoples belonging to different civilizations, those relations that,

in general, fall under the concept of «dialogue of civilizations». And it is also obvious that depending on a specific historical period of time or epoch, specific circumstances and many different conditions, this dialogue changed its forms. However, the essence of this dialogue and its basis, as it seems to us, remained unchanged, which was due to the very nature of a man. The article, as far as the scope of the article allows, reveals the essence and natural basis of the dialogue of civilizations. In addition, the article finds out what forms this dialogue has taken at the global level in recent decades and what caused the transformation of these forms. The world is changing rapidly, the pace of changes will only rise over time, and analysis of the above is needed.

Keywords: civilization, culture, dialogue of civilizations, peculiarities of modern interaction of civilizations.

About the author: STAMOVA Rakhat Duissembayevna. Doctor of Philosophy. Professor. Head of the Department of Social Philosophy, Aesthetics and Ethics of the Altmayshbayev Institute of Philosophy, Law and Socio-Political Sciences of the National Academy of Sciences. ORCID 0000-0001-5888-1371. Address: 720001 Kyrgyzstan, Bishkek - 01, Kievskaya str., house No. 112, sq.40. stamrah@mail.ru.

References

- Brzezinski, Z. (2013), Strategic view. America and the global crisis [Strategicheskii vzglyad. Amerika i global'nyi krizis]. M.: AST, Astrel.
- Erasov, B.S. (1998), Comparative study of civilization [Sravnitel'noe izuchenie civilizatsii]: reader. M.: Aspect-Press.
- Kirill (Gundyaev) (2013), Patriarch of the MP ROC. "Traditional values and the modern world [Tradicionnye cennosti i sovremenniy mir], Higher education today. M.: Publishing house «Logos», No 2, p. 5.
- Kucheruk, I.V. (2013), "Asymmetry Phenomenon in the Dialogue of Civilizations and Cultures [Fenomen asimmetrii v dialoge civilizatsii i kul'tur]," Philosophy of Education. Vol. 2 (57), pp. 132-136.
- Nietzsche, F. (1994), The Will to Power: An Experience of Reassessing All Values [Volya k vlasti: opyt pereocenki vseh cennostei]. In 3 volumes. Volume 1 / Friedrich Nietzsche. M.: REFL-book.
- Petito, F. (2008), "Dialogue of Civilizations as a Global Political Discourse: Some Theoretical Reflections [Dialog civilizatsii kak predmet dlya global'nyh politicheskikh diskussii: nekotorye teoreticheskie razmyshleniya]," Bulletin of the World Public Forum «Dialogue of Civilizations», No. 1 (2), pp. 19-24.
- Sledzevsky, I.V. (2011), "Dialogue of Civilizations as a Semantic Field of World Politics [Dialog civilizatsii kak smyslovoe pole mirovoi politiki]," Social Sciences and Modernity, No 2, pp. 141-157.
- Ferrari, S., Petito, F. (2013), Promoting Religious Freedom and Peace through Intercultural Dialogue [Sodeistvie religioznoi svobode i miru cherez mezhkul'turnyi dialog], Milan: ISPI.
- Huntington, S.A. (2015), "Clash of Civilizations? [Stolknovenie civilizatsii?]," Polis, No. 1, pp. 33-48.
- Kharkevich, M.V. (2015), "Civilizations in world politics: factors of clash and dialogue [Civilizatsii v mirovoi politike: faktory stolknoveniya i dialoga]," Bulletin of MGIMO University, No 4 (43), pp. 159-165.
- Spengler, O. (1993), Decline of Europe [Zakat Evropy], Novosibirsk: Nauka.
- Engels, F. (1961), The origin of the family, private property and the state [Proiskhozhdenie sem'i, chastnoi sobstvennosti i gosudarstva], In: Marx, K., Engels, F. Soc. Ed. Second, Vol. 21, M.: The State Publishing House of Political Literature, pp. 23-178.
- Yakunin, V.I. (2012), "Civilization diversity as a condition for the success of global changes [Civilizacionnoe mnogoobrazie kak uslovie uspekhov global'nykh izmenenii]". Speech at the Tenth Session of the World Public Forum «Dialogue of Civilizations», 3-8 Oct. 2012 [Electronic resource], World Public Forum «Dialogue of Civilizations», URL: http://wpfdc.org/images/docs/Rhodes_2012_Vladimir_Yakunin_Opening_plenary_speech_rus.pdf.

ДИАЛОГ КУЛЬТУР И НАРОДОВ

DOI: 10.53658/RW2022-2-1(3)-175-189

УДК: 930.85; 008.2; 009; 394

Русская культура как цивилизационный феномен: ценностный аспект

Казин А.Л.

Российский институт истории искусств Министерства культуры Российской Федерации (Москва, Россия)

Аннотация. Статья посвящена осмыслению русской культуры как феномена восточно-христианской цивилизации. На большом фактическом материале – преимущественно русской литературы и философии – автор анализирует основные исторические этапы становления отечественной культуры в ее взаимосвязях с религией, мировоззрением и общественно-политической жизнью соответствующего периода. Исходя из принципиальной схемы цивилизации как концентрической системы социальных оболочек, расположенных вокруг религиозно-ценностного ядра, автор подчеркивает непрерывность (континуальность) отечественного культурного кода вопреки революционным сдвигам во времени, будь то петровская западническая реформа, февральский и октябрьский перевороты 1917 года или распад СССР в конце XX столетия. Основными методологическими категориями указанного анализа являются парадигмы классики, модерна и постмодерна как интегральные характеристики истории и теории православно-русской цивилизации в целом, начиная с Крещения Руси и кончая современным переломным этапом ее существования. Принципиальное внимание обращено на общеевропейский и мировой контекст происходящих в отечественной культуре процессов, которые, с одной стороны, являются аспектом глобального идейного развития, а с другой – оказываются уникальными творческими актами именно нашей многовековой традиции. В таком плане отечественная духовная культура, при всей ее «всемирности» (Ф.М. Достоевский), становится в начале XXI века своего рода альтернативой постмодернистскому разрушению образа человека как целостного существа, предельным выражением того, чем представляются трансгуманистические тенденции «заката Европы», грозящие превращением Homo sapiens в искусственного киборга.

Ключевые слова: цивилизация, культура, искусство, православие, революция, классика, модерн, постмодерн, Россия, трансгуманизм

Об авторе: КАЗИН Александр Леонидович. Доктор философских наук. Научный руководитель Российского института истории искусств Министерства культуры Российской Федерации, Заслуженный работник культуры Российской Федерации. ORCID ID: 0000-0003-1740-6448. Адрес: 192071, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Бухарестская, д. 33, корп. 2, кв. 182. alkazin@yandex.ru.

Введение

В современном мире идет борьба и в определенном смысле – война цивилизаций. Прибегая к метафоре, можно сказать, что концепция столкновения цивилизаций С. Хантингтона (Хантингтон 2003) победила утопический прогноз Ф. Фукуямы (Фукуяма 2007) относительно либерального конца истории. Со своей стороны, ни одна мировая религия молочных рек в кисельных берегах в финале истории не обещает – речь, как правило, идет о завершении если не исторического процесса в целом, то по меньшей мере одного из его эонов (циклов). Что касается философии, социологии и культурологии, то с течением времени степень их теоретического оптимизма, несомненно, понижается. Вспомним хотя бы нисходящую линию германской мысли, например, от Лейбница с его «лучшим из миров» – к Ницше с его «смертью бога» и Хайдеггеру с его «забвением бытия». Сегодня достаточно взять в руки любую газету, где описываются «красные линии», предъявляемые друг другу основными мировыми цивилизациями, чтобы убедиться в кризисе наличного миропорядка как в теории, так и на практике. Восток и Запад, Север и Юг соревнуются ныне в рамках многополярного мира, и соревнование это – продолжение их истории другими средствами. Современность раскрывается перед нами как поле столкновения гигантских социально-культурных платформ-материков, имеющих многовековую историю и развивающихся, как правило, по своим внутренним законам. Внимание к этим законам не только уместно – оно необходимо. И хотя мы никогда не узнаем их до конца (они суть «причинность из свободы»), но иметь о них хотя бы возможность принципиального суждения не менее важно, чем представлять, например, цель человеческой жизни: каждая крупная цивилизация есть такая же смысловая уникальность, как и каждый человек.

Материалы и методы

В наиболее общем смысле цивилизация – это способ и продукт человеческого существования, обладающего духовно-ценностным единством и реализующим себя социально и материально в большом времени истории. В центре цивилизации находится религиозно-языковое ядро – ключевая вертикаль веры, восходящая к первоначалу бытия (Казин 2020), и язык, на котором люди говорят с ним и друг с другом. Вокруг указанного ядра располагаются цивилизационные оболочки, первой из которых является культура – ансамбль представлений данной цивилизации о благе и зле, истине и лжи, красоте и безобразии (миропонимание, нравственность, искусство). Далее следует собственно социум с его коммуникативными воплощениями реальных ценностей цивилизации, а также технические (технологические) их проекции на уровне предметной деятельности. Уже из этих определений ясно, что внешние обводы цивилизации – в частности, культура – могут далеко отходить от центра к периферии и даже вовсе противоречить ему. В таком плане история любой цивилизации

предстает перед нами как драматическое взаимодействие между сакральными (бытийными) и социокультурными (гуманистическими) ее гранями – от символического богоподобия в классике до богоборческого вызова в позднем модерне. В частности, главные события русской творческой и социальной жизни суть не что иное, как узлы обороны религиозно-онтологического (классического) ядра отечественной культуры от давления модерна, а потом и постмодерна, вплоть до сегодняшнего дня. Попытаемся под предложенным философским углом зрения рассмотреть ряд знаковых этапов (вех) отечественной истории культуры, помня при этом, что жизнь всегда шире схемы, хотя, с другой стороны, нет ничего практичнее хорошей теории.

Результаты исследования

Христианская классика

Своеобразие русского пути в большом времени определяется тем, что Россия – не просто христианская страна, а единственная после падения Восточной Римской империи суперэтническая православная страна-цивилизация, занимающая более трети материка Евразии. Стран-цивилизаций в современном мире вообще немного: Россия, Китай, Индия, США, Израиль. Мы не Европа и не Азия – мы Россия. Это всегда понимали наиболее чуткие русские люди. Русский европеец А.С. Пушкин отчетливо сознавал, что «Россия никогда не имела ничего общего с остальной Европой; история ее требует другой мысли, другой формулы»¹

При всей резкости этого утверждения его так или иначе поддерживали почти все выдающиеся художники и мыслители России, составившие ее славу в мире: Пушкин, Гоголь, Чаадаев, Киреевский, Хомяков, Тютчев, Данилевский, Достоевский, Толстой, Леонтьев, Розанов, Бердяев, Булгаков, Тихомиров, Ильин, Франк, Флоренский, Флоровский, Савицкий, Трубецкой, Лосев, Гумилев, Панарин и многие другие. По слову великого поэта, дипломата и геополитика Федора Ивановича Тютчева, «Россия прежде всего христианская империя. Русский народ – христианин не только в силу православия своих убеждений, но еще благодаря чему-то более задушевному, чем убеждения. Он христианин в силу той способности к самоотвержению и самопожертвованию, которая составляет как бы основу его нравственной природы. Революция – прежде всего враг христианства!»².

Под «революцией» Тютчев понимал генеральную линию новоевропейской (модернистской) истории вообще, покидающей Бога ради человека. Восточная Церковь и культура никогда не доверяли уединенному (единственному в своем роде) человеческому опыту. В центре религиозного переживания и творческой практики православия находится собор. Согласно определению А.С. Хомякова, истина недоступна от-

1 Пушкин А.С. Собрание сочинений в десяти томах. М., 1982. Т. 6. С. 415-416.

2 Тютчев Ф.И. Россия и революция // Сочинения Тютчева Ф.И. Стихотворения и политические статьи. СПб., 1900. С. 475.

дельному сознанию. Для этого нужна Церковь, которая «не есть множество лиц в их личной отдельности, но единство Божьей благодати, живущей во множестве разумных творений, покоряющихся благодати»³.

С тех пор как послы князя Владимира побывали в царьградской Софии и донесли о красоте православной литургии (общего дела), христианская Русь оказывала сопротивление римско-католической, а затем и протестантской дифференциации духовного акта по «точкам зрения», «дискурсам» и т.п. Апофатика и исихия – божественная тайна и «говорящее молчание» – оказались для русского монаха, иконописца, мыслителя и художника важнее самых очевидных (логически вынужденных) доказательств богоприсутствия на уровне наличного бытия. Золотая «луковка-свеча» православного храма есть архитектурная эмблема общения в свете Пресвятой Троицы – тихого согласия в любви, в отличие от антропоцентрической воли романо-готических остроугольных шпилей. «Троица» Андрея Рублева – это безмолвная беседа трех ангелов, где слово тождественно тишине как вечное со-вершение правды: «уже-но-еще-не».

Вся история Киевской, Московской, петербургской и отчасти даже советской Руси наполнена желанием удержать это единство от распада, сохранить вертикальную напряженность культуры, избежать любой симуляции – подчас даже ценой отказа от культуры как таковой. Культура (в том числе художественная) – это, как было отмечено выше, всего лишь одна из оболочек цивилизации, ядро которой составляют вера и язык – в нашем случае православная вера и русский язык церковнославянского корня. В свое время Петр Чаадаев⁴ и маркиз де Кюстин⁵ заметили искусственность европейского облика петербургской России, назвав ее «империей фасадов». Как мастера критики исторических масок, они были правы: православное сознание уповает на то, что лучше утратить свою свободу в Боге, чем сохранить ее для сатаны.

Пожалуй, ярче всего это проявилось у Пушкина, чье творчество стало как бы вызовом собственному грешному гению. Вся поэтическая и личная судьба Пушкина может быть прочитана как путь к истине вместе с его героями и читателями – через общение с ними в любви.

Вообще, явление Пушкина, наряду с явлением Серафима Саровского и победой в Отечественной войне 1812 года над коронованной буржуазной революцией в лице Наполеона – по меньшей мере на целый век уберегло Россию от западнической рационально-юридической деструкции человека. Императорский Петербург с его регулярными перспективами и фасадами, расчерченными по лекалам Леблона, разумеется, брал свое – но даже на берегах пленительной Невы Медный Всадник гонялся за «маленьким человеком» вопреки, а не благодаря светским приличиям, а Нос гулял по Невскому так, как будто всю жизнь только это и делал. Хваленый реализм клас-

сической русской литературы на самом деле есть общение с духами – то самое, где параллельные линии, по слову Достоевского, сходятся (хотя для близорукого человеческого взгляда это только обман зрения).

Как бы то ни было, свою третью столицу – после Киева и Москвы – Святая Русь построила на тех же самых сакральных основаниях, что и прежде: Петр Великий со своими «всепьянейшими» ассамблеями не смог тут ничего изменить. Конечно, в социологическом плане Россия оставалась строго иерархическим социумом, где не только какой-нибудь стационарный смотритель, но и, скажем, писатель (к примеру, камер-юнкер Пушкин) был юридически ничтожен перед Царем, однако в отношении мистической вертикали и тот, и другой, и третий оказывались совершенно равными – более того, они соборно общались друг с другом у святой чаши. Не будет большой ошибкой сказать, что и катаклизм 1917 года в конечном счете был вызван народной потребностью правды, которая под напором капитала («желтого дьявола») лишалась своего метафизического места на земле. Речь идет, разумеется, не о марксистско-ленинско-троцкистской идеологии как таковой и не о потугах масонских подмастерьев, а о «радости-страданье» (по формуле А. Блока), которые суть одно, и без которых жизнь на Руси никому не мила, будь она хоть трижды свободной и комфортабельной. Собор православной русской цивилизации дал трещину раньше, чем был взорван московский храм Спасителя – но все же лет на пятьсот позже, чем Европа водрузила на своих священных камнях учение гуманизма. Предстояние перед Всевышним стоит дорого – за одного битого двух небитых дают. Слово «товарищ» ближе христианскому «брату», чем почтительный «господин», куртуазный «сударь» или постмодернистский «другой». Во всяком случае, у нас не образовалось нейтрального пространства между человеком и Богом, где удобно помещаются антропоцентрические («фаустовские») технологии и где так приятно жить. Отсутствие в России цивилизованной «буферной зоны» – ее главное отличие как от западного «открытого общества» с его культом экономического человека, так и от восточной «роевой» традиции, для которой сохранение канона, ритуала является главной упорядочивающей заботой. В этом смысле Россия – действительно Последнее Царство (Казин 1998).

Проект русского модерна

Так или иначе, христианская история не кончилась с Петром. Забегая вперед, заметим, что не кончилась она и с Лениным. Однако после Петра Русь как бы раздвоилась: Восток и Запад, Богочеловек и человекобог встретились друг с другом на туманных улицах невской столицы. За два столетия в петербургской России накопилось большое напряжение между содержанием и формой, между тем, «что» и «как» делалось в стране. Начиная с судьбоносной игры слов в названии (Лотман, Успенский 1982) и кончая «последними днями императорской власти»⁶, Санкт-Петербург вел

3 Там же.

4 Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма в 2-х тт. М.: Наука, 1991.

5 Кюстин А. де. Россия в 1839 году / пер. с франц.: В 2 т. М.: Издательство имени Сабашиных, 1996. 528 с.

6 Блок А. Последние дни императорской власти // Собр. соч.: В 8 т. М.-Л., 1962. Т. 6.

свой трагический империализм к революционной развязке, в которой уже очевидно проступали эсхатологические черты.

Не будем повторять здесь известные мыслительные ходы авторов сборника «Вехи» (1909), проследивших тайну превращения социал-демократического европейского учения о благоустройстве земного бытия (то есть фактически о приспособлении к греху как норме существования) в русскую мечту о мировом спасении. «Русский дух насквозь религиозен. Он не знает, собственно, других ценностей, кроме религиозных», – писал один из авторов «Вех» С.Л. Франк (Франк, 1992) в 1930-х годах, уже обладая опытом революционных и послереволюционных событий. На всем протяжении петербургской истории России стремление жить «не так, как хочется, а так, как Бог велит» объединяло у нас славянофилов и западников, материалистов и идеалистов, монархистов и народников. От трактовки крестьянской общины как зародыша отечественного социализма через призывы к народному восстанию под руководством «критически мыслящих личностей» до культа матери сырой земли и мужика-богоносца – все это входило в поле сознания (и еще больше подсознания) русской интеллигенции на правах, так сказать, его естественных элементов.

Таким образом, соответственно своей истории и своему духовному строю, Россия испытала, осуществила то, что на Западе в лучшем случае было предметом умозрительных построений и салонных бесед. В русской культуре Серебряного века произошло парадоксальное сращение базовых религиозно-исторических ценностей – и прежде всего идеи праведного бытия (в его народном и интеллигентском вариантах) – с пришедшими с Запада претензиями прагматического использования этого бытия, вплоть до его радикальной переделки. Именно в точке подобного сращения «русский Христос» сблизился с петербургским мифом, образ избранного народа – с пролетариатом-мессией, Карл Маркс – с ветхозаветными пророками и Фридрихом Ницше. Как сказал (уже в преддверии революции) святой Иоанн Кронштадтский,

Россию куют беды и напасти. Не напрасно Тот, кто правит всеми народами, искусно, метко кладет на свою наковальню всех подвергаемых Его сильному молоту. Крепись, Россия! Но кайся, молись, плачь горькими слезами перед твоим Небесным Отцом, Которого ты безмерно прогневала!..⁷

Так или иначе, классическая христианская культура преобладала в России вплоть до 1917 года, и Серебряный век с его декадентским либерализмом и эстетизмом этого судьбоносного положения в целом не изменил. Вместе с тем после Февраля и Октября мы вступили в период активного социалистического эксперимента, когда в смысловой центр культуры методами революционного насилия вместо Бога был поставлен коллективный человек (партия, класс). Указанная фундаментальная антиномия – тайное религиозное ядро и богоборческая идеологическая трактовка – пронизывает всю культуру советского периода снизу доверху, с 1917 года до 1991. Начиная с великой поэмы Александра Блока «Двенадцать» (этого русского апокалипсиса)

⁷ Россия перед Вторым Пришествием. Материалы к очерку русской эсхатологии. М., 1993. С. 255.

и вплоть до романов Валентина Распутина, музыки Георгия Свиридова и фильмов Андрея Тарковского внимательному наблюдателю открывается постоянная (хотя большей частью и углубленная в подтекст) борьба за Христа в светской русской культуре. Наряду с нею столь же упорной в советское время была борьба и против Христа – от «Черного квадрата» (этой иконы небытия) «комиссара по делам искусств» Казимира Малевича до «некрореализма» некоторых опусов позднесоветского авторского кино. Выделим (достаточно условно, разумеется) несколько главных этапов этой борьбы.

От военного коммунизма к «красному императору»

Советская власть началась, как известно, с красного террора против религии, государственности, истории и культуры русского народа. Уже в январе 1917 года был издан декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви. Что касается непосредственно духовенства, то хорошо известны указания Ленина о том, что чем больше представителей реакционного духовенства расстрелять, тем лучше. Еще в 1913 году Ленин писал Горькому, что «всякое кокетничанье с боженькой есть невыразимейшая мерзость»⁸. После победоносной революции, в 1923 году, супруга вождя Крупская, руководившая народным «просвещением», распорядилась изъять из библиотек сочинения многих крупнейших отечественных писателей. Большинство представителей классического русского искусства (в отличие от модернистов) эмигрировали тогда за границу (Бунин, Шмелев, Рахманинов, Шаляпин и др.), а православных философов и ученых выслали на «философском пароходе» в Германию. Интернационал-коммунисты нашли страну, которую им было не жалко, рассматривая ее как «вязанку хвороста» для мировой революции.

Однако примерно с 1935 года положение стало меняться. Отказавшись от утопии «без России, без Латвий жить единым человечьим общежитьем»⁹, пламенные революционеры – разрушители Империи – постепенно превращались в национал-большевики (или заменялись ими). Еще в начале 1920-х годов сменовеховцы и евразийцы отмечали национальный аспект большевизма. К двадцатилетию советской власти о национальном коммунизме как превращенной форме идеи соборной правды написал Н.А. Бердяев в своей известной книге «Истоки и смысл русского коммунизма» (Бердяев 1990). Со своей стороны, поэт-старообрядец Николай Клюев прямо утверждал: «Есть в Ленине керженский дух, Игуменский окрик в декрете...»¹⁰.

Именно эту сторону большевизма, по нашему мнению, выдвинул на первый план Сталин. Сталинский переворот в советской идеологии и культуре в некоторых отношениях сопоставим с цивилизационной революцией Петра, хотя Петр смотрел на Запад, а Сталин – наоборот, на Восток. Случайно или нет молодой Иосиф Джу-

⁸ Ленин В.И. Письмо к Горькому от 14.11.1913 // Полное собрание сочинений. М.: Госполитиздат, 1958. Т. 48. С. 226.

⁹ Маяковский В.В. Товарищу Нетте, пароходу и человеку // Маяковский В.В. Сочинения. Т. 2. М.: Художественная литература, 1973. С. 69.

¹⁰ Николай Клюев. Есть в Ленине керженский дух. URL: <https://www.culture.ru/poems/39459/est-v-lenine-kerzhenskii-duk> (дата обращения: 02.02.2022).

гашвили учился в духовной семинарии – Бог ведает, однако его мышление оказалось иным, чем у ленинистов-троцкистов. Будучи таким же «демоном революции», как и они, Сталин начал оперировать другими – государственными – категориями. Террор, разумеется, продолжался, но уже под державными знаменами. Бывший революционный боевик к концу 1930-х годов стал, на наш взгляд, единоличным диктатором, а несколько позже – генералиссимусом и «красным императором». «Хитрость истории» проявилась здесь очевиднейшим образом: как вождь революционного авангарда, Сталин, несомненно, осуществлял модернистский социальный проект, однако вольно или невольно он актуализировал одну из скрытых движущих сил этого проекта – классическую русскую соборно-монархическую традицию (Солоневич, 1991) 17. В этом, между прочим, отличие Сталина от Наполеона – этого коронованного генерала французской буржуазной революции.

Как бы то ни было, в 1934 году были возобновлены занятия по истории в школах, а также восстановлены исторические факультеты в университетах. Литература, музыка, театр, живопись, кино начали приобретать более привычный для отечественного сознания вид. Была закрыта, например, постановка кощунственных «Богатырей» Д. Бедного, тогда как на представлениях «белогвардейских» «Дней Турбиных» М. Булгакова Сталин лично побывал более десяти раз. Жестоко пострадали театр Мейерхольда и сам Мейерхольд, Клюев, Пильняк, Мандельштам и многие другие. Однако творили Прокофьев и Шостакович, Шолохов и Пастернак, Корин, Дейнека и Пластов. Знаковым событием в изменении идеологического ландшафта явилось празднование в 1937 году столетнего юбилея Пушкина и выход вслед за тем на экраны «Александра Невского» Эйзенштейна с его генеральной темой русского патриотизма. Журнал «Безбожник» прекратил свое существование в 1941 году (вместе с одноименным обществом). В сентябре 1943 года Сталин собрал в Кремле немногих оставшихся в живых церковных иерархов. Результатом этой встречи явилось восстановление в СССР православного патриаршества в полном объеме. Примерно тогда же вместо «Интернационала» советским гимном стала песня А. Александрова, славившая «великую Русь», сплотившую союз республик. Делалось все это во многом из конъюнктурно-политических и военных соображений. Однако, нравится это кому-либо или нет, национал-большевики вытянули Россию из болота, в которую ее загнали в феврале 1917 года взбунтовавшиеся либералы и социалисты («фармацевты», по ироническому замечанию Блока). При этом у новой власти не было колоний и волшебных источников нефти, все приходилось делать на энтузиазме, страхе и рабском труде. При осмыслении советской истории 30–50-х годов XX столетия следует решительно отвергнуть как сталинизм в стиле «культ личности», так и патологический антисталинизм в кругозоре кухонного диссидентства. К несчастью, в России не нашлось других исторических и культурных сил, которые осуществили бы воссоздание страны после февральского революционного погрома другими, более гуманными (не говоря уже о христианских) средствами. Надо ясно понимать, что своим сегодняшним существованием мы, живущие в XXI веке, обязаны тем самым «советским» людям, которые в 1936 году голосовали за сталинскую конституцию, а в 1945 году ценой сво-

ей жизни спасали буржуазную Европу от окончательного решения еврейского, славянского и других расовых вопросов. Это были одни и те же люди, один и тот же народ. Это ими восхищался автор контрреволюционных «Окаянных дней» Иван Бунин, публично приветствуя в парижском театре советского офицера. А «философ свободы и неравенства» Бердяев вообще поднял над своим домом в Клямаре красный флаг. Правда, на Родину они не вернулись...

«Русское чудо» XX века заключается в том, что мировоззренческий и политический революционный модерн в православной стране оказался в конечном счете идеологической оболочкой (превращенной формой) совсем иного ценностного содержания. Вопреки сатанинской политике интернационал-коммунистов и обособляющей ее марксистско-ленинско-троцкистской теории мировой революции, драгоценное христианское ядро отечественной литературы, музыки, живописи, театра не было утеряно, но сохранило себя, подобно граду Китежу при приближении монголов. Третий Рим не весь стал Третьим Интернационалом, хотя и поднял его знамена. Наряду с колоссальным антихристианским / антирусским напором, отечественные писатели и художники советского периода улавливали в шуме и ярости своей эпохи отнюдь не только классовые ноты. Официально атеистическая и поначалу даже воинственно безбожная, советская культура граничила на своей духовно-онтологической глубине с тайной христианской надеждой, часто не осознаваемой в качестве таковой ни властью, ни читателями / зрителями / слушателями, ни даже самими художниками.

О советской истории и культуре не удастся судить по формальному принципу «черное – белое» (Казин 2010). «Красная Совдепия» в 1945 году стала Советской Россией и одержала победу над самой страшной антихристианской и антинациональной силой, когда-либо надвигавшейся на Русь – оккультным нордическим рейхом. А в 1961 году смоленский паренек Юрий Гагарин первым вышел в космос. Советская культура – и вся цивилизация под названием СССР – оказалась во многом русифицирована, и в 1960–1980-х годах вполне могла стать национальной цивилизацией и культурой.

Мифология «оттепели» и «застоя»

К сожалению, этого не случилось. Более того, в конце 1950 – начале 1960-х годов устами Никиты Хрущева была провозглашена политика «возврата к ленинским нормам партийно-общественной и культурной жизни», что на деле означало возврат к эпохе крайнего национального нигилизма и безбожия троцкистского типа. Вернув узников ГУЛАГа из лагерей и предоставив творческой интеллигенции некоторую свободу, Хрущев в то же время воздвиг такие гонения на Русскую Православную Церковь, которые по масштабам приближались к ленинским. Священников, правда, физически уже не убивали. Но по приказу генсека на рубеже 50–60-х годов были закрыты тысячи церквей по всей стране, почти прекращено церковное образование. На фоне успехов в космосе Хрущев обещал показать по телевидению последнего попа. Одно-

временно в официальных советских изданиях ругали модернизм, а Хрущев устраивал свои знаменитые скандалы по поводу модернистских живописных выставок¹¹.

Имели место и более серьезные акции. В 1960-х годах появились манифесты заслуженного марксиста М.А. Лифшица под названиями «Почему я не модернист?» (Лифшиц, Рейнгардт, 1968) и «Кризис безобразия» (Лифшиц, Рейнгардт 2009). В этих выступлениях содержалось немало верного, за исключением главного – отказа признать марксизм-ленинизм одним из ключевых направлений модерна как типа сознания. Модерн, как мы видели выше, есть принцип конструирования мира из человека, сведение первого ко второму. Модерн – это человекоцентризм: человек = Бог. И если «нет объекта без субъекта», то не все ли равно, кто этим субъектом является – отдельное человеческое сознание или, например, сознание классовое, групповое и т.п.? Марксизм-ленинизм-троцкизм и порожденная им «пролетарская» мифология явились, по сути, таким же порождением модерна, как, скажем, либерализм или крайний национализм – только субъекты тут разные. Русская революция и вся последующая история советской власти – это история социально-культурного модерна, точно так же как история американского буржуазного мифа или мифа европейско-националистического (итальянского, германского, испанского, португальского). Иосиф Сталин пытался, правда, опереться в своей политике на другие силы (в том числе религиозные), но у него это неизбежно принимало половинчатый характер.

Указанных духовных связей категорически не понимали (а если понимали, то отвергали) господствовавшие во времена «оттепели» в культуре так называемые «шестидесятники». Они искренне полагали себя передовыми интеллигентами, противостоящими чудовищу тоталитарной власти, не допуская при этом мысли о собственном генетическом родстве с ней. Они пели песни Окуджавы о «комиссарах в пыльных шлемах», как будто забывая о том, к чему привела Россию деятельность этих самых комиссаров, превративших национальную войну в классовый геноцид народа. Они превозносили творчество авангардистов начала XX столетия, не обращая внимания на то, что многие авангардисты первой трети XX века были активными сторонниками революции в России («Ваше слово, товарищ маузер»). Разрушая устои традиционной русской православной монархии, авангардисты шли в деструкции до конца, породив в реальности такие «мутные лики», какие не представлялись даже во сне (разве что Достоевский в «Бесах» увидел). Как писал в свое время мудрый Г.П. Федотов, Пикассо и Стравинский в искусстве – то же самое, что Ленин и Муссолини в политике (Федотов, 1990).

Конечно, к 70–80-м годам XX века острота этих определений несколько стерлась. Советская сверхдержава стремительно обуржуазивалась. Бывшие «инженеры человеческих душ» вопрошали в романах и на экране о том, «что с нами происходит?» и воспевали бескорыстных идеалистов, однако на практике дилемма «искусство или совесть» неуклонно смещалась в сторону «искусства». Гению позволено все – вот типично модернистские лозунги советской «образованщины» 1960-х годов. Фигура тогдашнего «короля поэтов» Евгения Евтушенко в этом плане весьма характерна. Начав

¹¹ Посещение Хрущевым выставки авангардистов // URL: <https://photochronograph.ru/2014/02/05/poseshhenie-xrushhyovym-vystavki-avangardistov/> (дата обращения: 22.01.2022).

в 1952 году с провозглашения Сталина своим «лучшим другом»¹², он всю жизнь затем разоблачал «наследников Сталина». Примерно тем же занимался Вознесенский, начав с поэмы о Ленине и кончив признанием, что в нем «живет семь я». Это были талантливые люди, но их социокультурный горизонт, как правило, не выходил за пределы либеральных штампов. Уже в следующем поколении они получили в качестве расплаты тотальный постмодернистский перформанс, в котором сделался предметом пародирования сам модерн («папино кино»).

Вместе с тем именно 1960–1980-е годы остались в истории русской культуры как один из наиболее плодотворных ее периодов. Именно тогда были опубликованы «За далью – даль» А. Твардовского и написан «Доктор Живаго» Б. Пастернака («лирический эпос» верующего поэта), созданы лучшие произведения Г. Свиридова, В. Гаврилина, А. Шнитке, сняты великие фильмы Г. Чухрая, А. Тарковского, С. Бондарчука, В. Шукшина. Напряженно работал А. Солженицын – при всей спорности его концепций. Расцвела так называемая «деревенская» (а на самом деле – православная) проза и поэзия – В. Астафьева, В. Белова, Е. Носова, В. Распутина, Н. Рубцова. В лице «деревенщиков» за перо – какое перо! – взялся уже уничтоженный, казалось бы, в XX веке русский крестьянин (по этимологии – христианин). Поэт у нас действительно больше, чем поэт.

Современность как выбор

В XXI веке в постмодернистском мире пестрят цветные – «оранжевые», «желтые», «розовые», «голубые», «черные», «белые» и «красные» – манифестации. Нет традиции, нет нации, нет пола, нет Отечества. Рационализм (и тем более пострационализм) – самодостаточный конечный человеческий рассудок – не различает ценностей. Как гениально предвидел Достоевский,

свобода, свободный ум и наука заведут их в такие дебри и поставят пред такими чудами и неразрешимыми тайнами, что одни из них, непокорные и свирепые, истребят себя самих, другие, непокорные, но малосильные, истребят друг друга, а третьи, оставшиеся, слабосильные и несчастные, приползут к ногам нашим и возопиют к нам: «Да, вы были правы, вы одни владели тайной, и мы возвращаемся к вам, спасите нас от себя самих»¹³.

Это не цивилизация, а варварство. Причем варварство вторичное, постцивилизационное. Дело тут не только в транснациональных корпорациях, снимающих любые границы – от географических до моральных – для своих капиталов. В сущности, в XXI веке мы встречаемся с глобальной культурой зла, которую своей волей – признают они это или нет – творят свободные носители люциферианского выбора в истории. Антихристианская цивилизация (антицерковь) вошла сегодня в гедонистическую фазу, предвещающую в обозримом будущем гностическую «культуру смерти», и пламя над Собором Парижской Богоматери – не единственный ее символ.

¹² Евтушенко Е. Разведчики грядущего, 1952: «Я знаю: грядущее видя вокруг, склоняется этой ночью самый мой лучший на свете друг в Кремле над столом рабочим» // Евтушенко Е. Собрание сочинений. Т. 1. М.: ЭКСМО, 2014. С. 12.

¹³ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Полное собрание сочинений. В 30 т. Т. 14. Л., 1976. С. 235.

Что касается России, то здесь все еще впереди. Конечно, культура вообще и искусство в частности суть только грани, стороны единого целого, называемого русской цивилизацией. Главная опасность угрожает России не извне, а изнутри: если капитал у власти, то все позволено. Хлынувший в страну в 1991 году доллар как катком вытаптывает все лишнее для себя – и в духе, и в теле нации. Вопрос в том, сумеем ли мы наладить такой культурно-государственный и хозяйственный порядок, где наши недостатки (с точки зрения «эвклидовского» рыночного *ratio*) обернутся достоинствами, то есть теми преимуществами, благодаря которым Россия, быть может, избежит западного парадокса, когда сила оказывается слабостью, знание – угрозой, свобода – рабством у греха. Дело не столько в столкновении цивилизаций, сколько в способности русской цивилизации предложить миру реальную альтернативу «войне всех против всех».

У нас есть шансы это сделать, если наша политическая и культурная элита наконец станет самодостаточной и поймет, что копировать чужие (и притом бесперспективные) общественные образцы заведомо безнадежно и надо вырабатывать национальную культуру с опорой на собственный цивилизационный код – опыт общего дела, который существовал и в Московском царстве, и в петербургской империи, и в советской державе. Не надо ничего выдумывать, надо только прислушаться к самим себе.

Чтобы преодолеть навязываемую ей демонизацию жизни, России требуется прежде всего твердо держаться своей традиционной иерархии ценностей, которая (вопреки профанному взгляду) никуда не исчезла, но продолжает храниться в архетипе народной души. На уровне культуры России необходима вертикальная иерархия ценностей, лежащих в основе национального образования, искусства и науки. «Горе тем, которые зло называют добром, и добро – злом, тьму почитают светом, и свет – тьмою, горькое почитают сладким, и сладкое – горьким!»¹⁴.

Наш национальный творческий акт (религиозный, политический, художественный) направлен к абсолютной Личности, а не к безличному «единому» (как на Востоке) или к самому себе (как на Западе). Повторим – теперь уже в качестве вывода: Россия постоянно разрешает парадоксы верующего разума, нравственного поэта, соборного монарха. Русская культура хочет быть (классика), а не только иметь (модернизм) или казаться (постмодернизм). Даже в современных условиях властная и культурная онтология в нашей стране с трудом меняет свою сакральную принадлежность, будь то имитация буржуазной республики, или какая-либо декоративная монархия, или откровенная «семибанкирщина» с капиталами за границей. Гражданское общество (по-русски – «земля») у нас всегда пребывает в напряжении между вертикалью церковно-государственной дисциплины и горизонталью эгоистического самоутверждения. Важно не допустить его до открытого сатанизма, который по мере гуманистического прогресса обретает все большую манипулятивную силу с помощью телевидения, Интернета и других средств моделирования наличного состояния мира.

Выводы

Подводя итог, заметим следующее. Русскому человеку необходима высокая культура и сильное государство не потому, что он «раб» (как полагают русофобы), а потому, что в глубине души он хочет служить чему-то более высокому, чем наслаждение и комфорт. Государству не следует стремиться превратить жизнь в рай, но оно обязано защитить народ от инволюции темных (низовых) энергий. Рай на земле – это выдумка идеологов новоевропейского прогресса начиная с Реформации и Просвещения (философия либерального гедонизма). Запад поверил в эти сказки, по существу, перестав быть христианской частью света (страна «happy end»). Россия, со своей стороны, до сих пор живет мыслью, что власть и культура в стране должны исходить не от вожделений пресыщенной «одиноким толпы» и не от тех или иных «элит», а от Бога. Вопреки потугам всевозможных инженеров и каменщиков человеческих душ, она до сих пор помнит, что блаженны изгнанные за правду. Русским западникам («внутренним эмигрантам») не стоит надеяться на скорое – или не очень скорое – превращение русского народа в европейскую «политическую нацию». В отличие от Запада, в основном уже определившегося (постмодерн), и в отличие от Востока, которому в известном смысле не надо определяться (ритуал всегда равен себе), России как срединной цивилизации материка, сочетающей в себе динамику Европы и устойчивость Азии, постоянно приходится делать судьбоносный выбор между восхождением и нисхождением, между классикой, модерном и постмодерном. Россия, по всей вероятности, найдет себе место в новом многополярном («постковидном») мире, особенно если Индия и Китай помогут ей в этом. Может быть, по этой причине мы до сих пор являемся альтернативой той «цивилизации вечера» (*Abendsland*), которая стремительно мчится ныне в трансгуманистический ад.

Источники

- Бердяев, Н.А. (1990), Истоки и смысл русского коммунизма [The Origins and Meaning of Russian Communism]. Москва: Наука.
- Казин, А.Л. (2010), Антиномии русской судьбы [Russian Destiny Antinomies] // Казин, А.Л. Русские чудеса [Russian Miracles]. СПб.: Петрополис.
- Казин, А.Л. (1998), Последнее Царство. Русская православная цивилизация [The Last Kingdom. Russian Orthodox civilization]. СПб.: Наука.
- Казин, А.Л. (2020), Событие искусства. Классика, модерн и постмодерн в пространстве русской культуры [An art event. Classics, modern and postmodern in the space of Russian culture]. СПб.: Herzen.
- Лифшиц, М. (2009), Почему я не модернист? [Why am I not a modernist?]. Москва: Классика ХХI века.
- Лифшиц, М., Рейнгардт, Л. (2009), Кризис безобразия. От кубизма к поп-арт [The crisis of ugliness. From Cubism to pop art]. Москва: Искусство.
- Лотман, Ю.М., Успенский, Б.А. (1982), Отзвуки концепции «Москва – Третий Рим» в идеологии Петра Первого (К проблеме средневековой традиции в культуре барокко) [Echoes of the concept of «Moscow – the Third Rome» in the ideology of Peter the Great (On the problem of medieval tradition in Baroque culture)] // Художественный язык средневековья. Москва.
- Солоневич, И.Л. (1991), Народная монархия [People's Monarchy]. Москва.

Федотов, Г.П. (1990), “Четверодневный Лазарь” [Four – day Lazarus], Вопросы литературы, № 2.
Франк, С.Л. (1992), Русское мировоззрение / Духовные основы общества [Russian Worldview / Spiritual foundations of Society], Москва: Республика.
Фукуяма, Ф. (2007), Конец истории и последний человек [The end of the history and the last man] / пер. с англ., Москва: АСТ.
Хантингтон, С. (2003), Столкновение цивилизаций [Clash of Civilizations] / пер. с англ., Москва: АСТ.

DOI: 10.53658/RW2022-2-1(3)-175-189

Russian culture as a civilizational phenomenon: aspect of values

Kazin A. L.

Russian Institute of Art History of the Ministry of Culture of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Abstract. The article is devoted to the understanding of the Russian culture as a phenomenon of Eastern Christian civilization. The author analyzes the main historical stages of the formation of the Russian culture in its interrelation with religion, worldview and social political life of the corresponding period against the background of substantial facts, principally based on the Russian literature and philosophy. Proceeding from the principled diagram of civilization as a concentric system of social casings, located around the religious valuables kernel, the author keynotes the continuity of the country's cultural code despite the revolutionary shifts in time, irrespective of the existence of the Peter the Great Western-like reform, February or October coup d'état in 1917 or collapse of the USSR late in XX century. The basic methodological categories of the given analysis are the paradigms of the classical, modernist and post modernist style as integral features of history and theory of the Russian Orthodox civilization on the whole, starting from Baptizing of the Russ and ending with the contemporary crucial stage of its existence. The principled attention is drawn towards the general European and world context, which take place in this country's culture and which on the one hand are an aspect of the global ideological development, and on the other are the unique creative acts of our centuries-old tradition. In this aspect this country' spiritual culture with all its worldwide nature (Dostoevsky F.M.), early XXI century is becoming a kind of an alternative for a post modernist destruction of a man's image as an integral being. The utmost expression of the latter are the trans humanistic tendencies in the “decline of Europe”, threatening to turn Homo Sapiens into an artificial cyborg.

Keywords: civilization, culture, art, orthodoxy, revolution, classical, modern, postmodern, Russia, trans humanism

About the author: KAZIN Alexander Leonidovich. Doctor of Philosophy. Scientific Director of the Russian Institute of Art History of the Ministry of Culture of the Russian Federation, Honored Worker of Culture of the Russian Federation. ORCID ID: 0000-0003-1740-6448. Address: 192071. 33 Bukharetskaya St., box 2, sq. 182, Saint Petersburg, Russian Federation. alkazin@yandex.ru@yandex.ru.

References

- Berdyayev N.A. The origins and meaning of Russian communism. [Istoki i smysl russkogo kommunisma] Moscow: Nauka, 1990. 224 p. (In Russian)
Kazin A.L. Antinomies of Russian destiny / Kazin A. L. Russian Miracles. [Antinomii russkoi sudby] [Kazin A.L. Russkii chudesia]. St. Petersburg: Petropavlovsk, 2010. (In Russian)
Kazin A. L. The Last Kingdom. Russian Orthodox Civilization. [Poslednee tsarstvo. Russkaya pravoslavnyaya tsivilizatsiya]. St. Petersburg: Nauka, 1998. (In Russian)
Kazin A.L. The event of art. Classics, modern and postmodern in the space of Russian culture [Sobytiye iskusstva. Klassika, modern i postmodern v prostranstve russkoy kultury]. St. Petersburg: Herzen. 2020. 241 p. (In Russian)
Lifshits M., Reinhardt L. The crisis of ugliness. From Cubism to pop art [Krizis bezobraziya. Ot kubizma k pop art]. Moscow: Iskusstvo, 1968. (In Russian)
Lifshits M. Why am I not a modernist? [Pochemu ya ne modernist?] M.: Classics of the XXI century, 2009. 606 p. (In Russian)
Lotman Yu.M., Uspensky B.A. Echoes of the concept of «Moscow - the Third Rome» in the Ideology of Peter the Great (On the Problem of Medieval Tradition in Baroque Culture) [Otvuki kontseptsii “Moskva – Treti Rim” v ideologii Petra Pervogo (K probleme sregnevekovoi traditsii v culture barokko)] / The Artistic Language of the Middle Ages. Moscow, 1982. (In Russian)
Solonevich I. L. The People's Monarchy [Narodnaya monarkhiya]. Moscow, 1991. (In Russian)
Fedotov G.P. Four-day Lazarus [“Chetverodnevny Lazar”]. *Questions of literature*. 1990. № 2. (In Russian)
Frank S.L. Russian worldview / Spiritual foundations of society [Russkoe mirovozzrenie/ Dukhovnyi osnovy obshchestva].. Moscow: Republic, 1992. (In Russian)
Fukuyama F. The end of the story and the last man [Konets istorii i posledny chelovek] / translated from English M.: AST, 2007. 588 p. (In Russian)
Huntington S. Clash of Civilizations [Stolknoveniye tsivilizatsii]/ trans. from English M.: AST, 2003. 603 p. (In Russian)

ДИАЛОГ КУЛЬТУР И НАРОДОВ

DOI: 10.53658/RW2021-2-1(3)-190-209

УДК: 316.722; 316.75; 008.2

Культурные коды Рязанской речной цивилизации и русское аканье

Чекурин Л.В.

Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина (Рязань, Россия)

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу внутренних источников развития Русской цивилизации на примере «культурного кода» одной из локальных цивилизаций. При изучении судеб Русской цивилизации историки оперируют, как правило, изложением то монгольского нашествия, то реформ Петра Великого, Александра II, П.А. Столыпина, то подробным описанием бесчисленных войн. Вопросы культуры даются фрагментарно, им уделяется минимум внимания. В настоящее время накопился огромный археологический материал, исследователи добились больших успехов в изучении отдельных отраслей культуры: архитектуры («история в камне»), иконописи, живописи, скульптуры, иных форм проявления цивилизации. Для исследования названной проблемы необходимо изучение всей совокупности духовно-нравственных и материальных форм культуры, которые, постоянно действуя на человека, в конечном счете определяют историческую судьбу и формирование национального самосознания. Тема статьи представляет, по существу, новый подход для исследователей, которые рассматривают преимущественно только экономические и социальные, политические аспекты влияния Запада и Востока. Внутренние источники развития являются для исследователей более скрытыми, менее доступными, чем бросающиеся в глаза внешние факторы и заимствования.

Ключевые слова: Рязанская речная цивилизация, Окско-Донской ареал, Азово-Черноморская Русь, культура, литературная традиция, летопись, лингвистика, аканье

Об авторе: ЧЕКУРИН Леонид Васильевич. Профессор кафедры истории России Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. Адрес: 390006, Россия, Рязань, ул. Свободы, 26, кв. 23. l.chekurin@yandex.ru.

Введение

...В Крыму... духовный исток формирования многоликой, но монолитной русской нации и централизованного Российского государства¹.

Целостная система цивилизации распространяется до своих естественных границ. Для Восточно-Европейской равнины такими границами могут служить бассейны крупных рек. А. Тойнби насчитывал до двадцати славянских цивилизаций. Отличительной чертой цивилизации является ее способность к историческому раз-

витию. Для нас не подходит ни «яблочный» вариант десяти культурно-исторических типов развития Н.Я. Данилевского (Данилевский 1995), ни пассионарное напряжение суперэтнической системы в качестве источника развития с акматической фазой Л.Н. Гумилева (Гумилев 1992).

В настоящей статье для понимания формирования Русской (термин «Россия» появился только в конце XV века) цивилизации предпринимается попытка использовать тысячелетние локальные цивилизации на Восточно-Европейской равнине, которые не завершили свое существование, а, объединяясь, создали цивилизацию иного качества – Великую Россию.

На примере локальной Окско-Донской цивилизации в статье дается материал конкретного цивилизационного выражения, в том числе создание суверенного государства. Сеть городов на Окско-Донской равнине создается не во время тяжких войн и столкновений, а в достаточно длительный и мирный период истории названной локальной цивилизации. В конце XIV века каждый десятый город – рязанский. В Список городов конца XIV–XV веков не вошло большинство городов на Дону, разрушенных волнами кочевников. Окско-Донскую цивилизацию всесторонне обогащает доступ по речным системам к Черному, Балтийскому, Белому, Каспийскому морям. Археологи находят свидетельства широких международных связей с государствами и цивилизациями, включая античные города. Исследователи культуры определяют особенности развития архитектуры, живописи, иконописи, скульптуры и т.д. Имея тысячелетнюю культуру язычества в X веке, на окско-донскую землю пришло христианство. Хронологическая протяженность названной локальной цивилизации – не одна тысяча лет. Названная цивилизация обладает в бассейнах Дона и Оки огромной территорией.

Вывод о роли локальных цивилизаций на основе изучения культуры земель по Оке и Дону можно посчитать постановочным, для дальнейшей ее разработки нужны коллективные усилия археологов, лингвистов, историков, искусствоведов других локальных цивилизаций на Восточно-Европейской равнине.

Изучение локальной истории дает возможность выявить источники внутреннего развития Русской цивилизации в целом. Материалы Окско-Донской, Новгородской Галицко-Волынской и Киевско-Черниговской земли необходимо рассмотреть с точки зрения цивилизационного развития, выявив их вклад в создание Русской цивилизации. В настоящей статье предпринята попытка рассмотреть с этой точки зрения Рязанскую, Окско-Донскую локальную цивилизацию.

Материалы и методы

В качестве материалов для исследования использовались результаты археологических исследований Волго-Окского региона, «Повесть временных лет», «Хождение Пимена в Царьград» (1589), «Слово о полку Игореве», описание Тмутараканского камня, «Повесть о Петре и Февронии», другие памятники литературы Древней Руси (конец XV – первая половина XVI века). Автором использовались общенаучные методы

¹ Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию 4 ноября 2014 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/47173>.

анализа и синтеза, компаративистики, лингвистический метод. Привлекались труды по исследованию цивилизаций Н. Гумилева, С. Хантингтона, Н.Я. Данилевского и др.

Результаты исследования

Эволюцию Российской цивилизации, раскинувшейся на трех континентах (в Европе и Азии, а до продажи Аляски – и на Американском континенте), трудно представить прямолинейной и одномоментной. Начиная с петровского времени постепенно достиг преувеличенных масштабов фактор западного влияния на Российскую цивилизацию, наряду с которым действовал и многовековой восточный фактор влияния на Россию. По непонятным причинам в историографии не выделяются внутренние факторы влияния на эволюцию Российской цивилизации, которые действовали без преувеличения на протяжении по меньшей мере тысячелетия. Рязанское аканье, о чем будет сказано ниже, уходит своими корнями в центр индоевропейского ареала IV–III тысячелетий до н.э. Кроме летописных и других письменных источников существует и такой важнейший источник познания истории, как язык этноса, он донес до нас известия из глубин истории. К сожалению, эти сведения пока используют только этимологи. Все большее количество фактов, открываемых археологами и другими специалистами, свидетельствует о длительных контактах славян с античным миром, в том числе античных городов Причерноморья со славянами юга Восточно-Европейской равнины.

В отличие от европейских государств, возникших на развалинах Римской империи, Российское государство (и, конечно, Российская цивилизация) развивалась под влиянием «внутренних», так называемых «локальных цивилизаций». Каждая из них, например, Северо-Западная, Новгородская, величиной с пол-Европы. Влияние Новгорода простиралось от Балтики до побережья Ледовитого океана на севере и до Уральских гор на востоке, речная сеть связывала Новгород с югом и юго-востоком.

Историкам хорошо известны различия политического строя русских государств, возникших в «локальных цивилизациях». Одни развивались как феодальные республики, другие – как олигархические правления (Галицко-Волынская Русь), в-третьих, развивалась сильная княжеская власть. В Окско-Донском ареале таким было Великое Рязанское княжество.

Московское государство в своем развитии отбирало из «локальных цивилизаций» то, что более подходило для ее объединительной, оборонительной, культурной политики. Историкам широко известны особенности культуры «локальных цивилизаций», в их числе особенности летописания. На Руси несколько центров летописания, различающихся по идейным устремлениям и политическим пристрастиям в изложении фактической истории земель. Исследователи культуры выявляют особенности архитектуры, достижений в области искусств, строительной техники, женской одежды, бытовых предметов и др. Предлагаемый материал посвящен «локальному» юго-востоку – Рязанской речной цивилизации.

На научно-практических конференциях Форума древних городов, состоявшихся в 2018–2021 годах, проявился устойчивый интерес к разработке Рязанской речной цивилизации, ее соединения с историей Азово-Черноморской Руси, связям с античными городами Причерноморья, с общей судьбой славян, сложным вопросом их этногенеза. На Рязанском форуме делались доклады о разнообразных подходах к названной теме. Подчеркивалась многочисленность и особенность рязанских городов, роль речной системы в развитии Рязанской цивилизации, отдельные вопросы культуры юго-востока Восточно-Европейской равнины (Чекурин 2021).

Приступая к постановке вопроса о локальных цивилизациях, необходимо пояснить терминологию, употребленную в названии IV-го Рязанского форума «Культурный код древнего города». «Код», по «Толковому словарю русского языка» Д.Н. Ушакова, – всего лишь «список условных сокращений для переписки по телеграфу, для сигнализации (телеграфный, сигнальный, коммерческий код)». В современном понимании термин «код» многозначен. Код – ключ к пониманию, совокупность ключевых понятий, общедоступных понятий. Код – ключ, который помогает раскрыть данную ситуацию, ее смысл, а может, и предсказать черты будущего развития. В этом отношении главная тема IV-го Форума древних городов (сентябрь 2021 года) – «Культурный код древнего города», – на наш взгляд, удачна и точна. Наряду с «кодом» употребляются и другие термины, например «матрица» (лат. *matrix* – «матка») или словосочетание «культурные факторы модернизации» (Чекурин 2021).

Тема IV-го Форума древних городов особенно актуальна. Современность показывает, что преуспели те страны, которые неуклонно работали с ценностями и национальной картиной мира. Сохраняя своеобразие и при этом меняясь, Япония, Южная Корея, Китай, Сингапур добились большего успеха, чем остальной мир. Сегодня напрямую говорят, что, именно следуя идеологии конфуцианства, Китай опередил Запад. Конфуцианская этика способствовала современной модернизации. Прорыв в развитии послевоенного Китая обеспечился благодаря тому, что использовался весь культурно-исторический опыт, в том числе взаимодействие национальных традиций, идей конфуцианства с современными завоеваниями науки, культуры и техники.

Поступательное экономическое развитие Китая сопровождалось снижением дистанции граждан по отношению к власти, ростом статуса ценностей самовыражения, самореализации, личной ответственности за свою судьбу. «Делай всегда так, как хочешь, чтобы делали тебе». Лаконичнее только Новый Завет – «твори добро». «Не убий, не укради, не лжесвидетельствуй» – граница Ветхого Завета.

В странах, где элита не работала с гуманитарной сферой, национальной ценностной шкалой, ничего не получилось. Замеры ГУ ВШЭ говорят о том, что там, где сокращалась гуманитарная сфера, в том числе количество часов на историю и литературу, страны не получили роста и в области научно-технических знаний.

Школа, образование может решить задачу формирования, воспитания общероссийского гражданского сознания, без чего невозможно развитие, обеспечение безопасности и сохранение государственной целостности России. Школа, образование, научные знания способны без революционных потрясений и ломки сформировать

систему ценностей следующего поколения, связав установки модернизации с культурно-исторической традицией (Матрица русской культуры, 2012).

Картину мира, сознание ответственного и свободного человека в первую очередь формирует история, литература и другие гуманитарные знания. Словосочетание «код цивилизации» определяет, какова наша картина мира (в отличие от скандинавской, американской или французской).

Литература о цивилизациях огромна: от русского ученого Н.Я. Данилевского до Арнольда Тойнби и Льва Гумилева. Биолог Н.Я. Данилевский увидел цивилизацию «яблоком»: за цветком и завязью, яблоко зреет, падает, распускается новый цветок, не связанный с прежними плодами. В мировой истории он назвал десять независимых друг от друга культурно-исторических типов. У Л.Н. Гумилева (Гумилев 1992) картина сложнее: цивилизация, возникнув от пассионарного толчка, достигнув акматического состояния, переживает упадок, а оставшаяся часть цивилизации, «мемориальная», может стать местом возникновения новой цивилизации. В монографии В.А. Никонова «Код цивилизаций» (Никонов 2015) подчеркивается в современных цивилизациях важность национальной истории. Каждая культура неповторима. Фольклор, былины, летописи, литературные циклы, современную прозу и поэзию объединяет цивилизационная традиция. Есть древо истории, народы – его ветви. Точно также есть громада России и особенности ее частей, из которых она сложилась.

В 1830–1840 годы славянофилы подхватили идею разной направленности развития культур и выделили особенность русского пути развития, хотя в то время они не располагали достаточным материалом для научного обоснования такого вывода.

Современный мир, по мнению В.А. Никонова, пошел от идей глобализации в обратную сторону, к своим корням, своей вере, своему естеству, национальным чувствам. В этом ключе рассмотрение «локальной» Рязанской речной цивилизации вполне актуально, в духе больших перемен в мире (Никонов 2015).

Возвращение к национальным чувствам происходит повсюду, включая Китай, Индию, Россию, которые определяют будущее развитие мира.

Литература о цивилизациях не поддается исчислению. Ученые-гуманисты, занимаясь цивилизациями, пытались в доступных им пределах выявить смысл перемен, раскрыть их закономерности и случайности существования, показать человека, попытались пояснить некоторые исторические перспективы (Уколова 2003).

А. Тойнби и его последователь С. Хантингтон сходятся в том, что цивилизация представляет собой некую культурную сущность. Деревни, регионы, этнические группы, религиозные общины, – все они обладают особой культурой, отражающей различные уровни культурной неоднородности. Цивилизация – культурная общность наивысшего ранга, самый широкий уровень культурной идентичности людей (Хантингтон 1994).

Цивилизация определяется наличием общих черт объективного порядка, таких как язык, история, религия, обычаи, государственные институты, различные проявления культуры (архитектура, живопись, скульптура), одежда, а также нравы, национальный характер, субъективная самоидентификация людей.

В коде цивилизации есть очень сложные составляющие, такие, например, как государственность, то есть способность цивилизации на определенном этапе своего развития создать государство. С его помощью только и можно было сохранить и развить многообразные проявления культуры, отстоять самостоятельность в окружающем враждебном мире. В Рязанской цивилизации такая составляющая присутствует. Объединение Юго-Восточной Руси веками осуществлялась Рязанским княжеством. На просторах будущей России, чаще в противостоянии, чем в единстве Земли и Власти, сложились государства (княжества, республики, олигархии), которые в IX веке достигли уровня передовых стран Европы, а в XII веке продолжили свое поступательное развитие и даже расцвет (Греков 1982).

Цивилизация – самый широкий уровень общности, к которой человек себя относит. Культурная самоидентификация может меняться, и в результате может меняться состав и границы той или иной цивилизации. При этом уровни самоидентификации различны.

Житель Рима может характеризовать себя как римлянин, итальянец, католик, христианин, европеец, человек западного мира и культуры. То же можно сказать и о россиянине. Он может назвать себя русским человеком, православным, христианином, человеком славянского мира, принадлежащим речной цивилизации, европейцем, а позже – сибиряком, дальневосточником, степняком, азиатом. Цивилизация – это культура, дошедшая до естественных границ своего распространения (Хантингтон 1994).

В потоке всемирной истории мы различаем морские, океанические и континентальные цивилизации. У каждой цивилизации свои особенности. В континентальных цивилизациях есть народы кочевые и оседлые, у каждого народа своя роль. На наш взгляд, возможно выделить среди цивилизаций речную. Историк Геродот писал, что история страны повторяет свою природу. Описывая Скифию, то есть южную часть будущей России, он замечает, что в этой стране нет ничего необыкновенного, кроме рек, ее орошающих: они многочисленны и величественны. Приводя эти утверждения, произнесенные за пять веков до новой эры, В.О. Ключевский прибавляет: «Никакая другая особенность нашей страны не оказала такого разностороннего, глубокого и вместе столь заметного воздействия на жизнь нашего народа, как эта речная сеть Европейской России» (Ключевский 1987).

В другие эпохи не менее значительную роль в создании Великой России сыграли сибирские реки. Именно сибирские и европейские реки вместе помогли русскому человеку оказаться на Американском континенте.

Первый летописец (Нестор или Сильвестр)² обозрел единым взглядом Восточную Европу и практически нигде не ошибся. Он выделил и назвал на огромной территории 15 племенных союзов. У каждого союза – своя река и свой столичный город. У полян – Днепр с Киевом; у словен – Ладожское озеро с Новгородом; полочане – на Западной Двине от реки Полоть с городом Полоцком, у вятичей – между

² Повесть временных лет. URL: http://www.lib.ru/HISTORY/RUSSIA/povest.txt_with-big-pictures.html.

речье Оки, Клязьмы, Волги с Рязанью, Пронском и Переяславлем. Кривичи расположились между вятичами и полянам в верховьях Волги, Днепра и Западной Двины. Северяне – по рекам Десна, Сейм, Сула с городом Чернигов; радимичи – по рекам Сож и Сейм с городом Любеч; волыняне и бужане на реке Буг к западу от полян; уличи, тиверцы, расположившись между Днестром и Дунаем, граничили с землями Болгарии.

Летописец сумел окинуть единым взглядом всю Восточную Европу, увидел ее как бы из космоса и нигде географически не ошибся. Предполагают, что в его расхождении был какой-то географический труд, который до нас не дошел.

Гуманитарная вершина XIX века – «Курс лекций по русской истории» В.О. Ключевского, который образно выделил русские реки, их роль в жизни наших народов:

Нигде в Европе не встретим такой сложной системы рек со столь разносторонними разветвлениями и с такой взаимной близостью бассейнов: ветви разных бассейнов, магистрали которых текут иногда в противоположные стороны, так близко подходят друг к другу, что бассейны как бы переплетаются между собой, образуя чрезвычайно зорчатую речную сеть, набросанную на равнину (Ключевский 1987).

В Сибири такая же картина, только масштабы главных рек значительно больше. Волга по протяженности и площади бассейна среди российских рек на шестом месте.

Особенности Русско-Европейской равнины чрезвычайно благоприятны – неширокие и пологие водоразделы облегчали освоение (колонизацию) страны, что давало возможность с самых древних времен перевозить речные суда из одного бассейна в другой. В источниках упоминаются поставленные на колеса речные суда во время преодоления водоразделов.

Термин «речная цивилизация» в историческую литературу вошел в XIX веке. Историки, изучающие природные факторы развития, случайно обратились к роли рек. В.О. Ключевский развернул, сформулировал историческое понятие речной цивилизации. По моим наблюдениям, границы русских княжеств определялись прежде всего бассейнами рек, а затем уже талантами князей с боярами и силой дружин. Именно бассейны рек разделили русское славянство, по ним «сложились политические области, земли, на которые долго делилась страна» (Ключевский 1987).

Реки играли большую роль не только в России. Самые древние цивилизации – речные. В долинах рек Нила, Тигра, Евфрата, Инда, Ганга, Хуанхэ, Янцзы возникли Египетская, Месопотамская (Шумерская цивилизация – современный Ирак), Индийская и Китайская цивилизации.

Для нашей темы В.О. Ключевский, не употребляя термин «цивилизация», высказал, на первый взгляд, казалось бы, парадоксальную мысль, занесенную им в записную книжку для афоризмов: «В России центр на периферии» (1892) (Ключевский 1968).

В публикациях есть самые разнообразные комментарии этого постулата (допущение, принимаемое наукой за исходное, без доказательств). У филологов такое изречение – аллитерация. Философы видят в этом «пророческий смысл». Теоретик истори-

ческого краеведения М.П. Мохначева понимала приведенное изречение как поворот научно-исторических исследований от центра к периферии, от макроистории к углубленному изучению микроистории (провинций). М.П. Мохначева считала это положительным моментом, приоритетным направлением в историографии: от total history к micro history³.

Российская цивилизация создавалась не на развалинах «чужой», Римской империи, как европейские государства, и не в пределах территории «матери городов русских», Киевской Руси, как считают некоторые националистически настроенные историки, а в «соседней» речной системе – «Окско-Волжском междуречье», как новая постройка, где до этого жили угро-финские племена (Ключевский 1968).

Активным участником создания Великой России – Великороссии – наряду с другими землями было и население Окско-Донской цивилизации. Слово «Великая» – не количественное определение, а временное – обычно означает завершение процесса, заключительный этап государственного образования. Великороссия, Великобритания – наименования одного порядка.

Великая Россия создавалась по образцу своих составных частей. На Западе шел процесс дробления, создания небольших государств («комнатно-камерной» Европы). На Руси шел процесс собирания разных частей в целое. На Западе низшие политические формации усвоили форму высшей, которую они разрушали, а в России высшая форма усваивала форму низших, из которых она слагалась. Вбиралось все лучшее и то, что ей подходило для решения насущных задач, прежде всего для обороны от внешних противников с Запада, Востока и Юга.

Россия отказалась от вечевых собраний Новгорода в пользу сильной княжеской власти. Ценности юго-востока, Рязанской земли, защищавшей до начала XVI века от внешних нападений создающееся государство, ей подходили больше, чем другие формы правления.

Ученые давно спорят о принадлежности территорий Куявии, Славии и Арталии. На наш взгляд, это земли Киева, Новгорода и Рязани, видимо, это земли юго-востока, юго-запада и северо-запада, из которых складывалась Россия.

Вернемся к Рязанской речной цивилизации. Попробуем увидеть в ней черты, обнаруживающиеся в иных, признанных цивилизациях. У речных цивилизаций есть общие черты, которые подходят и для Рязанской речной цивилизации.

Цивилизация – это культура, дошедшая до естественных границ своего пространства. То есть первый параметр цивилизации – значительные пространства, которые составляют ее кормящий ландшафт. Он может быть неоднородным, но, по сути, является ландшафтом, в котором живет некая общность людей (семья, племя или племена, которые сливаются в этнос со своим языком, диалектными особенностями и праязыком).

Главные реки Окско-Донской равнины охватывают огромные пространства. Только у Оки с Волгой 3480 верст речного пути, а площадь 1,360 тыс. кв. км, значитель-

³ Internet-образы российской провинциальной культуры XVIII–XIX вв. // История. Прил. к газете «1 сентября», 2004, с. 26–30.

ная часть которой – бассейн Оки, длина которой 500 км. У Дона продолжительность составляет 1870 км. Площадь его бассейна – 422 тыс. кв. км.

Для сравнения: речная цивилизация в Месопотамии (по моим подсчетам, ее главные реки Тигр и Евфрат текут на протяжении около тысячи км – 750 км, соответственно, меньше и площадь бассейна реки). Никто не спорит, что такая цивилизация была. Площадь Рязанской цивилизации вполне сопоставима с другими речными цивилизациями.

Главное занятие на данном кормящем ландшафте – земледелие и связанное с ним скотоводство – очень четко прослеживается в речной цивилизации, расположенной по Оке и по Дону. Во всех цивилизациях (и в Рязанской тоже) развитие земледелия предопределяет, инициирует разделение ремесла и земледелия, возникновение городов. У всех цивилизаций есть сеть городов. В Рязанской речной цивилизации такая сеть особенно многочисленна. Русь не зря называли «Гардарикой» – страной городов. На грани XIV–XV веков насчитывалось более 350 городов Восточной Европы. Каждый десятый город – Рязанский. В Списке почти не упоминаются города по Дону (отмечено всего три города), хотя в источниках есть конкретное описание остатков многочисленных городов на Дону⁴. Это обстоятельство дает основание к Рязанской речной цивилизации прибавить еще качество городской цивилизации.

В городской культуре более ярко проступают культурные коды. Одновременно русская деревня дает уникальную картину цивилизационных особенностей. Профессор В.Г. Руделев в диссертации «Лексика жилища и жилищно-хозяйственного строительства в некоторых рязанских говорах» (Руделев 1958) назвал 600 терминов при строительстве избы. Дом – не только укрытие от непогоды, но и от злых сил; не просто конек – конек украшает голова коня, оленя, женщины с воздетыми руками (иногда черепа). А под ним (на фронтоне) – солнце, которое движется по дуге от восхода вверх, а затем вниз, к закату. Колыбель в избе со знаком ночного солнца – движение солнца по дуге вниз, от заката к восходу.

Свидетельством общности индоевропейцев, в том числе славян, близкие черты в строениях, древних жилищах, бытовых предметах, женских украшениях, религиозных культах. Мать Лада, покровительница брака, семьи и плодородия, сопоставима с греческой богиней Латой, славянский языческий бог Перун – с главным греческим богом Зевсом.

Порог в избе очень высокий: покойника выносили через окно. Колочие еловые ветки и на современных похоронах – не случайны. Чтобы покойник не вернулся. Традиция дошла до нашего времени.

Природа определила не только занятия, но и духовную жизнь человека. Наблюдая природу в непрерывном движении (течение рек, восходы и заходы солнца, меняющуюся форму луны, движение звезд, каждый год заново вырастает трава, деревья теряют и обновляют листву, разливаются реки), человек приходит к выводу, что рождается и умирает все живое. Человеку кажется, что природа наполнена неведомыми силами. Мы мало что знаем о ходе духовного становления – известны только резуль-

⁴ Хождение Пимена в Царьград. 1589 г. Книга хождений. Записки русских путешественников XI–XV вв. М.: Советская Россия, 1984.

таты этих процессов. Издревле население интересующего нас ареала исповедует поклонение природным силам. Работы А.Ф. Лосева показали необычайную сложность античных мифологических образов, их глубокие первобытные корни и причудливую динамику их исторического бытия (Лосев 2001).

При всем различии славянства и греческого мира, между ними не было непреходимой пропасти. Дорийцы были близки с праславянами. Славянские боги сопряжены с античными. Возможны были контакты представлений духовной жизни славян с язычниками античности (Рыбаков 1994).

Теснее и продолжительнее, чем описано в историографии, Окско-Донская цивилизация соприкасалась с Азово-Черноморской Русью, а та, в свою очередь, с греческими полисами Причерноморья.

Тмутараканские князья, начиная с Мстислава, хорошо известны летописцам. В «Слове о полку Игореве»⁵ упоминается «Тмутараканский болван», которого призывает автор послужить вместе с другими землями защите Русской земли. В историю вошел открытый в XVIII веке Тмутараканский камень с надписью: «В лето 6576 индикта 6 Глеб князь мерил море по леду от Тмутараканя до Корчева 14000 сажеу»⁶. Тмутаракань, полузабытая Азово-Черноморская и Донская Русь стерта почти бесследно нашествиями кочевников.

Социальная жизнь завершается образованием государства. В код цивилизации входит государственность. Интересны различия государственного устройства. Некоторые формы политического устройства для российской цивилизации не подошли и были отвергнуты. Новгородское вече могло прогнать одного князя и пригласить другого из Литвы или любой из Русий. В Рязанской цивилизации культивировалась сильная княжеская власть. Отсюда, видимо, ее самое позднее вхождение (Рязанского княжества) в Московское государство.

Границы земель связаны с реками. Бассейны рек реально определяют территорию княжеств, в том числе и границы, юго-востока, которые находились под контролем Рязанского княжества. Куда из княжеского города можно доплыть для сбора дани, туда и простирается власть князя.

Только государству было под силу создать действенную систему обороны. В 1444 году впервые упомянуты «рязанские казаки» (казак – с тюрк. – «удалец, вольный человек»). Запорожская Сечь, Бугское казачество возникли западнее в следующие века, восточнее – Терское, Оренбургское, Сибирское, Семиреченское, вплоть до Амурского и Уссурийского, казачества служили защите границ российской цивилизации.

Защитником была и сама природа. Рязанский мужик прекрасно умел ее использовать – придумал лесные засеки. Полоса шириной в 60 м поваленных деревьев в сторону возможного нападения – делает лес непреодолимым препятствием для конницы. Первая засека – от Переяславля Рязанского до Брянских лесов в 600 км – еще

⁵ «Слово о полку Игореве». URL: <http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/text/slovo-o-polku-igoreve/slovo-o-polku-igoreve-original.htm>.

⁶ Тмутараканский камень. Археология СССР. Свод археологических источников. Под редакцией академика Б.А. Рыбакова. М: Наука, 1964.

одно свидетельство Рязанской цивилизации. Это не Великая Китайская стена, для за-секи достаточно топора и, конечно, умения. Чтобы решиться на создание огромных по протяженности засек человек должен знать масштаб, предвидеть опасности новых нашествий и набегов на огромных территориях.

Преимущество Рязанской речной цивилизации было в том, что ее реки текли в разных направлениях: с запада на восток (Ока), с юга на север (Проня) и с севера на юг (Дон с притоками). Все это обеспечивало расширение и дальнейшее развитие цивилизации, ее культурного кода. Данные этнографии и диалектологии показывают территорию Рязанской цивилизации в бассейнах рек Оки и Дона. Этнографы (Н.И. Лебедева) находят рязанский женский костюм – паневу – в низовьях Дона. Исследователь рязанских говоров Е.П. Осипова также находит один из типов женской одежды – красную и черную паневу в сочетании черным нагрудником и плащевидной одеждой туникообразного покроя (Кадман) – в южной части Рязанской губернии в бассейне Дона (Осипова 2004).

В массовом порядке это подтверждают бытовые предметы. Керамика на Оке и верхнедонских селищах на Дону, в Ростиславле в округе Старой Рязани, где практиковались двухъярусные горны с температурой обжига до 800 градусов, не отличалась. На Дону использовалась другая (белая) глина, но по форме донские керамические изделия не отличались от окской керамики. Не отличались и жилища с печью на Окско-Донской равнине.

Второй параметр цивилизации – время. Хронологически цивилизация, по Л.Н. Гумилеву, продолжается от 1200 – до 1500 лет. Расцвет Египетской цивилизации (Новое царство) – XVI–XI вв. до н.э. В XI в. до н.э. Египет подпал под влияние греческой культуры и стал терять свою уникальность, менялись его границы и власть фараонов. Северо-восток Африки завоевал Рим.

Рязанской цивилизации более тысячи лет. С X века Русь развивается как христианская цивилизация, этому важнейшему периоду предшествует тысячелетие язычества. В язычестве нет ничего плохого – всего лишь почитание, поклонение природе – водам, лесу, отдельным деревьям. «Слово о полку Игореве»⁷ в двух местах текста упоминает христианскую церковь, а содержание и главные образы поэмы – природные, вполне языческие. «Слово» знает первый век новой эры: в тексте упоминаются «века Трояновы» (вторая половина I в. до н.э.). В «Слове» действуют внуки Стрибога, а Олег – «внук Дажь Божа». «Вещий Баян» – внук Велеса. Действие происходит на Дону. Есть не общепринятый, на наш взгляд, более точный перевод строки «О русская земля, ты уже за шеломянем еси». Автор имеет в виду отнюдь не холмы: «О русская земля, ты уже за проливом» (ныне Керченским). Возможно, Русская земля в «Слове» – это та самая Азово-Черноморская Русь.

Княгиня Ольга – христианка, ее сын, непобедимый воитель древности Святослав – язычник, потому его боевая и победоносная дружина не могла принять христианских заповедей («не убий»).

⁷ «Слово о полку Игореве». URL: <http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/text/slovo-o-polku-igoreve/slovo-o-polku-igoreve-original.htm>.

У каждой цивилизации свои особенности. Среди особенностей Шумерской цивилизации – множество народов. Отсюда – трагическое разрушение Вавилонской башни, еще в период строительства люди не понимали друг друга. В Египте не было общей религии. Обе цивилизации гибнут.

Российская цивилизация соприкасалась длительное время с античными полисами, которые существовали в Причерноморье более тысячи лет. Нуждаясь в хлебе, они «сотрудничали» со славянскими земледельцами, меняя на хлеб изделия ремесла. Загадочна этническая принадлежность скифов-пахарей.

Хронология Рязанской цивилизации проливает свет на особенности языка. В рязанских диалектах слились аканье и яканье, цоканье и чоканье. Исследования О.Н. Трубачева свидетельствуют, что упрощение вокализма (е – о – а) в (а) совершилось в Европе без затруднений, за счет средств индоевропейских диалектов в очень отдаленную от нас эпоху. К этому имеет отношение феномен русского аканья (Трубачев 2005).

Грандиозная картина циклической эволюции вокализма индоевропейских диалектов Восточной и Центральной Европы имеет отношение ко всем славянам. Аканье – не позднее явление. Истоки аканья индоевропейцев лежат хронологически очень глубоко. Рязанское аканье – из этих же проблем (проблем определения ареала и времени генезиса славян). Нельзя смешивать случаи первой фиксации аканья на письме и возможное зарождение этого явления в языке. История этого явления начинается значительно раньше письменной истории. Эти явления не замыкаются в восточнославянском ареале. Слависты указывают на параллели русскому аканью на перифериях славянского ареала (родопское аканье болгарских, словенских диалектов). Это подсказывает мысль, что и русское аканье есть периферийное явление (в терминах лингвистической географии), то есть явление архаическое.

Вообще, целый ряд восточнославянских языковых (фонетических) явлений целесообразно рассматривать как периферийные и архаические для всего славянского ареала. Истоки аканья уходят в древность (Трубачев 2003).

Отличительные особенности Рязанской речной цивилизации – язык и вера. В языке особенности следующие: аканье для тех славян, которые двигались с юга, оканье – для тех, кто двигался вниз по Оке.

Русская культура, по выражению Д.С. Лихачева, – громадное разнообразие возможностей и множество истоков (учителей). Среди них – дохристианская культура восточных славян. Российская культура – комбинация многих центров. Свобода, прежде всего внутренняя, обязательна для творчества.

Достоинство и преимущество Рязанской речной цивилизации в том, что она соединилась с христианством, с совершенной системой нравственных ценностей. Если мир не воспримет христианские ценности, то погибнет от однополых браков, отсутствия почитания родителей, пренебрежения к другим семейным ценностям, непризнания смертных грехов, в том числе гордыни.

На поле Куликово вышли и победили не просто дружины разных князей. Славяне соборны, их на битву благословил Сергей Радонежский. На поле Куликово выш-

ли не случайные люди – вышла христианская цивилизация. Воины сражались за веру против тех, кто грозил ее уничтожить. Победила соборность и христианская вера.

Есть коренные причины многовековой непобедимости России. В XVII веке изгнали из Москвы поляков с Литвой. В XVIII веке разгромили шведов под Полтавой. В 1812 году изгнали всю Европу, которую вел на Москву Наполеон. Взятием Берлина закончилась война с Пруссией в XVIII веке и Великая Отечественная война с фашистской Германией.

В зловещем проекте «анти-Россия» забывают, что в Яско-Кишиневской операции была разгромлена огромная армия под названием «Южная Украина». Р.Я. Малиновский, Ф.И. Толбухин, Н.Э. Берзарин и другие советские военачальники разгромили огромную группировку противника, окружили и пленили сотни тысяч немецких, румынских солдат и солдат других национальностей. Надо называть вещи своими именами: как вели себя на захваченной земле немцы, поляки и другие европейцы в 1812 году, в 1941 году? Преступные деяния, совершенные на Русской земле, нуждаются в коллективном покаянии Европы.

Природные условия и человеческий фактор повлияли на развитие нашей страны. В основе развития Рязанской цивилизации среди природных факторов – леса и реки. В речных цивилизациях много сходств. Месопотамия, например, была бедна металлами и лесом, отсюда в обмен на обильные урожаи разных культур – торговля с Индией, Египтом, Средиземноморьем.

Рязанская речная система выводит суда по рекам с помощью переволок ко всем океанам и морям (Балтийскому, Черному, Белому). Археологи находят в Старой Рязани и других рязанских городах посуду всех стран Причерноморья, Сирии, Сицилии и государств Средней Азии, Индии, фарфор Китая, посуду и других стран Востока. Анализ посуды, найденной в Старой Рязани и в других рязанских городах, сделал археолог В.Ю. Коваль (Коваль 2016).

Главный признак цивилизации выражается в информационно-письменной форме. Усложнение хозяйства, экономические связи потребовали фиксации межцивилизационных отношений, возникает потребность в письменности. У шумеров была клинопись, до нас дошли глиняные таблички с клинописью. Были и другие формы информационного сдвига – иероглифы. Самая совершенная из этих систем – азбука Финикии.

Мне посчастливилось исследовать творчество историка Д.И. Иловайского и быть знакомым с академиком О.Н. Трубачевым, пользоваться его советами и его трудами.

Были очень серьезные противники изучения работ Д.И. Иловайского (Чекурин 2009). Однако в окружении О.Н. Трубачева мне посоветовали исследования трудов Д.И. Иловайского продолжать (Чекурин 2009). Академик О.Н. Трубачев отметил невероятную интуицию Д.И. Иловайского, который назвал Азово-Черноморскую Русь реально существующей. К Азово-Черноморской вплотную подходила Окско-Донская речная цивилизация (Трубачев 2005).

Главным событием XX века в области лингвистики стало составление академиком О.Н. Трубачевым словаря меотов, жителей, обитавших вокруг Меотского озера (Азовское море).

Д.И. Иловайский писал, что объяснить появление кириллицы посредине ковалльной степи невозможно, для этого нужно сообщество, государство, в котором впервые произошло крещение князя Владимира и его дружины, там же появилась кириллица. Д.И. Иловайский считал, что пока мы не найдем и не исследуем это сообщество и государственность, мы не сможем объяснить появление славянской письменности. Братья Кирилл и Мефодий нашли в Крыму «черты и резы» (вертикальные и горизонтальные буквенные обозначения), которые усовершенствовали, и мы на современных компьютерах пользуемся кириллицей и ныне.

Рязань и Крым связаны более основательно, чем это представлено в современной историографии. В самом начале Окско-Донского речного пути возникла и находилась Первоначальная Русь. В отличие от нее следующие Руси назывались Киевской, Белой Русью, Червленной Русью, а первая была Азово-Черноморская. Русь возникла в Причерноморье на Юге. Очевидно, задолго до того, как «князь Глеб мерил море по леду». Тмутараканский камень с такой надписью был открыт в конце XVIII века. История славян началась не в шведских фьордах, а на юге. В ономастике, топонимии Приазовья и Крыма наличествует и часто повторяются названия с корнем «рос».

Значение открытия О.Н. Трубачева состоит в том, что он на территории южной части Восточно-Европейской равнины обнаружил одну из ранних форм индоарийского языка и, следовательно, соответствующего этноса. Границы этого языкового ареала от Северного Кавказа на востоке до Закарпатья, Дакии и Трансильвании на западе. Академик О.Н. Трубачев открыл новую этноязыковую культурную историю Северного Причерноморья.

На берегах Меотского озера (Азовское море) и на восточном берегу Крыма О.Н. Трубачев обнаружил более 250 тюркских терминов (что естественно) и 230 сохранившихся славянских названий: Камышовая бухта, Молочный залив, река Медведица и т.д. В тот момент, когда из индоевропейской семьи народов выделились италийцы, германцы, кельты, которые ушли к местам современного обитания, славяне распространились по всей Восточно-Европейской равнине. Славяне издревле располагались в этом ареале. Азово-Черноморская Русь находилась в прямом контакте с Окско-Донской цивилизацией.

Выпускнику историко-филологического факультета, который готовил специалистов широкого профиля, учителя истории, литературы и русского языка, ближе всего та часть культурного кода, которую назовем Рязанской литературной традицией. Развитие литературы шло от фольклора, рязанского былинного цикла и рязанских летописей. В Рязанской земле появляются уникальные по своим идеям и художественным особенностям прозаические и поэтические творения. Приведу несколько примеров.

XIII век: Рассказ о преступлениях рязанских князей, трагедии в Исадах 1217 года, Похвала Рязанским князьям, Летописная повесть о татаро-монгольском нашествии, наконец, «Повесть о разорении Рязани Батыем», по идейному накалу и художественным особенностям она стоит на уровне «Слова о полку Игореве».

XIV век представлен: «Повестью о битве на реке Воже» и «Задонщиной» брянского боярина, рязанца Софония. Он повторяет сюжет «Слова», только битва закан-

чивается победой русских сил. События «Слова о полку Игореве» происходят на Каяле, на Дону на территории Рязанской цивилизации. Рязань в «Слове» не названа, но там названы рязанские князья – удалые сыновья Глебовы. Сохранилось до ста копий «Сказания о Мамаевом побоище». В двух текстах упомянут тот же автор Софоний. К этому времени относится и «Повесть о рязанском епископе Василии». Он привнес из Муром чудесную икону, что «и ныне в Рязани есть»⁸.

«Повесть о Петре и Февронии», идеи гуманизма, милосердия, христианской любви, выраженные в повести, – центральная тема выдающегося русского писателя и публициста 40–60 годов XVI века Ермолая Еразма. Литературная эпопея муромского князя Петра и крестьянки из деревни Ласково Февронии несравненно значительней и глубже европейского Дня св. Валентина. Это день только влюбленных. В Ласковском цикле, который сегодня признан многими русскими землями, в центре – семья с ее радостями, трудностями и счастьем. Рязань, Муром, а вслед и другие русские земли поклоняются подвигу Февронии. Прекрасные праздники в деревне Ласково, украшенной современной замечательной скульптурой героев цикла – Петра и Февронии. Там же возведена часовня. А рядом сельское кладбище – напоминание о тщете накоплений, жадности, других смертных грехах, в том числе и гордыни. Попавший на эту благословенную землю любой человек, даже миллиардер, поймет очень многое. Похоронят его в одном пиджаке, и ничего он с собой не возьмет. Творите добро, ведь только оно остается людям – вот главный закон Нового Завета.

Из Корсуни (Херсон, Севастополь) привезена на Рязанскую землю Корсунская икона Николая Угодника. Оттуда явился на Рязанскую землю писатель Евстафий из Корсуни и его сын Евстафий Второй. «Повесть о Николе Зарайском» – древнейшая часть свода рязанских повестей. Возникнув в XII веке в домонгольское время, они дополнялись и изменялись вплоть до XVII века.

В «Родословии священников Николиной церкви в Зарайске» содержится приписка: «Сие написал Еустафий второй – Еустафьев сын Корсунского на память последнему роду своему». Повесть о переносе иконы из Корсуни (Херсонеса) в Рязанскую землю. По видению Евстафий с семьей отправляется на Русь. Из Херсонеса он решил добираться через Киев, но слишком велика была опасность от половцев. Тогда он вернулся и от устья Днепра на корабле поплыл Русским (Чермным – красивым) морем, Средиземным морем вокруг Европы в Немецкие области. Добрался до Риги (другой вариант – город Кесь (Цесис, Латвия)). Далее путь в Новгород преодолел посуху. А от Новгорода был известен речной многодневный путь на Оку к речке Осетру, где возник город Зарайск.

Жена Федора Евпраксия царского рода, родственница византийского императора. Евстафий привез кирика Аппоницу – есть такой действующий персонаж в «Повести о разорении Рязани Батыем». Федору, Евпраксии и его сыну Ивану Постнику поставлены каменные кресты на их могиле, что стоят и ныне (Добролюбов 1884).

Исследователя, как и обычного читателя, неизменно охватывает ощущение незримой, а может быть, реальной связи времен, в формах и художественных традициях опирающиеся на фольклор, эстетические переключки писателей разных эпох, объединенных нравственно-этической основой и общностью художественных средств.

Через творчество рязанских поэтов и писателей мы пришли к современному расцвету рязанского литературоведения. Привлекают новые книги писателей последнего времени, изумительные по искренности воспоминаний. Лично меня привлекли своей искренностью воспоминания В.И. Баниковой «Девушка из газеты», «Вязкая память живицы» Александра Осипова, биографические работы – «Династия» Н.В. Кердиваренко в соавторстве, «Отчий дом в Елатье» З.И. Поповой (2021), два выпуска РГУ «Учителя и ученики» (2017), философский коллаж А.Н. Бабин «Это мы» (2021) и др. Не премину упомянуть десятки сборников памяти С.Д. Яхонтова, Д.И. Иловайского, М.К. Любавского, которые, несомненно, внесли свой вклад в современную историографию и литературоведение. Велика роль рязанского литературоведения, поднявшегося до российского и международного уровня. Назову имя своего учителя – П.А. Орлова (исследователь классицизма, автор первой монографии о Я.П. Полонском, учебника литературы, изданных в МГУ); В.К. Соколову – организатора фольклорных экспедиций и составительницу сборников «Сказки земли Рязанской» и труда «Устное народное творчество Рязанской области», первый труд краеведа Д.Д. Солодовникова о Я.П. Полонском, организатора первых межвузовских Есенинских чтений, профессора М.М. Верховскую. Профессор В.В. Шахов – инициатор присвоения рязанскому вузу имени С.А. Есенина; автор словаря «Литературная Рязань» И.Н. Гаврилов обосновал необходимость постановки памятника С.А. Есенину в Рязани.

У Пушкина есть стихотворение «К Овидию» о сосланном в Причерноморье поэте, написанное в Кишиневе. Еще не у нашего поколения – может быть, у последующих поколений историков, искусствоведов, литературоведов появится возможность написать историю цивилизации, которая свяжет Овидия и Есенина, а Азово-Черноморскую Русь – с рязанскими просторами по Оке и Дону, с прямыми контактами рязанской древности с черноморскими греческими полисами, которые существовали в Причерноморье более тысячи лет.

Рязанская речная цивилизация связана с Азово-Черноморской Русью, это Первая Русь. История цивилизаций начинается на юге в полосе чуть севернее и чуть южнее Средиземного моря, это всего десять процентов с древности обитаемой суши. Но именно эти десять процентов суши родили все цивилизации, все религии, все философские системы. Арел Черного и Азовского морей входит в эти десять процентов.

Рязанская речная цивилизация соприкасалась с полисами, однако степень контактов с античными городами еще предстоит исследовать. Ясна тесная связь с Византией (до XIV века). В раскопках рязанских городов обнаружены византийские монеты VI–VII веков. Отдельные находки римских и боспорских монет известны на Канищевском, Троице-Пеленицком и Старорязанском городищах. Клад римских динариев II века был найден в 1891 году в Рязанском уезде Рязанской губернии. Византийские монеты с городища Старая Рязань без конкретных сведений упомянуты в коллекции

8 Повесть о Петре и Февронии. М., 1979, с. 326.

А.Ф. Федорова. С этого же памятника археологи обнаружили достоверные находки византийской меди X–XII веков. На Рязанской земле обнаружена монета Тиберия 590 года, чеканенная в Херсонесе. Часть монет позже была переатрибутирована В.В. Гуревой (сотрудником отдела нумизматики Эрмитажа)⁹.

Историкам всегда бросались в глаза противоречия рассказа летописцев о вятичах, что живут в лесу, «яко всякий зверь и закона брачного не знают», с шедеврами ювелирного искусства, открытого в Старой Рязани. «Это все привозное», – утверждали скептики. Но находки двух ювелирных мастерских со всем оборудованием (тигли, формы) убедили скептиков в обратном. В 2021 году был найден клад удивительных серебряных украшений – уже не для князей, а для «среднего класса», людей зажиточных. А тут еще одно потрясение – обнаружена берестяная грамота не в Старой Рязани, которая давно демонстрируется в Рязанском архитектурном музее-заповеднике, а в нашем городе – Переяславле Рязанском (современная Рязань). Уверен, что неблагоприятные условия хранения бересты, в отличие от Новгорода, где всего найдено более тысячи берестяных грамот, подводят нас к выводу, что русский город, в том числе и рязанские города, были грамотными.

Нужны исследования искусствоведов, специалистов по архитектуре – случай ли, что русское барокко возникло на Рязанской земле? Его называют Нарышкинским или Московским, а крупный искусствовед Г.К. Вагнер назвал этот стиль «Рязанским барокко», ибо архитектурные шедевры появились на Рязанской земле.

Мало мы можем сказать о Рязанской иконописной школе, что была в Солотчинском монастыре. Утрата в 1929 году коллекции старых икон, собранных Яхонтовым, – для нас огромная потеря.

Огромны возможности этнографии. Е.П. Осипова поражает богатой картиной рязанского национального костюма в книге «Язык рязанского костюма» (Осипова 2004). Есть работы о рязанском костюме ныне монахини Татьяны Панковой. Мне посчастливилось видеть ее машинописную рукопись с цветными фотографиями рязанских женских костюмов – изумительное (по-другому не скажешь) богатство форм и красок.

Должен быть продолжен археологический анализ находок. Это океан информации о цивилизации, ее истоках и развитии. Благодаря достижениям генетики археология перестает быть «немой». Достижения в генетике дают возможность различить скифов и сарматов, связывая с конкретными народами различия Зарубенецкой и Ямочной культур.

Японцу до Камчатки и Аляски нужно было проплыть под парусом несколько часов или дней. Но открыли Аляску русские. В 2021 году страна отметила 280-летие открытия Аляски. До Аляски добрались рязанцы, владимирцы, новгородцы, преодолев почти десять тысяч километров. Случилось это потому, что они понимали, знали реку, понимали систему рек. Из Рязанской Елатьмы на Оке пришел на Американский континент первый аляскинский святой Гермоген. Герой России Михаил Георгиевич Малахов, что на лыжах от берегов Канады дошел до Северного полюса,

организуя экспедиции на Аляске; он тренирует и сегодня членов своих экспедиций на рязанских реках.

Судьба сегодняшних рек незавидная. Только с территории Рязани исчезло 7 речек и ручьев. В отдельные годы Ока объявлялась несудоходной. Обращение к речной цивилизации, ее истокам, поможет нам спасти реки, дожившие до нашего времени.

Литература Рязанской земли – безусловно, литература цивилизации. К ней необходимо присоединить результаты исследований этнографии: рязанского костюма, деревянной скульптуры, деревянного и каменного зодчества (Рязанское барокко), рязанской иконописной и художественной школ – от иконописной школы Солотчинского монастыря до творчества народного художника Виктора Ивановича Иванова, отразившего жизнь в портретах жителей деревни Исады. Все это подводит нас к выводу о тысячелетней цивилизации, которую мы можем назвать Рязанской речной цивилизацией.

Выводы

Естественно, вопрос о Рязанской речной цивилизации постановочный, однако в исследовании Рязанской речной цивилизации как единой системы, ее роли в создании общерусской цивилизации, большая перспектива. По существу, Россия составила из тысячелетних цивилизаций, которые объединялись славянским языком со своими диалектами и православной верой, они обладали уникальными культурными качествами, этнографическими особенностями, собственными художественными школами и традициями, выработанными за тысячелетие их жизни.

Слова безвестного автора XIII века о прошлом русских земель до татарского нашествия: «О светло светлая и украсно украшенная земля Русская! И многими красотами удивлена еси...» – относились и к Рязанской цивилизации.

Источники

- Греков, Б.А. (1982), Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. [Kiev Rus and the Russian Principalities of the XII–XIII centuries], Москва.
- Гумилев, Л.Н. (1992), От Руси – к России. Очерки этнической истории [From Russia to Russia. Essays on ethnic history], Москва: ЭКСМО.
- Иловайский, Д.И. История России [History of Russia]. В 5 томах. URL: http://az.lib.ru/i/ilowajskij_d_i/.
- Данилевский, Н.Я. (1995), Россия и Европа [Russia and Europe], СПб.
- Добролюбов, И. (1884), Историко-статистическое описание церквей, ныне существующих и упраздненных [Historical and statistical description of churches, now existing and abolished]. Т. 1. Зарайск.
- Ключевский, В.О. (1968), Письма, дневники, афоризмы и мысли об истории [Letters, diaries, aphorisms and thoughts about history], Москва.
- Ключевский, В.О. (1987), Курс лекций по русской истории [A course of lectures on Russian history], Москва.
- Лосев, А.Ф. (2001), Диалектика мифа [The Dialectic of myth], Москва: Мысль.
- Матрица русской культуры: Миф? Двигатель модернизации? Барьер? [The Matrix of Russian Culture: A Myth? The engine of modernization? A barrier?], (2012), Москва: Совет по внешней и оборонной политике.

- Никонов, В.А. (2015), Код цивилизаций. Что ждет Россию в мире будущего? [The code of civilizations. What awaits Russia in the world of the future?], Москва: ЭКСМО.
- Осипова, Е.П. (2004), Язык Рязанского костюма [The language of the Ryazan costume], Рязань.
- Руделев, В.Г. (1958), Лексика жилища и жилищно-хозяйственного строительства в некоторых южнорусских рязанских говорах [Vocabulary of housing and housing construction in some South Russian Ryazan dialects]: дис. д-ра филол. наук, Оренбург.
- Рыбаков, Б.А. (1994), Язычество древних славян [Paganism of the ancient Slavs], Москва.
- Современное Есениноведение [Modern Yesenin Studies]. Научно-методический журнал. (2004–2022).
- Трубачев, О.Н. (2003), Этногенез и культура древнейших славян [Ethnogenesis and culture of the ancient Slavs], Москва.
- Трубачев, О.Н. (2005), В поисках единства. Взгляд филолога на проблему истоков Руси [In search of unity. Philologist's view on the problem of the origins of Russia], Москва.
- Уколова, В.И. (2003), Предисловие. Суд истории как поиск истины [Preface. The Trial of History as a search for Truth] // Тойнби, А.Дж. Цивилизация перед судом истории, Москва.
- Хантингтон, С. (1994), «Столкновение цивилизаций?» [A clash of civilizations?], Полис. Политические исследования, № 1.
- Чекурин, Л.В. (2021), «Культурные коды Рязанской речной цивилизации» [Cultural codes of the Ryazan river civilization], IV Межрегиональный форум древних городов. 7 Межрегиональная научно-практическая конференция «Рязанская земля; история, культура, общество», Рязань. 23 сентября 2021 г.
- Чекурин, Л.В. (2009), Без гнева и пристрастия. Личность и судьба русского историка Д.И. Иловайского [Without anger and addiction. Personality and fate of the Russian historian D.I. Ilovaisky], Рязань.
- Чекурин, Л.В. (2009), Академик О.Н. Трубачев и Русская энциклопедия [Academician O.N. Trubachev and the Russian Encyclopedia] // Академик Олег Николаевич Трубачев, Москва.
- «Internet-образы российской провинциальной культуры XVIII–XIX вв.» [Internet-images of Russian provincial culture of the XVIII–XIX centuries], История. Приложение к газете «1 сентября» (2004).

DOI: 10.53658/RW2021-2-1(3)-190-209

Cultural codes of the Ryazan river civilization and the russian akanye

Chekurin L.V.

Ryazan State University named after S.A. Yesenin (Ryazan, Russia)

Abstract: The article is devoted to a comprehensive analysis of the internal sources of the development of Russian civilization on the example of the «cultural code» of one of the local civilizations. Historians, as a rule, apply either to a description of the Mongol invasion or they outline the reforms of Peter the Great, Alexander the Second, Stolypin P.A., when they study the story of the Russian civilization rather than a detailed description of innumerable wars. Cultural issues are given in fragments, a minimum attention is drawn to them.. Currently, a huge amount of archaeological material has been accumulated, researchers have made great progress in studying certain branches of culture: architecture («history in stone»), icon painting, painting, sculpture, and other forms of civilization. There is every need to study the sum total of spiritual, moral and material forms of culture, to research the above problem, as in their integrity they constantly making an impact on a person, they ultimately determine the historical fortune and the formation of national identity. The topic of the article is essentially a new approach for researchers who consider mainly only the economic, social, political aspects of the influence of the West and the East. Internal sources of development are more hidden for researchers, they are less accessible than conspicuous external factors and borrowings.

Keywords: Ryazan River civilization, Oka-Don area, Azov-Black Sea Rus, culture, literary tradition, chronicle, linguistics, akanye

About the author: LEONID V. CHEKURIN. Professor of the Department of Russian History of Ryazan State University named after S.A. Yesenin. Address: 390006, Russia, Ryazan, Svobody str. 26, sq. 23. l.chekurin@yandex.ru.

References

- Grekov, B.A. (1982), Kiev Rus and the Russian Principalities of the XII–XIII centuries [Kievskaya Rus' i russkie knyazhestva XII–XIII vv.], Moscow. (In Russian)
- Gumilev, L.N. (1992), From Russia to Russia. Essays on ethnic History [Ot Rusi – k Rossii. Ocherki etnicheskoy istorii]. Moscow: EKSMO. (In Russian)
- Ilovaisky, D.I. History of Russia [Istoriya Rossii]. In 5 volumes. URL: http://az.lib.ru/i/ilovajskij_d_i/.
- Danilevsky, N.Ya. (1995), Russia and Europe [Rossiya i Evropa]. St. Petersburg. (In Russian)
- Dobrolyubov, I. (1884), Historical and statistical description of churches now existing and abolished [Istoriko-statisticheskoe opisanie cerkvej, nyne sushchestvuyushchih i uprazdnennyh]. Vol. 1. Zaraysk. (In Russian)
- Klyuchevsky, V.O. (1968), Letters, diaries, aphorisms and thoughts about history [Pis'ma, dnevniki, aforizmy i mysli ob istorii], Moscow. (In Russian)
- Klyuchevsky, V.O. (1987), A course of lectures on Russian history [Kurs lekcij po russkoj istorii]. Moscow.
- Losev, A.F. (2001), Dialectics of Myth [Dialektika mifa], Moscow: Mysl. (In Russian)
- The Matrix of Russian Culture: A Myth? The engine of modernization? A barrier? [Matrica russkoj kul'tury: Mif? Dvigatel' modernizacii? Bar'er?] (2012), Moscow: Council for Foreign and Defense Policy. (In Russian)
- Nikonov, V.A. (2015), The code of civilizations. What awaits Russia in the world of the future? [Kod civilizacij. Chto zhdet Rossiju v mire budushchego?] Moscow: EKSMO. (In Russian)
- Osipova, E.P. (2004), The language of the Ryazan costume [Yazyk Ryazanskogo kostyuma]. Ryazan. (In Russian)
- Rudelev, V.G. (1958), Vocabulary of housing and housing and economic construction in some South Russian Ryazan dialects [Leksika zhilishcha i zhilishchno-hozyajstvennogo stroitel'stva v nekotoryh yuzhnorusskih ryazanskih govorah]: dis. Doctor of Philology. Orenburg. (In Russian)
- Rybakov, B.A. (1994), Paganism of the ancient Slavs [Yazychestvo drevnih slavyan], Moscow. (In Russian)
- Modern Yesenin studies. Scientific and methodological journal. 2004–2022). (In Russian)
- Trubachev, O.N. (2003), Ethnogenesis and culture of the ancient Slavs [Etnogenez i kul'tura drevnejshih slavyan], Moscow. (In Russian)
- Trubachev, O.N. (2005), In search of Unity. The philologist's view on the problem of the origins of Russia [V poiskah edinstva. Vzglyad filologa na problemu istokov Rusi], Moscow. (In Russian)
- Ukolova, V.I. (2003), «Preface. The Trial of history as a search for truth [Predislovie. Sud istorii kak poisk istiny],» Toynbee, A.J. Civilization before the court of history, Moscow. (In Russian)
- Huntington, S. (1994), «Clash of Civilizations? [Stolknovenie civilizacij?]
- Policy. Political studies, No. 1. (In Russian)
- Chekurin, L.V. (2021), «Cultural codes of the Ryazan river civilization [Kul'turnye kody Ryazanskoy rechnoj civilizacii],» IV Interregional Forum of Ancient Cities. 7 Interregional scientific and practical conference «Ryazan land; history, culture, society», Ryazan. September 23, 2021. (In Russian)
- Chekurin, L.V. (2009), Without anger and addiction. Personality and fate of the Russian historian D.I. Ilovaisky [Bez gneva i pristrastiya. Lichnost' i sud'ba russkogo istorika D.I. Ilovajskogo], Ryazan. (In Russian)
- Chekurin, L.V. (2009), Academician O.N. Trubachev and the Russian Encyclopedia [Akademik O.N. Trubachev i Russkaya enciklopediya] // Academician Oleg Nikolaevich Trubachev, Moscow. (In Russian)
- Internet-images of Russian provincial culture of the XVIII–XIX centuries History [Internet-obrazy rossijskoj provincial'noj kul'tury XVIII–XIX vv.]. Appendix to the newspaper «September 1» (2004), pp. 26–30. (In Russian)

АНАЛИТИКА И ИНФОГРАФИКА

RUSSIA & WORLD: SCIENTIFIC DIALOGUE
**РОССИЯ
И МИР**
НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

Концепция диалога цивилизаций Сейда Мухаммада Хатами

Концепция «диалога цивилизаций», как альтернатива «столкновению», была предложена 5-м президентом Ирана Сейдом Мухаммадом Хатами: «Это принципиальная необходимость для международного сообщества, это способ обеспечить безопасность в мире»¹.

Идея С.М. Хатами быстро приобрела популярность и соответствовала парадигме внеблокового мира, который рассчитывали построить после 1991 года. С.М. Хатами видел развал СССР не как «конец истории», а как возможность для ведения диалога, в качестве альтернативы господству великих держав и силовому решению вопроса.

На круглом столе в ЮНЕСКО, посвященном «Году диалога цивилизаций», С.М.Хатами подчеркнул: «Конечная цель диалога цивилизаций – не само ведение диалога ради диалога, а диалог, ведущий к достижению эмпатии и сопереживания»².

С.М. Хатами охарактеризовал новую систему построения взаимоотношений, которая коррелировала с миссией ООН. Это обеспечило международную поддержку концепции и формирование ряда инициатив, в числе которых – Альянс цивилизаций ООН (платформа для диалога по пяти направлениям: работа с молодежью, образование, миграция, медиа, права женщин).

¹ The Message of His Excellency, Seyyed Mohammad Khatami, President of the Islamic Republic of Iran, on the occasion of the 31st session of the General Conference of UNESCO. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000124449>.

² Dialogue among Civilizations The Round Table on the Eve of the United Nations Millennium Summit. URL: https://unesdoc.unesco.org/in/documentViewer.xhtml?v=2.1.196&id=p::usmarcdef_0000123890&file=/in/rest/annotationSVC/DownloadWatermarkedAttachment/attach_import_d9c19a4b-e217-46d0-a35f-8e51f53094b3%3F_%3D123890eng.pdf&locale=ru&multi=true&ark=/ark:/48223/pf0000123890/PDF/123890eng.pdf#%5B%7B%num%3A165%2C%gen%3A0%7D%2C%7B%name%3A%XYZ%7D%2C32%2C685%2C0%5D.

АНАЛИТИКА И ИНФОГРАФИКА

Взгляд на межкультурный диалог из Китая

Китай, как цивилизация, существует на протяжении более 5000 лет, однако значительно пострадал от ряда вызовов XIX–XX веков, которые, однако, привели к трансформации и процветанию Китая на современном этапе.

В докладе говорится о начале «Новой Эры», планах развития китайской цивилизации, на основе синтеза собственных достижений и заимствований из иных цивилизаций, их интеграции в китайские реалии. Новая китайская цивилизация должна строиться на сочетании социализма и традиционной китайской культуры, на основе единства и уважения плюрализма цивилизаций и взаимовыгодных отношений обмена и сосуществования, но готовности к противостоянию в случае угрозы собственному существованию.

Диалог цивилизаций на азиатском пространстве возможен посредством организации форумов и создания системы баланса интересов в регионе, где существует значительное количество амбициозных государств, в т.ч. членов Ядерного клуба, что требует взвешенной политики и снижения напряжения, которое предопределяет приоритет диалога над конфронтацией.

По материалам доклада Генерального секретаря КПК Си Цзиньпина на XIX съезде КПК 18 октября 2017 г.¹

Взгляд на межкультурный диалог из Турции

Общности ценностей, приоритетов, культуры могут служить общим целям и интересам, которые необходимо отстаивать, консолидируясь перед вызовами XXI века. Задача - преобразовать Организацию тюркских государств и усилить ее роль в качестве:

- платформы для регулярного диалога и кооперации по следующим направлениям: политическая кооперация (интеграция форматов тюркской кооперации в единую систему);
- кооперация в сфере безопасности (противодействие региональным угрозам);
- экономическая кооперация (гармонизация экономики, упрощение торговли, перспективы единого таможенного пространства);
- секторальная кооперация (энергетика, туризм, здравоохранение, экология, др.);
- также межличностная кооперация (в области науки, культуры, спорта, СМИ, по вопросам диаспоры).

Такое сотрудничество, будучи ориентированным на Цели устойчивого развития, нацелено на консолидацию тюркского мира и его дальнейшую кооперацию с ЕС, ОБСЕ, ОИК, Вышеградской группой и др.

¹ Full text of Xi Jinping's report at 19th CPC National Congress. China Daily. – URL: https://www.chinadaily.com.cn/china/19thcpcnationalcongress/2017-11/04/content_34115212.htm.

Турция, как инициатор данного объединения рассчитывает на два этапа построения диалога: внутри цивилизации, а затем с другими цивилизациями, придерживаясь позиции о силе в единстве и консолидации государств для повышения репрезентативности на международной арене и конкурентоспособности со старыми «великими державами».

Программный документ «Видение тюркского мира 2040»², принят по итогам Восьмого саммита Организации тюркских государств, 12.11. 2021 г.

Взгляд на межкультурный диалог из Индии

«Я не хотел бы, чтобы мой дом был окружен забором со всех сторон, а его окна были забиты. Я хочу, чтобы мой дом был распахнут для культур всех земель, свободных, как ветер. Но пусть ни одна из них не собьет меня с ног».

Махатма Ганди³

«Диалог, построенный на схождении широкого круга взаимно обогащающихся культур, погряз в трясине потребительской культуры, укрывшейся под защитным зонтиком оружия массового поражения. Провидцы конфликтов цивилизаций выражали это словами «Запад против остальных». А Запад в настоящее время определяется по-новому – как сообщество англо-американских олигархов плюс некоторые зависимые государства, поддерживающие их. Это миф, что в результате навязывания народам иной культуры («их рекультуризации») может возникнуть единая цивилизация, построенная на демократии по американскому образцу, правах человека, потребительской культуре и развлечениях. Ныне сам образец для подражания серьезно пострадал в результате последствий экономической политики, базирующейся на культе потребления».

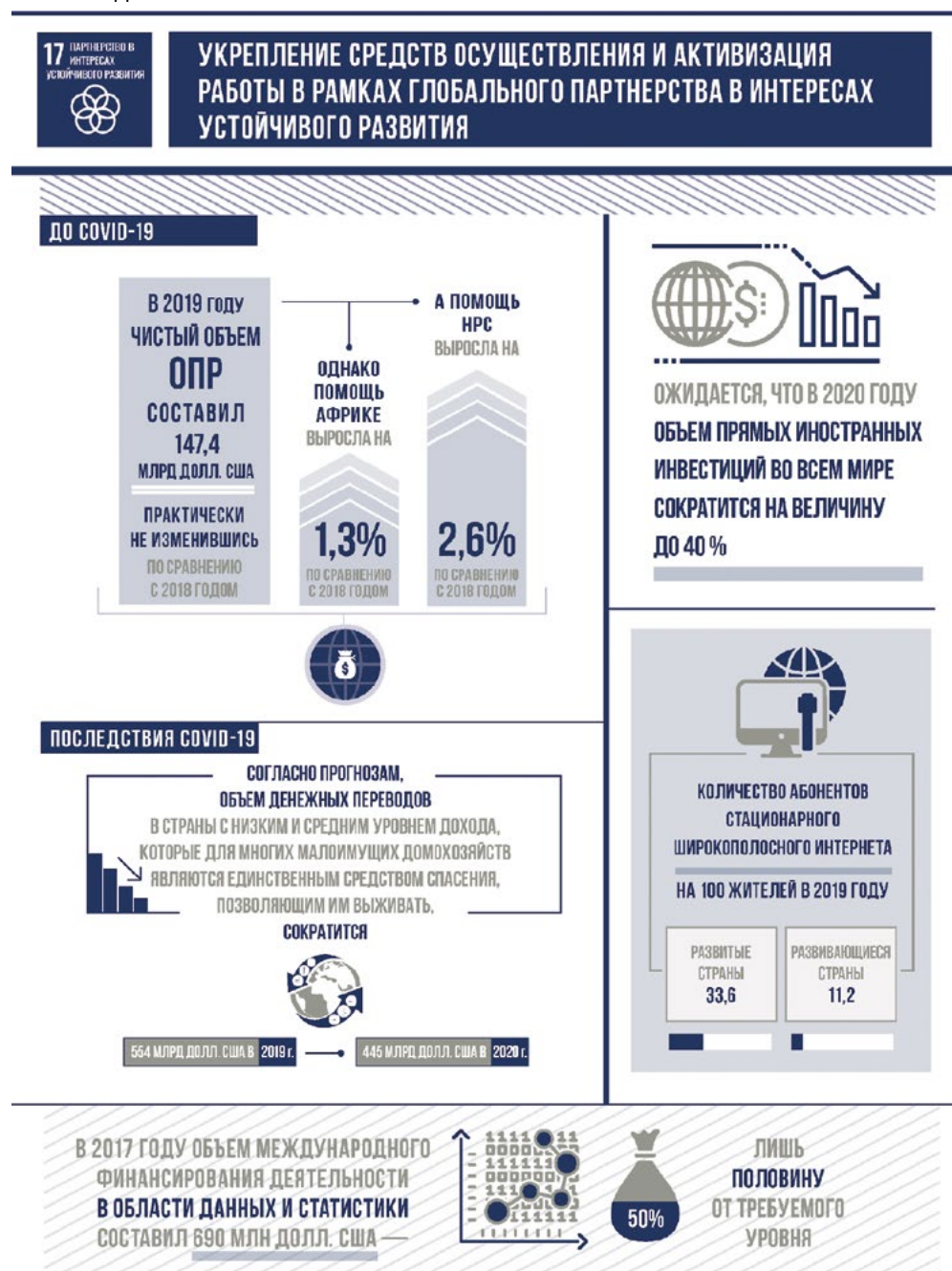
«Наши фундаментальные задачи при поиске гуманного порядка состоят поэтому в том, чтобы защитить истину, сдерживать отрицательные силы, усилить положительные влияния, способствующие введению гуманного общественного устройства. Необходимо определить критерии для построения новой парадигмы: а) удовлетворение базисных потребностей всех людей независимо от страны и общества, в которых они живут (мировая система будет тогда устойчивой, несмотря на динамичное развитие); б) человеческие действия должны отвечать естественным законам: стремление к материальному достатку должно быть обосновано этически».

Реализация нового положительного направления развития потребует пробуждения души наций через ненасильственные приемы, подобных солевому маршу Ганди, с целью разорвать порочный круг насилия и оболванивания, восстановить равновесие между материальными и духовными началами в человеке. Даже сердцевина материи не твердая, а сделана из начальной субстанции энергии и формы – вибрирующей ду-

² Turkic World Vision – 2040. – URL: <https://www.turkkon.org/assets/pdf/haberler/turkic-world-vision-2040-2396-97.pdf>

³ Махатма Ганди. Цитаты. URL: <https://citatnica.ru/citaty/tsitaty-mahatma-gandi-350-tsitat>.

Рисунок 1. Инфографика по достижению Цели устойчивого развития № 17 за 2020 год⁷

⁷ База знаний по ЦУР Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН. URL: <https://sdgs.un.org/ru/goals/goal17>.

ховной сущности. И необходимо восстановить связь нашей планеты с космосом. Только акции, направленные на обеспечение благосостояния всех в пределах общины, страны или мира, обеспечат продолжение человеческой истории в бесконечность».

Джагдиш Капур (1920–2010) – индийский предприниматель и футуролог, соучредитель форума «Диалог цивилизаций», президент фонда «KapurSurya» (Индия)⁴.

17-я цель устойчивого развития и диалог цивилизаций

Приоритет диалога над конфликтом цивилизаций отражен в Целях устойчивого развития, разработанных Организацией Объединенных Наций в 2015 году. 17-я цель сформулирована как «Укрепление средств осуществления и активизация работы в рамках Глобального партнерства в интересах устойчивого развития». ООН констатирует, что все цели могут быть достигнуты исключительно в условиях глобальной кооперации и при общем участии государств и их сотрудничестве. 17-я цель является объединяющей усилия по международному гуманитарному сотрудничеству в рамках первых шестнадцати.

Диалог цивилизаций проявляется в сотрудничестве в гуманитарной сфере

Сотрудничество в гуманитарной сфере - наиболее компромиссная область, где есть общее понимание проблем и точки сближения в рамках их решения. Но несмотря на декларируемые ООН идеалы, международное гуманитарное сотрудничество регулярно сталкивается с проблемами и ограничениями, вызванными политическими интересами государств и, как следствие, их разной степенью вовлеченности. Одним из наглядных примеров является политика США в период президентства Д.Трампа: выход из Парижского соглашения по климату⁵, осуждение действий ВОЗ в 2020 г⁶ в связи с пандемией. Несмотря на возврат к прежней политике после выборов в ноябре 2020 года, кейс США продемонстрировал риски того, как сотрудничество в рамках Целей устойчивого развития может находиться под угрозой.

Материал подготовил Тихонов Юрий Павлович,
стажер-исследователь
Национального исследовательского института
развития коммуникаций,
email: yur.tikhonov@igsu.ru

⁴ Джагдиш Капур. Диалог цивилизаций на пути к формированию философии гуманитарного мироустройства / Диалог цивилизаций и международные отношения в условиях глобализации. Москва, Нижний Новгород, Бейрут, 2008.

⁵ Statement by President Trump on the Paris Climate Accord // The White House Official Portal. 2017. - URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/statement-president-trump-paris-climate-accord/>.

⁶ President Donald J. Trump Is Demanding Accountability From the World Health Organization // The White House Official Portal. 2020. - URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/president-donald-j-trump-demanding-accountability-world-health-organization/>.

АНАЛИТИКА И ИНФОГРАФИКА

ПЕРВЫЙ РЕЙТИНГ ДРУЖЕСТВЕННОСТИ СТРАНОВЫХ КОММУНИКАЦИОННЫХ РЕЖИМОВ – 2021 год

Материал «Рейтинг дружелюбности государственных коммуникационных режимов» для публикации подготовили:

Комлева В.В., д.с.н., заместитель директора по научной работе Национального исследовательского института развития коммуникаций

Шевелева Ю.Р., стажер Национального исследовательского института развития коммуникаций

В 2021 году Национальный исследовательский институт развития коммуникаций (НИИРК) провел оценку дружелюбности государственных коммуникационных режимов в отношении России (по шкале от -100 до +100 баллов).

Научная трактовка понятия: КОММУНИКАЦИОННЫЙ РЕЖИМ – это управляемая (с разной степенью управляемости), институционализированная (с разной степенью институционализации), конвенциональная (с разной степенью конвенциональности) система норм, правил, принципов, традиций, паттернов, структур и акторов, регулирующих информационно-коммуникационные процессы. Коммуникационный режим регулирует коммуникации (процесс, каналы, институты и результат установления двух- или многосторонних контактов внутри страны и между странами) и информацию (содержание и способы распространения сообщений, передаваемых в процессе коммуникации или в одностороннем, одностороннем процессе информирования). Коммуникационный режим способствует упорядочиванию коммуникации и информации, обеспечению социального порядка, воспроизводству социальных связей и общественно-политической системы, позволяет системе самосохраняться и быть устойчивой¹.

Государственный коммуникационный режим оценивался в 2021 году в отношении 10 видов коммуникации: (1) статус России как государства-партнера (внешнеполитические коммуникации); (2) отношение к России, к русским (с русскими), идентификации русскоязычного населения; (3) коммуникации в сфере образования; (4) научная коммуникация на русском языке; (5) коммуникации экономических акторов; (6) свобода передвижения; (7) культурная коммуникация; (8) медиакоммуникация; (9) коммуникации НКО; (10) иные форматы коммуникации.

Рейтинг коммуникационных режимов не предполагал оценку коммуникаций военно-технического и военно-политического характера. Военно-политическое и военно-техническое сотрудничество не оценивалось экспертами.

1 Подробнее см. опубликованные исследования НИИРК:

Гасумянов В.И., Комлева В.В. Коммуникационные режимы как фактор межгосударственных взаимодействий: постановка проблемы // Международная жизнь. – 2020. – № 10. <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2409>.

Гасумянов В.И., Комлева В.В. Communication Regimes as a New Scientific Category // Коммунология. – 2020. Т. 8. – № 3. – С. 43-50. <https://elibrary.ru/item.asp?id=44116350>.

Комлева В.В. Государственный коммуникационный режим как социально-политический феномен // Россия и мир: научный диалог – Russia&World: Sc. dialogue. – 2021. – Т. 1. – № 1. – С. 13-26. <https://doi.org/10.53658/RW2021-1-1-13-26>.

Комлева В.В. Коммуникационные режимы стран «догоняющих революций»: народ как бенефициар. Материалы конференции // Международная жизнь. – 2021. – № 3. – С. 130-133.

Комлева В.В. Секьюритизация национальной идентичности в коммуникационных режимах стран Центральной Азии. Материалы XII Международной ялтинской конференции «Особенности современных интеграционных процессов на постсоветском пространстве» // Международная жизнь. – 2021. – № 12. <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2594>.

Шевелева Ю.Р. Коммуникационный режим как фактор воспроизводства политической власти // Вопросы политологии. – 2021. – Т. 11. – № 9(73). – С. 2535-2551. – DOI 10.35775/PSI.2021.73.9.010

Выборка стран: Азербайджан, Армения, Белоруссия, Грузия, Казахстан, Киргизия, Латвия, Литва, Молдавия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Украина, Эстония.

СПРАВКА

Национальный исследовательский институт развития коммуникаций (НИИРК) – некоммерческая, негосударственная научно-аналитическая структура, разрабатывает методологию исследования и проекты решений в области международного гуманитарного диалога. В зоне интересов НИИРК 26 стран. Из известных исследований – «Сравнительный анализ целей и технологий международных НКО на территории постсоветских стран».

В 2020 году НИИРК начал разработку концепции коммуникационных режимов стран и регионов, провел сравнительные исследования, опубликовал научные статьи, отчеты и аналитические доклады, организовал научные дискуссии и открытые обсуждения в СМИ.

В 2021 году НИИРК провел оценку дружественности и опубликовал Первый рейтинг дружественности коммуникационных режимов соседних стран.

Дружественность коммуникационного режима страны в отношении другой страны выражается в наличии правовых, политических и социокультурных условий для неконфликтного развития разного вида межстрановых коммуникаций и обмена информацией государственных и негосударственных акторов. Дружественность способствует развитию отношений, основанных на дружбе и добрососедстве. Дружественность предполагает благоприятные отношения стран на основе взаимного уважения, взаимных интересов и ценностей мирного сосуществования в многополярном мире¹.

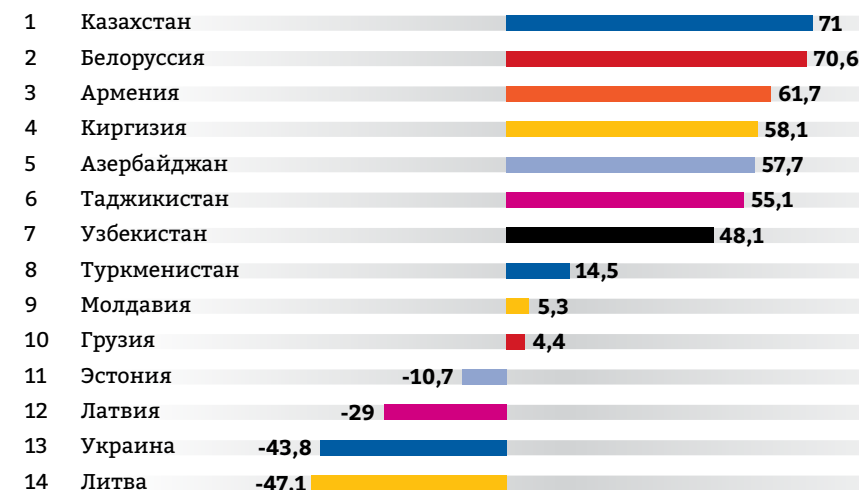
По состоянию на конец 2021 года в пятёрку самых дружественных коммуникационных режимов вошли Казахстан, Белоруссия, Армения, Киргизия, Азербайджан

По состоянию на конец 2021 года в Литве, Латвии, Украине, Эстонии сформированы самые недружественные коммуникационные режимы

¹ Подробнее см. опубликованные исследования НИИРК:

Гасумянов В.И., Комлева В.В. Дружественность страновых коммуникационных режимов: интерпретация и оценка // Международная жизнь. – 2021. – № 8. <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2547>.

Звонова М.Е. Дружественность страновых коммуникационных режимов: на примере российско-эстонских отношений в образовании // Научно-аналитический журнал «Обозреватель» – Observer. – 2021. – № 10(381). – С. 40-53. DOI 10.48137/2074-2975_2021_10_40.

Страновые профили дружественности коммуникационных режимов

Страновые профили дружественности коммуникационных режимов позволяют видеть, по каким видам коммуникации создан наиболее благоприятный (или наименее благоприятный) коммуникационный режим. Профили составлены на основе оценок каждого вида коммуникаций, значимых для страновых коммуникационных режимов.

Рис. 1. Профили Литвы, Латвии, Эстонии

Черным цветом пунктирной линией изображены максимально возможные значения по каждому виду коммуникаций. Разные виды коммуникации и их показатели имели разные веса в общей оценке дружелюбности. Визуализация на рисунках показывает: чем дальше от центра пик коммуникации, тем более дружелюбна страна по данному виду коммуникации.

■ Эстония (11 место в рейтинге, сумма баллов по всем видам коммуникаций -10,7 балла);
■ Латвия (12 место в рейтинге, сумма баллов по всем видам коммуникаций -29 баллов);
■ Литва (14 место в рейтинге, сумма баллов по всем видам коммуникаций -47,1 балла).

Шкала оценки: дружелюбный (+100) / недружелюбный (-100)

Рис. 2. Наиболее и наименее дружелюбные виды коммуникации

Черным цветом пунктирной линией изображены максимально возможные значения по каждому виду коммуникаций. Разные виды коммуникации и их показатели имели разные веса в общей оценке дружелюбности. Визуализация на рисунках показывает: чем дальше от центра пик коммуникации, тем более дружелюбна страна по данному виду коммуникации.

■ Белоруссия (2 место в рейтинге, сумма баллов по всем видам коммуникаций +70,6 балла);
■ Молдавия (9 место в рейтинге, сумма баллов по всем видам коммуникаций +5,3 балла);
■ Украина (13 место в рейтинге, сумма баллов по всем видам коммуникаций -43,8 балла).

Разные виды коммуникации и их показатели имели разные веса в общей оценке дружелюбности.

Шкала оценки: дружелюбный (+100) недружелюбный (-100)

Рис. 3. Наиболее и наименее дружелюбные виды коммуникации

Черным цветом пунктирной линией изображены максимально возможные значения по каждому виду коммуникаций. Разные виды коммуникации и их показатели имели разные веса в общей оценке дружелюбности. Визуализация на рисунках показывает: чем дальше от центра пик коммуникации, тем более дружелюбна страна по данному виду коммуникации.

■ Армения (3 место в рейтинге, сумма баллов по всем видам коммуникаций +61,7 балла);
■ Азербайджан (5 место в рейтинге, сумма баллов по всем видам коммуникаций +57,7 балла);
■ Грузия (10 место в рейтинге, сумма баллов по всем видам коммуникаций +4,4 балла).

Разные виды коммуникации и их показатели имели разные веса в общей оценке дружелюбности.

Шкала оценки: дружелюбный (+100) / недружелюбный (-100)

Рис. 4. Наиболее и наименее дружественные виды коммуникации

Черным цветом пунктирной линией изображены максимально возможные значения по каждому виду коммуникации. Разные виды коммуникации и их показатели имели разные веса в общей оценке дружелюбности. Визуализация на рисунках показывает: чем дальше от центра пик коммуникации, тем более дружелюбна страна по данному виду коммуникации.

■ Казахстан (1 место в рейтинге, сумма баллов по всем видам коммуникаций +71 балл);
■ Киргизия (4 место в рейтинге, сумма баллов по всем видам коммуникаций +58,1 балла);
■ Таджикистан (6 место в рейтинге, сумма баллов по всем видам коммуникаций +55,1 балла);
■ Узбекистан (7 место в рейтинге, сумма баллов по всем видам коммуникаций +48,1 балла);
■ Туркменистан (8 место в рейтинге, сумма баллов по всем видам коммуникаций +14,5 балла).

Разные виды коммуникации и их показатели имели разные веса в общей оценке дружелюбности.
Шкала оценки: дружелюбный (+100) / недружелюбный (-100)

Методика комплексной оценки дружелюбности страновых коммуникационных режимов

Методика разработана с учетом возможности получения достоверной информации, фиксации и группировки объективных фактов. Рейтинг коммуникационных режимов не предполагал оценку военно-технического и военно-политического сотрудничества.

Для каждого вида были разработаны критерии и показатели оценки. В целом коммуникационный режим оценивался по 68 показателям по шкале «дружелюбность – враждебность». Показатели имеют разные веса. Расчет веса каждого показателя в общей оценке дружелюбности произведен на основе экспертной оценки.

Итоговый интегральный рейтинг сформирован методом суммы мест в рейтингах, полученных по результатам оценки разных групп экспертов: (1) практики – специалисты по каждой стране из заданной выборки стран, (2) сотрудники международных организаций, международных департаментов, (3) ученые – эксперты в области международных отношений.

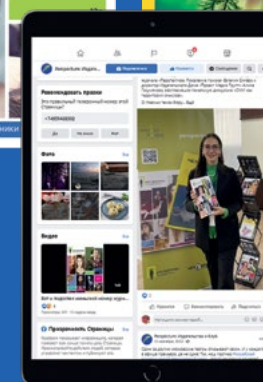
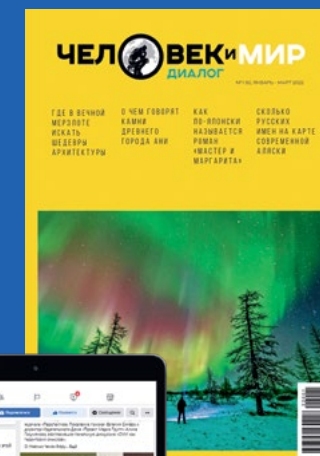
Экспертной оценке подвергались: (1) нормативные правовые акты, создающие условия и регулирующие 10 видов коммуникаций в каждой стране; (2) реальные практики (решения и действия) акторов 10 видов коммуникаций; (3) актуальные, воспроизводящиеся традиции, обычаи, привычные паттерны, влияющие на коммуникационный режим.

Методы: экспертный опрос, контент-анализ, дискурс-анализ, ивент-анализ, статистические методы, расчет дисперсии, среднестатистическое значение, метод суммы мест.

Рейтинговый балл по каждой стране возможен от +100 (самый дружелюбный коммуникационный режим) до -100 (самый недружелюбный коммуникационный режим).

ОНЛАЙН МЕДИА И ИЗДАТЕЛЬСТВО

perspectum

Оформи подписку на журналы и получи подарок!

Адрес издательства:
Москва, Коробейников пер.,
д. 22, стр. 1
+7 (495) 146-83-02
project_media@perspectum.info

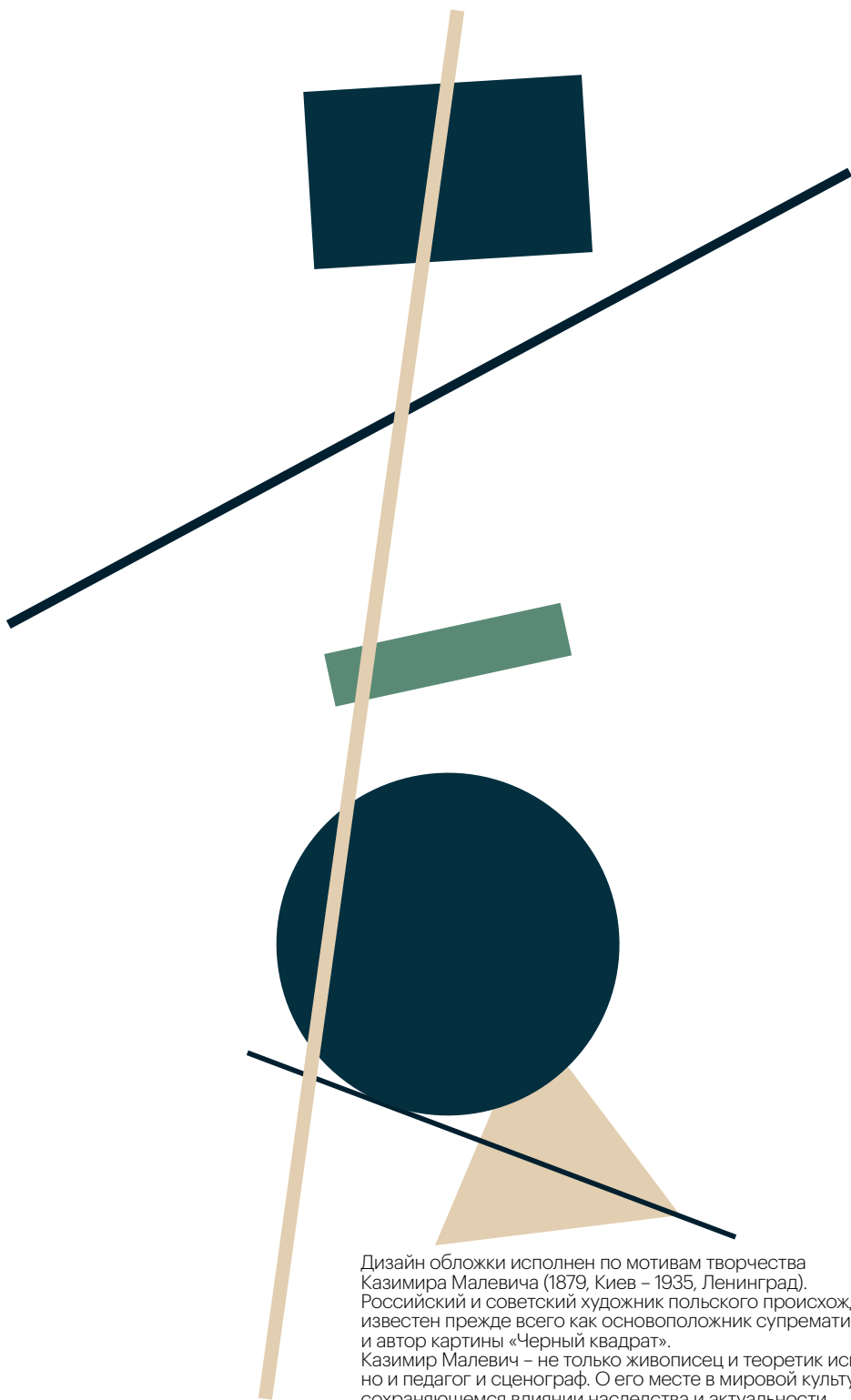
- perspectum.info
- t.me/perspectum
- vk.com/perspectum_media
- ok.ru/group/perspectum_media
- Яндекс.Дзен: Perspectum

Макет и предпечатная подготовка
Издательский дом «Проект Медиа Групп»
(Департамент медиапроектов)
г. Москва, Гагаринский пер., 5, стр. 1, эт. 2, оф. 2
Тел. +7 495 146 83 02

Подписано в печать 15.03.2022

Отпечатано
ОАО «Подольская фабрика
офсетной печати»
Московская область, г. Подольск,
Революционный проспект, 80/42

Тираж 2000 экз.

Дизайн обложки исполнен по мотивам творчества Казимира Малевича (1879, Киев – 1935, Ленинград). Российский и советский художник польского происхождения известен прежде всего как основоположник супрематизма и автор картины «Черный квадрат». Казимир Малевич – не только живописец и теоретик искусства, но и педагог и сценограф. О его месте в мировой культуре, сохраняющемся влиянии наследства и актуальности свидетельствует тот факт, что в 2008 году «Супрематическая композиция» Малевича была продана на аукционе Sotheby's за 60 млн долларов.